

В ФОКУСЕ: РЕБЁНОК — РОДИТЕЛЬ — СПЕЦИАЛИСТ

ШКОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

СЕМЬЯ И ДЕТИ

ФОНД
ТИМЧЕНКО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ЕЛЕНА И ГЕННАДИЯ
ТИМЧЕНКО

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко
Программа «Семья и Дети»

НАЕДИНЕ СО ШКОЛОЙ

Москва
2015

Автор : Гобова Е. С.
Авторское название: Наедине со школой. Школьный дневник
приемной матери ребенка из детского дома.

Наедине со школой

М.: ООО «РПФ НИК», 2015. — 158 стр.

Серия «В фокусе: ребенок-родитель-специалист», Изда-
тельский проект программы «Семья и дети» Благоотво-
рительного фонда Елены и Геннадия Тимченко

Перед вами — дневник приемной мамы, в котором она рассказывает о трудностях, с которыми ей и ее приемной дочери пришлось столкнуться при школьном обуче-
нии, и о том, как они их совместно преодолевали. Автор, психолог по специаль-
ности, смогла пройти «испытания школой», не сдалась, помогла своей дочке обрести
уверенность и стать успешной в школе. Книга будет полезна всем, кто вступил на
путь приемного родительства или еще только обдумывает такое решение для себя.
Важно подчеркнуть, что этот родительский опыт выверен и осмыслен, предлагаемые
методы и приемы базируются на научном подходе, но изложены очень понятным
и доступным языком.

© Гобова Е. С., 2015

*Все права защищены. Никакая часть данного
произведения не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельца авторских прав.*

ISBN 978-5-9906015-6-7

9 785990 601567

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В рамках издательского проекта «В фокусе: ребенок — родитель — специалист» мы рады представить вам пособие «Наедине со школой», в котором приемная мама с юмором описала сложности, с которыми она и ее приемная дочь столкнулись при школьном обучении, и то, как они их совместно преодолевали.

Про образовательные трудности детей, принятых в семьи на воспитание, хорошо известно и родителям, и специалистам. Зачастую приемным детям очень тяжело установить контакт с новыми учителями, найти свое место в сложившемся коллективе класса, адаптироваться к учебному процессу, обзавестись друзьями. Причинами этого являются неразвитые учебные навыки детей, их коммуникативная некомпетентность, последствия госпитализма — отставания в развитии, обусловленного дефицитом общения со взрослыми, травматического опыта досемейной жизни и перемещений и многое другое.

Как правило, трудности детей проявляются в виде стойкого отсутствия интереса к учебе и острого нежелания ходить в школу, низкой успеваемости, вызывающего поведения. В результате растет напряжение в приемной семье, которое еще усиливается давлением со стороны педагогов школы, других детей и их родителей. Приемные дети часто не обладают теми знаниями и умениями, которые уже освоили их одноклассники, и становятся аутсайдерами в школе. Адаптационные сложности ложатся тяжким бременем и на семью, и на педагогический коллектив школы. Трудное поведение ребенка является вызовом и раздражающим фактором и для приемных родителей, и для педагогов. Неслучайно одна из главных причин кризисных ситуаций и рисков вторичного отказа в приемных семьях — трудности детей в школах.

Как родители могут помочь своим детям справиться с такими трудностями? Как не потерять надежду и продолжать верить в силы и способности своего ребенка, когда собственные силы почти на исходе?

Опыт приемной мамы, которая смогла пройти «испытания школой», не сдалась, помогла своей дочке обрести уверенность и стать успешной в школе, очень полезен тем, кто вступил на путь приемного родительства или еще только обдумывает такое решение для себя. Важно подчеркнуть, что этот родительский опыт выверен и осмыслен, предлагаемые методы и приемы базируются на научном подходе, но изложены очень понятным и доступным языком.

Тонкое понимание трудностей ребенка, неиссякаемая энергия автора в поиске подходов к разрешению проблем могут быть так же полезны, как и сами найденные ею «ключики».

Мы надеемся, что этот живой школьный дневник поможет приемным родителям, педагогам школ и специалистам служб сопровождения поддержать детей в преодолении трудностей обучения. Можно предположить, что, одержав победу в этой ситуации, ребенок сможет справиться и с другими вызовами, которых будет у него в жизни немало.

И как всегда, мы будем признательны вам за обратную связь и за предложения, какие темы важно раскрыть в будущих книгах и кого из авторов пригласить.

С уважением,
Эльвира Гарифулина,
руководитель программы «Семья и дети», кандидат социологических наук
egarifulina@timchenkofoundation.org

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Введение. Наследие детского дома	6
Глава 1. Школьные слезы	15
Глава 2. Домашние усилия	21
Глава 3. Что делать?	26
Глава 4. Красные пунктиры, или что задано?	34
Глава 5. Разница для неудачницы	41
Глава 6. Предрасположенности	48
Глава 7. Правдивое отношение	60
Глава 8. Выученная беспомощность	73
Глава 9. Первые четверки в четверти	83
Глава 10. Трусливые решения	91
Глава 11. Сложности самоопределения	105
Глава 12. ГИА, наконец!	122
Глава 13. Социальная компетентность	138

Введение.

НАСЛЕДИЕ ДЕТСКОГО ДОМА

*Душа горчинкой
Меня опять накрыла.
Тенью и золотом
Границы начертала.
Нет, это не предел меня!*

Моя девочка пошла в школу, еще когда была в детском доме. И учиться ей было трудно. А когда она стала моей дочерью, мы вместе боролись с этими трудностями. Думаю, что такие же или похожие проблемы есть и у многих других приемных матерей и их детей. Надеюсь, что наш опыт преодоления школьных трудностей и стратегии развития способностей ребенка будет интересен всем родителям, неравнодушным к настоящему и будущему своих детей.

Школьные трудности были настолько велики, что их пришлось разделять на части, с которыми уже можно было что-то сделать:

осознать их, понять, какие действия нужны моей дочери для их преодоления.

Через некоторое время я взялась за прохождение школьной программы. Мы всё начинали с первого класса и параллельно со школьной программой четвертого класса проходили дома программу первого, а потом второго и третьего классов по русскому языку. С математикой дело обстояло не так плохо, и я сконцентрировалась на грамотном письме и чтении. Как я уже отмечала, школьные навыки сформированы не были. Моя дочь писала левой рукой, почерк был невыносимо корявым. При подобном нарушении эмоционально-волевой сферы какой еще может быть почерк?!

Однако сложности были не только в том, что дочка писала буквы некрасиво. Одна из важных проблем была связана с отсутствием внутреннего контроля в принципе, как визуального, так и аудиального и кинестетического. Если в том слове, которое ей нужно написать, было не больше трех букв, то она могла написать его — пусть и некрасиво, но хотя бы было понятно, что это за слово. Если же букв в слове было больше трех, то получалось вообще не слово. Был набор непонятных букв.

Я понимала, что, во-первых, речевое отставание в развитии основано на отсутствии внутренней речи, с помощью которой ребенок не только сам себе диктует слово по буквам или по слогам, контролируя свое письмо, но и в принципе осуществляет самоконтроль и самоподдержку.

Во-вторых, связь между визуальной, аудиальной и кинестетической системами восприятия не была сформирована, т.е. руки писали сами по себе, глаза во время письма непонятно чем занимались и на что смотрели, а уши и рот тоже не помогали рукам писать.

В-третьих, проблема усугублялась сильнейшим зажимом в области горла, из-за чего затруднялись и формирование навыков чтения, и сама речь. Например, у моей дочери была очень хорошая

аудиальная память. Но даже выучив наизусть стихотворение, она не могла его рассказать на положительную оценку, так как постоянно запинаясь, сглатывала и поэтому делала огромные паузы, которые не позволяли ее стиху звучать именно как стиху: никакой поэзии в таком говорении не было.

С сюсюканьем и коверканьем слов мы кое-как справились, но на возрасте первоклассницы и остановились — застряли мы крепко. И я поняла, что начинать надо вообще с азов — с дыхания: пока мы не уберем ком обиды в горле, моя дочь не сможет нормально говорить и читать. А пока она не может говорить без сбоев, она не может писать грамотно. Поэтому школьные трудности необходимо было разделить на части и каждую часть обеспечить своими правилами жизни.

Вялость учебной позы

Я заметила, что моя в целом физически сильная дочь, как только садилась за уроки, сразу принимала позу «растекающейся амебы». Вялость и медленное, но неуклонное сползание тела со стула были постоянными спутниками учебного процесса, сидела ли она на кресле и писала за столом или сидела на кровати и читала. А о каком внимании можно говорить, когда девочка чуть ли не лежит в компьютерном кресле за столом! Практически все, что делала или собиралась делать моя дочь из учебных дел, уже через несколько минут превращало ее в кисель: мышцы становились вялыми и чересчур расслабленными, позвоночник был как будто не из костей, а из мягкого парафина, голова безвольно падала на грудь, горло и сердце зажимались, ноги и руки становились ватными.

Совершенно по-другому она сидела, когда вышивала, вязала или когда мы вместе с ней собирали пазлы. Это была поза усердия и сосредоточенности. Мы могли собирать пазлы три часа кряду и ни разу не отвлекаться. То, насколько отличались телесные позы для творчества и для учебных занятий, навело меня на мысль, что пока мы не изменим позу, занятия по развитию способностей бу-

дут идти впустую. Поэтому я решила пока не обращать внимания на то, как пишет, читает, решает задачи моя дочь. Главное, чтобы она научилась сидеть «достойно».

Твой стол

Ребенок из детского дома не умеет делать уроки за столом. Он обычно либо не делает их вовсе, потому что ему и так поставят трояк, либо делает их где придется. Моя дочь первые месяцы привыкала делать мои задания за столом. Каждый день, когда я входила в комнату и видела, как она пыталась что-то писать, скрючившись на кровати или на полу, я строго брала ее за руку и буквально перетаскивала вместе с тетрадью за стол. С этого началась моя битва с вялостью. Это было похоже на игру с ванькой-встанькой. После того как нам удалось включить стол в учебную жизнь, я стояла как оловянный солдатик рядом с обычным креслом для компьютерного стола, на котором сидела дочь, и при первых попытках сползания поднимала и усаживала ее обратно.

Все мои действия сначала казались мне самой очень искусственными, и я не была уверена в их эффективности. Однако я вспомнила спор между Станиславским и Мейерхольдом. Мейерхольд разрабатывал такую систему актерского мастерства, при которой правильно принятая поза актера приводит в соответствие его эмоциональное состояние. Например, если актер примет позу печали, то ему обязательно станет действительно печально. Станиславский же, наоборот, выстраивал свою систему от внутреннего состояния актера, а не из его внешнего самоопределения. Поскольку я не могла повлиять на внутреннее состояние дочери и понимала, что внимательной и усердной сама по себе она не станет, то я сконцентрировалась на ее позе, доверившись Мейерхольду. Мы экспериментировали, в какой позе ей удастся написать задание более грамотно. Мы поднимали ноги, мы поджимали ноги, мы ставили их на табурет, мы снимали их с табурета и они висели произвольно. Мы экспериментировали с высотой кресла: дочке нравилось его регулировать. Так или иначе, но манипуляции с креслом сделали свое дело, и через несколько месяцев ежедневных усилий она без

напоминаний садилась за свой стол делать мои задания в одной из разработанных нами поз внимания.

Моя рука на ее макушке

Хуже обстояло дело с чтением. В первые месяцы я каждый вечер читала своей дочери сказки. Она с удовольствием слушала их, но сама любила только рассматривать картинки и прочитать хотя бы маленький отрывок интересного и познавательного текста, например из детской энциклопедии, наотрез отказывалась. Девочке было больше 11 лет, и мы безнадежно отставали в развитии из-за того, что она не умела читать. Но дочка не просто не умела читать. Она имела ярко выраженную негативную реакцию на чтение. Сначала она скулила, потом начинала отнекиваться «не буду, не хочу, неинтересно!», а затем уползала под одеяло или под стол и там рыдала.

Мне с трудом удалось ее уговорить читать вместе со мной по очереди. Пока читала я, дочь сидела прямо и внимательно слушала. Но как только она сама начинала читать, то сразу же принимала почти лежачее положение, при котором горло зажималось, и слабеньким, едва слышным голоском произносила какие-то отрывистые звуки, редко соответствующие написанным в книге буквам. В результате одно слово моей дочерью читалось как пять или шесть разрозненных и отрывистых звуков. Чтение было похоже на умирающего лебедя, голос которого вот-вот исчезнет вовсе. Я поняла, что с такой позой чтения мы далеко не уедем и что необходимо подготовить пространство для хорошего звучания. Поэтому первое, что я сделала, это стала следить за позой дочери, держа свою руку на ее макушке. Как только она начинала сползать, я сначала небожно пальцами цеплялась за ее волосы. Но если сползание продолжалось, я уже больно хваталась за волосы и тащила все тело вверх, до ровного вертикального положения. Этим же способом я регулировала силу голоса. Как только голосок моей дочери становился слабее, я пальцами небожно барабанила по макушке.

Конечно, первые дни моя рука на макушке вызывала у дочери агрессию, злость и раздражение. Я понимала, насколько это непри-

ятно, но настаивала на своем. И еще я делала ей общий массаж, вытягивала руки, ноги. Массаж дочь очень полюбила и прощала мне то, что приходилось делать ей больно, тащить ее за волосы. Я рассказывала, как барон Мюнхгаузен сам вытащил себя за волосы из болота и тем самым спасся от неминуемой гибели. Я показывала на себе, как барон себя тащил. Моя дочка, впечатлившись Мюнхгаузеном, достаточно быстро сочла этот способ приемлемым для обучения чтению. Сейчас она может сидеть спокойно и прямо. Но мы пролили много слез и испортили много вечеров, чтобы добиться этого.

Сильный голос

Как я уже говорила, моя дочь читала очень слабеньким голосочком, звучащим отрывисто. Но ее голос не был слабым в принципе. Иногда она производила столько шума, сколько не может произвести и целая орава детей. Разговаривала она громким, глухим голосом. А в чтении ее голос вырождался в слабый и неуверенный. Поэтому вторым этапом мы начали прорабатывать силу голоса. Надо сказать, что многие взрослые люди понятия не имеют о свойствах своего голоса, о его возможностях и его силе. Голос так же уникален, как почерк, речь, манера, стиль. К сожалению, голоса российских мужчин и женщин в большинстве своем не раскрыты, не развиты и их потенциал никак не задействован. Как многие взрослые люди используют свой компьютер лишь на 10% — только как печатное устройство, так многие взрослые используют возможности своего голоса не более чем на 10%. А те, кто профессионально использует голос и работает над ним, например певцы и артисты, отлично знают, что голосовые связки развиваются, язык «накачивается» так же, как и обычная мышца, и артикуляция может быть достаточно четкой, если ею заниматься. И мы занимались, тянули каждую букву, пока ее звучание не становилось приличным. Мы старались при чтении контролировать темп и ритм и добивались «наполненности» в голосе. Это было самым сложным, но необходимым.

Нам очень помогла игра на флейте, благодаря которой у моей дочери установилось правильное дыхание. Мы прорабатывали горестные ситуации из прошлой жизни дочки, благодаря чему зажи-

мы в области горла ослабевали. И чем больше открывалось горло, тем легче было удерживать голос наполненным и сильным.

Через год нам стали доступны стихи. Это было здорово!

Техника чтения

Чтение — это сложный процесс согласования зрительной, аудиальной и кинестетической модальностей. Ребенок смотрит глазами на текст, зрительная информация переводится в аудиальную — ребенок произносит то, что он видит, подстраивая при этом кинестетику — движение губ, языка, мимических мышц, артикуляцию в целом. Детям, у которых ведущей системой восприятия информации является зрительная, легко читать. Они произносят почти только то, что видят. Они не зациклены на процессе говорения, на усталости, потому что не осознают утомление мышц, участвующих в речи. Они легко запоминают отличия в зрительных образах каждой из букв. На то они и визуалы!

Для аудиалов, детей с ведущей аудиальной (слуховой) модальностью, чтение таит в себе сложности, поскольку им приходится подчинять свою ведущую модальность зрительной, а это само по себе нелегко и требует больших усилий. Поэтому аудиалы недочитывают слова, а стараются их узнать или угадать по первым слогам и договорить, путая окончания или неправильно согласовывая их со словами рядом. Они, так же как и визуалы, не утомляются от чтения, как и в целом от своего любимого говорения (аудиалы чаще всего болтуны), но их может раздражать то, что нужно внимательно смотреть достаточно длительное время. Долго подчиняться своему зрению они не любят, и зачастую их трудно заставить прочитать до конца все, что задано. Они бы с большим удовольствием сами сочинили продолжение сказки, рассказа, повести, чем читали текст дальше.

Для кинестетиков главным является ощущение, поэтому такие дети слишком быстро ощущают усталость от чтения, и долго читать им действительно трудно. В это может не верить учитель

или родитель, но от этого кинестетику не легче: он устает. К тому же именно кинестетик переживает всю гамму чувств, заложенных в сказке, рассказе, повести. И ему очень важно поделиться своими чувствами с другими или наедине с собой пережить еще раз то, что он вот сейчас прочитал. Поэтому кинестетики отвлекаются от чтения. Все это в буквальном смысле раздражает учителя, но именно для того и пишутся сказки, рассказы, повести — чтобы их переживать! Поэтому кинестетик наиболее близок к пониманию смысла текста. Не просто к техническому запоминанию, а к сопереживанию. Но как раз глубина переживаний и делает невозможными высокие формальные показатели чтения. Техника чтения, его скоростные характеристики являются для некоторых детей не только непреодолимыми, но и бессмысленными. Не стоит предъявлять одни и те же требования по чтению для визуалов, аудиалов и кинестетиков, потому что смысл чтения для каждого из них находится в разных пластах.

Смысл чтения

Визуалу легко прочитать любой текст. Он по прочитанному легко снимет свое «кино», то есть увидит все как бы со стороны. В этом для него смысл чтения — создать зрительный образ. Аудиал читает для того, чтобы «напитаться» любимыми словечками, выражениями, уловить неповторимость стиля писателя и научиться самому так говорить, подражать, интонировать. В этом смысл чтения для него. Кинестетик читает для того, чтобы получать впечатления и ощущать всем телом глубину чувств, заложенных автором в действия героев сказки, рассказа или повести. В этом его смысл чтения. Ни для одного из детей техника чтения не является значимой характеристикой чтения. Конечно, техника чтения важна как результат сформированного навыка. Но она не гарантирует ни осмысления текста, ни его понимания. А зачем ребенку читать быстро, если он при этом не может, не успевает его понять?

Поскольку моя дочь была аудиальным кинестетиком, я пыталась привлечь ее внимание и стилем написания, и глубиной чувств. Мы читали только яркие, эмоционально окрашенные

сказки, наполненные действиями героев и героинь. И конечно, делились своими впечатлениями от прочитанного. Однажды мы побили рекорд: обсуждали буквально каждое предложение из мифа Древней Греции. Комната дочери наполнилась большими, красивыми и интересными книгами-энциклопедиями, которые она рассматривала, выуживала какую-то частичку прочитанной информации и взахлеб рассказывала мне о тех фактах, которых она раньше не знала. Познавательная активность дочери была высокой, ей многое стало интересно. Но читала она все равно мало и недолго. Я радовалась хотя бы тому, что она читала.

Глава 1.

ШКОЛЬНЫЕ СЛЕЗЫ

*Моя тень на стене
Не пугает никого.
Одиночество мое?
Я играю с жизнью в прятки.
Я хожу по своим следам.*

Первый школьный день закончился слезами. Я пришла за своей дочерью в класс. Несколько учеников толпились у доски, некоторые стояли за столом учителя, другие срочно дописывали свои задания. Моя дочь увидела меня, молча собрала в портфель свои вещи и вышла из класса. Мы вместе преодолели огромное пространство школьного коридора, сели на лавочку, и дочь зарыдала. Пока она плакала, я заметила, что ее руки все исписаны пастой, волосы спутаны: ни следа от утренней ухоженности не осталось. К нам подошла учительница и стала хвалить мою дочь, что она выдержала свой первый день в новой школе, с новыми одноклассниками. Я до

сих пор благодарна учительнице за те ее слова, которые позволили моей девочке освоиться в новой школе. Мы подождали, пока слезы не иссякнут. Это были и слезы жалости к своим упущенным возможностям, и слезы горечи от того, что ты не можешь проявить себя наравне с новыми, более сильными одноклассниками. Это были и слезы злости на весь окружающий мир. Дома мы ели вкусный торт в честь первого школьного дня, и моя дочь сказала, что только сегодня она поняла, как много упущено в ее жизни и как она зла на тех, кто не помог ей.

Именно в этот день мы дали клятву, что будем заниматься каждый день и наверстывать упущенное, что мы вырвемся из омута двоек и незнания. Моя дочь в первый школьный день в полной мере прочувствовала свою слабость и свою неподготовленность как ученицы. Она смотрела на своих одноклассников и видела, какие они умные, начитанные, радостные и сильные. И хотя никого конкретного она за первые дни не могла выделить и ни с кем не познакомилась, ощущение того, что она попала в сильный класс, у нее сформировалось четкое. И желание подняться на их уровень у нее было не менее сильным. Это внутреннее ощущение и желание стало фундаментом для наших ежедневных занятий. Свои школьные уроки моя дочь делала на продленке, а после школы мы вместе с ней занимались развитием ее способностей. Я не работала и могла уделять этому столько времени, сколько нужно.

Трудности с русским языком

Я не могла понять, что за слова пишет моя дочь, начиная с четвертого-пятого слова. Я наблюдала за тем, как она пишет зрительный диктант, проще говоря, переписывает текст в свою тетрадь. Видимо, ее глаза первые несколько минут могли более-менее внимательно читать то, что написано в книжке, а затем глаза «уворачивались» от этого дела. И начинались обрывки слов. Она что-то писала, руки работали, левая рука выводила какие-то корявые буквы. Над тремя-четырьмя предложениями она сидела более часа. Это было ужасно медленно и слишком напряженно.

После того как моя дочь якобы заканчивала свою работу, она либо залезала под стол и там сидела, либо пряталась в подушках дивана. И все мои попытки приблизиться к тому, чтобы дочь могла увидеть свою работу и проверить себя, не были эффективными. На просьбы она не реагировала, на уговоры хотя бы мельком взглянуть издали на свою работу фыркала, злилась или начинала плакать. Иногда мне удавалось подтащить ее силой или выманить хитростью к столу. И тогда моя дочь молниеносно хватала тетрадку и рвала ее со страшной злостью. Или после часа рыданий могла вырвать этот листок, предварительно его исчеркав, сесть и начать писать заново. Но посмотреть на написанный текст второй раз она ни за что не решалась. Глаза откровенно трусили! Им было невыносимо противно смотреть на работу рук. Но и помогать своим рукам глаза дочери явно намерены не были.

Сопrotивление глаз

Итак, на глаза не было никакой надежды. При этом когда моя дочь смотрела мультики, она уходила полностью в этот процесс. Она могла не замечать вещей на столе, не видеть ничего вокруг, но стоило ей рассмотреть картинку, как она могла достаточно точно ее описать. То есть дочь обладала хорошей зрительной памятью. И я понимала, что неучастие глаз в письменной работе — не причина, а следствие. Дело не в том, что девочка плохо видела. Мы несколько раз ездили к разным специалистам, пока врачи меня не убедили, что глаза моей дочери здоровы и что если она не может хорошо читать и писать, то это проблема психологического характера.

Как только я убедилась, что в принципе с глазами все в порядке, я ужесточила свое отношение к ним. В плане чтения я стала предъявлять более строгие требования. А в плане письма я на время глаза оставила в покое. Но подбирала для глаз необычные задания: головоломки, ребусы, лабиринты, запоминание картинок, поиск, расшифровка анаграмм и все, что могло развивать именно зрительное восприятие. Кроме того, мы занимались визуальным конструированием, собирали объемные пазлы, решали много геометрических заданий, развивали восприятие цвета и формы.

Довериться глазам

Основной целью таких творческих заданий было укрепление уверенности в восприятии зрительной информации. Мне было важно не только развить визуальную систему восприятия моей дочери, но и создать условия для того, чтобы она смогла начать доверять своим глазам. Потому что без доверия мы не могли сформировать зрительный контроль.

Вообще, любое контролирование чего-либо начинается с устойчивого доверия к этому чему-либо. Ребенок может при хорошо развитом зрительном восприятии запомнить, что слово «бегемот» пишется из таких букв, как б, е, г, е, м, о, т. Но вспомнить этот зрительный образ слова на диктанте и написать его правильно он способен только при условии, что доверяет своим глазам больше, чем внутреннему голосу, который один раз может продиктовать ребенку «бигемот», а второй раз «бегимот». И только глаза отвечают за грамотность написания того или иного сложного слова. А для формирования ответственности глаз, их контроля над письмом им необходимо довериться. Все мои задания были направлены на формирование доверия к глазам, чтобы в конце концов именно глаза приняли на себя ответственность за письмо. Для того чтобы ничто не могло отвлечь глаза от их работы, я убрала все яркие, красочные игрушки, поместившиеся на столе моей дочери. Поскольку в четвертом классе домашние уроки дочь делала на продленке в школе, наши занятия проходили по вечерам. И я особо старалась, чтобы хорошее настроение за ужином плавно перетекало и на вечерние занятия.

Отсутствие внутренней речи

Как я уже отмечала, у моей дочери была только внешняя речь. Внутренняя речь нам была недоступна — ее просто не было, и все, о чем думала дочка, она тут же и выдавала вслух. Поэтому говорила она почти постоянно, вернее, была вынуждена говорить. Первое время мои рассказы о том, что человек может думать внутри себя и что не обязательно все мысли высказывать вслух, не про-

изводили никакого эффекта. Поскольку внутренняя речь не была сформирована, то о внутреннем речевом контроле пока можно было только мечтать. И не более. Моя дочь при переписывании достаточно простого для 4-го класса текста не умела ни диктовать себе, ни смотреть за тем, что пишут ее руки. Поэтому что руки написали, то и написали. Как говорится, что выросло, то выросло! Без контроля со стороны глаз и речи. А что могли написать руки?

Одиночество рук

Я рисовала на белом листе руки, обводила их цветным фломастером и показывала, что у них на кончиках пальцев нет своих глазок и ушек. Я постоянно хвалила руки своей дочери, которые ловко за все принимались. Руки научились печь блины, они клеили и вырезали, они мастерили и чинили. Руки были самыми открытыми и послушными. Поэтому я предложила рукам вернуться к прописям. Мы купили тетрадь, и руки каждый день выводили буквы и цифры. Руки писали по пунктирным линиям, и письмо моей дочери постепенно, параллельно с ее настроением и характером, выправлялось.

Кроме прописей, я затеяла игру с темпом письма. Мы купили электронный будильник с яркими цифрами, показывающими время. Мы фиксировали время начала и окончания переписывания текста. Основными показателями успешности выполнения этого задания были время и понятность написания букв. Ни о какой грамотности мы речь не вели. Время было очень значимым. За несколько месяцев усердных ежедневных занятий моя дочь сократила время переписывания одинаковых по объему текстов с одного часа до 30 минут. Это была победа над медлительностью и неуверенностью рук.

С понятливостью почерка дело обстояло сложнее, поскольку для того, чтобы понять, какая буква написана в том или ином слове, моя дочь должна была посмотреть на эту букву. Я издали показывала дочери ее работу и просила посмотреть на слово, которое я отметила зеленым фломастером. Чаще всего она пыталась

рассматривать непонятную мне букву с расстояния не менее одного метра, потом постепенно сократила это расстояние, поскольку тоже хотела понять, что же там написано. Иногда дочь даже брала тетрадь в руки, чтобы рассмотреть ту или иную спорную букву. Для нее это был уже подвиг. Так, потихоньку, моя дочка училась воспринимать свою письменную работу со стороны.

РОМАШКА

(первая сказочная повесть моей дочери)

Жили-были розы. А около дороги росла Ромашка. Розы красовались собой. Их поливали. Они жили счастливо. А Ромашку никто не замечал. Она хотела превратиться в птицу и улететь. Она поняла, почему растёт. И она стала благоухать. Но, по-прежнему, её не замечали. Но однажды выбежала маленькая девочка и заметила Ромашку. И сказала: «Мама, смотри!». И все её заметили. И все удивились, как они могли не заметить Ромашку, ведь она с ними была вечно!

В школе мы от двоек по русскому языку пока не избавились, но зато мы гордились тем, что нам уже было за что их ставить! Количество ошибок было невероятным, но мы устойчиво двигались по пути их сокращения. Спасительными для дочери были все творческие задания, сочинения, которые она писала очень интересно и даже более старательно, чем диктанты.

Глава 2.

ДОМАШНИЕ УСИЛИЯ

Двойка.

(первый рассказ моей дочери)

Жил-был жираф. Он был отличником, кроме физкультуры. Ему дети показывали, как надо кувыркаться. А он не мог повторить. Когда он бегал, то был самый последний, не считая черепахи. Когда кончилась четверть, он шёл домой. И он на половине пути остановился и начал плакать. Когда люди проходили мимо, они думали, что начался дождь. Когда он пришёл домой, родители спросили:

— Ты что такой грустный?

— Я получил двойку.

Родители посоветовались и показали свои дневники. У них тоже были двойки по физкультуре.

Напиши песню

Примерно через шесть месяцев наших занятий мы с дочерью приступили к диктовкам, то есть к письму со слуха. Она научи-

лась себе диктовать еще в классе, слушая, как шепчут себе под нос слова ее одноклассники. И поскольку речевой регресс становился все более редким и нам удавалось контролировать коверканье слов, то мы придумали такую стратегию подготовки к «главному диктанту». Моя дочь очень любила слушать «Алису в стране чудес», где озвучивали роли знаменитые Абдулов, Румянова, Ханаева, Высоцкий. А какие замечательные слова и музыку написал Владимир Высоцкий! Его песни мы обожали и знали наизусть. Так вот, все и началось с «Алисы». Я какое-то время называла свою дочь «голова — два уха». В интерпретации «Алисы» это было завуалированное определение двоечника. Я попросила дочь написать эту песню, вернее, слушать и записывать слова. Она с радостью и даже страстью взялась за дело. Каждый день мы слушали какую-то песню и проверяли, насколько точно дочь переписала слова к ней. Почему-то глазам моей дочери на слова любимых песен смотреть было позволительно, а на переписанные тексты — нет! Это была настоящая загадка, но, выучив наизусть «Алису» и записав песни из этой сказки, мы стали «головой — три уха», поскольку наш главный диктант дочь написала на заслуженную тройку!

Таким образом мы переписали все слова любимых песен Павла Кашина, Юты, Сургановой, Митяева, Визбора, Земфиры и других. Мы продолжаем и поныне эту стратегию письма со слуха. Сложные и длинные слова мы точно научились писать более грамотно и целиком именно благодаря этой стратегии, потому что нам по душе стихи и потому что глаза могут участвовать в процессе проверки. В зрительных диктантах глаза приступили к проверке значительно позднее. Понадобилось больше года тренировок, чтобы глаза могли спокойно и осознанно контролировать письмо и помогать рукам. На мощную поддержку глаз руки отреагировали немедленно, выработав несколько почерков, отличающихся аккуратностью и стройностью. На такую работу и глазам смотреть приятно!

Будут знать

Увидев девочек в классе дочери, я сразу поняла, что с девочками ей подружиться будет сложно. Все как одна светловолосые. Все

такие худенькие, хорошенькие, и парочка очень красивеньких. Несмотря на то что моя дочь была старше всех девочек почти на полгода, ростом она была намного ниже их. И общий образ моей дочки, кареглазой, черноволосой, чернобровой и активно-агрессивной, вообще никак не вписывался в образ девочки из 4-го «В».

Мальчишки в классе были более разнообразными, чем одинаковые девочки. Среди мальчиков были и худенькие, и толстенные, и маленькие, и высокие, и черненькие, и русые. И я подумала, что с мальчишками моя дочь вполне может подружиться. По крайней мере, я сама с детского садика дружила только с мальчишками и была всю жизнь «пацанкой». Да и чувствовала я себя в компании мальчишек более комфортно, чем в компании девочек. Хотя по жизни мне с подругами, как со школьными, так и с институтскими, повезло. Но я опять-таки ошиблась в своих предположениях. Потому что первое, что сделала моя дочь в третий день своего пребывания в новом классе, так это затеяла серьезную драку именно с мальчиками. Повезло, что драка произошла не в классе и не в школе вообще, а на прогулке в школьном дворе. Была зима, огромные сугробы заметно смягчали падение, а куча мала из моей дочки и трех мальчишек, образовавшаяся в итоге, закончилась без травм и серьезных ушибов.

Надо сказать, что еще в детском доме моя дочь занималась карате. Никаких боев она не выигрывала, никаких поясов себе не заработала, да и на тренировки ее водили всего несколько месяцев. Но за эти несколько месяцев она научилась паре приемчиков и болезненным ударам и набралась амбиций «великого бойца». Вот этот «великий боец» и показал себя. До того в 4-м «В» классе серьезно никто драк не устраивал. Хотя некоторые мальчики, как я позже узнала, тоже занимались в школе карате. А с появлением моей дочери мальчики поняли, что девочки могут и ударить. Как я уже упоминала, в этом классе девочки были скорее прилежными ученицами и красотками, нежели сорванцами и пацанками. И поскольку моя дочь блеснуть знаниями не могла по определению, то она блеснула своей агрессивностью, чего у нее было в избытке. Показав свою удаль молодецкую и как бы защитив свое реноме,

дочь с одной стороны гордилась тем, что затеяла драку («будут знать, как меня обезьяной называть»), а с другой стороны обрекла себя на одиночество.

Так было и больше не будет

Моя дочь решила, что новая жизнь у нее будет отличаться от детдомовской. Очень правильное решение. Ибо ее жизнь в новом городе уже изменилась. Все мои попытки разговорить ее на тему мальчиков в первые 6 — 7 месяцев нашей жизни не принесли никакой информации, поскольку о детдоме вообще моя дочь очень редко говорила спокойно, и чаще всего разговоры прекращались рыданиями и завываниями, так и не начавшись. Конечно, я могла предполагать, что от мальчишек моей девочке в прошлой ее жизни здорово досталось. Но на данном этапе нашей жизни у меня не было возможности повлиять на ее поведение, кроме банальных разговоров о том, что драться не принято и что агрессией можно добиться только еще большей агрессии. Я много усилий приложила для того, чтобы переключить внимание «великого бойца» с драк на битву с ошибками и вообще на учебу. Мы сражались с собой героически, и поле наших сражений постепенно и неуклонно расширялось.

Все мальчики ленивы

Дочь продолжала меня удивлять. В качестве домашнего творческого задания по русскому языку ей задали написать рассказ по картинке. Проверяю то, что она написала. Обсуждаем ошибки. А ощущение неправильности у меня жуткое. Я не пойму, в чем дело. Смотрю на картинку. Читаю рассказ. Мне становится очень смешно. На картинке мальчик лет 11 помогает двум маленьким девочкам надеть лыжи. Моя дочь написала, что девочка Маша помогает двум маленьким сестричкам надеть лыжи. На этой же картинке нарисовано, что мальчик лет 7 катает на качелях девочку лет 5. Моя дочь пишет, что старшая сестра Оля катает на качелях Леночку. И так еще два раза. Везде, где на картинке мальчики помогают девочкам, в рассказе моей дочки помощницами выступают девочки.

Я спрашиваю у нее, почему так? Дочь совершенно искренне и убежденно сообщает мне, что художник и автор этого учебника наврали, потому что нарисовали неправду, — мальчики все до одного ленивы и никогда не совершают того, что на картинке нарисовано. А она, то есть моя дочь, решила восстановить справедливость и написала все правильно, именно так, как действительно бывает в жизни. И все мои разговоры о том, что если у тебя в жизни так не было, то это не значит, что этого не может быть в принципе, прошли впустую. Дочка смотрела на меня зло и высокомерно. У меня было такое ощущение, что еще чуть-чуть — и она бы меня спросила, что хорошего сделали для меня мужчины в моей жизни? И где они, кстати говоря, такие добрые и отзывчивые? Да, возможно, я что-то не так сделала, что мне они в жизни не повстречались. Но позиции наши были диаметрально противоположны. Несмотря на то что я жила одна с моей дочерью и моя семейная жизнь развалилась, я точно знала, что мужчины бывают и трудолюбивые, и добрые, и отзывчивые, и еще много какие положительные. А дочь была твердо убеждена, что все мальчики ленивы и не способны на помощь, поддержку, внимание. Ей такие в жизни не встретились, значит, таких нет и не будет. Логично! Что тут скажешь? И на словах никакие призывы в защиту мальчишек на нее не действовали. У моей доченьки на сердце была только злость на всех мальчишек на свете. Да и глупо надеяться, что в детском доме такие сложнейшие человеческие чувства, как дружба, любовь, доверие, уважение смогут сформироваться в принципе без уродливых искажений и агрессивно-манипуляторских моделей поведения.

Глава 3.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

*Приснилось мне, что
Белки рыжие играли
С коалой австралийским.
Он улыбался, бил в ладоши.
Что ж мы то, как не дети!?*

День защитника Отечества

Но что-то же надо было делать! Я чувствовала, что мои отношения с дочкой каким-то глубоким образом зависят от ее отношения к мальчикам. Потому что в нашей домашней жизни постоянно проскакивали такие фразы: «Да что тебя слушать, ты разве папа!». С одной стороны, как я уже объясняла, дочь ни во что не ставила мальчишек из своего класса. После драки отношения не улучшились. Но с другой стороны, восточные (кавказские) корни моей дочери требовали от нее уважительного отношения к мужчине, поскольку главой кавказской семьи, как, вообще-то, и любой семьи,

по идее об иерархии является отец! Ну и ситуация, скажу я вам. Я стала серьезно размышлять на тему, а можно ли в семье из одних женщин воспитать уважительное отношение к мужчинам в принципе. Так можно или нельзя — вот в чем вопрос! В поисках вразумительного и деятельного ответа я уперлась-таки в тупик. И поняла, что мужчину пока надо оставить в покое, подождет моя доченька с отцом — главой семейства. Надо браться за мальчиков из ее класса. Поскольку чужими проблемами заниматься легче, чем своими, я вздохнула с облегчением и стала думать, как же моей дочке подружиться с мальчишками или хотя бы более спокойно к ним относиться, без злобы и агрессии. А тут и февраль пришел.

В классе решили для мальчиков в честь Дня защитника Отечества устроить концерт. Каждая девочка должна была выступить на сцене: стихи ли прочитать, танец ли станцевать, короче, себя показать. Мы с дочерью стали обсуждать, чем бы порадовать парней, чтобы и дочке не позорно на сцене было, и всем остальным, кто в зрительном зале, интересно стало. Выступать с песней про дельфиненка я запретила сразу. Танцевать мы не умели. И я придумала со сцены загадывать загадки. А загадки не простые, все загадки для мальчишек. В интернете я искала несколько дней и скачала загадок двадцать. Разбила их на два типа. Первый тип про войнушку, второй — про хозяйство. Дочь была в восторге. Она-то считала, что такие загадки никто из мальчишек и разгадать-то не сможет. И вообще, что с них взять! Я смотрела да посмеивалась. Лично я была высокого мнения об умственных способностях мальчишек из ее класса. Поэтому и выбирала загадки позакovskyристее. Дочь выучила загадки наизусть, подготовила шпаргалку на всякий пожарный. Мы с ней потренировались дома выходить на сцену, смотреть в глаза зрителям, обращаться с загадками к залу, а не к полу или потолку, не вертеть головой, ногой, рукой. Короче, тренировались долго и успешно. Волнения нам было не избежать, учитывая скудный опыт моей дочери в сольных выходах на большую сцену актового зала большой школы, но какие-то крупные детали выступления мы отрепетировали. Свое будущее выступление дочь держала в секрете от одноклассников, хотя подготовка девочек к предстоящему празднику шла открыто и очень дружелюбно.

В День защитника Отечества на мою дочь впервые смотреть было приятно. Она вся светилась, так ей нравилось. И конечно, счастливое волнение красило и без того очаровательное лицо моей девочки! Когда я пришла домой, то вечером только и разговоров было о том, что мальчишки разгадали почти все ее загадки, и что всем было интересно, и что ее похвалили. Потом в течение долгого периода времени неразгаданная загадка вспоминалась как флаг на крепости души моей дочери, как последний форпост ее высокомерия и злобности. Мы несколько раз эту загадку загадывали даже взрослым мужчинам. Они ее тоже не разгадали: «Три старушки как охнут, вокруг все люди глохнут».

Мне кажется, что нам повезло с этим праздником, с Днем защитника. Во-первых, моя дочь успешно выступила. Во-вторых, она поняла, насколько важна подготовка. В-третьих, мальчишкам понравилось. В-четвертых, одна загадка осталась неразгаданной. Не зря же говорят, что в каждой женщине должна быть «изюминка», тайна. Так и у моей дочки осталась тайна. А все остальное приятно сдвинулось в сторону позитивного отношения к мальчикам из ее класса. Но это был только первый опыт, положивший начало крупной воспитательной стратегии борьбы со злобностью и манипуляторством моей дочери.

Пятый класс

В пятом классе дочь домашние уроки делала уже дома, и я предпочла убрать телевизор в течение рабочей недели, чтобы ничто не могло отвлечь глаза девочки от своего главного предназначения — видеть, наблюдать, читать, решать, контролировать. Причем мы договорились с дочерью, что выполнение домашних заданий является ее настоящим делом и я не контролирую их выполнение. Но почти каждый день она делала мои задания: либо это был определенный зрительный диктант, либо это было задание написать слова песни любимого исполнителя, либо это были задачки. Я брала учебник и выбирала 5 задач из принципиально разных математических тем. В это время я начала работать над новым проектом и приходила домой после восьми часов вечера.

Все свои задания я писала дочери на листочке из симпатичного блокнота и прижимала магнитом на дверцу холодильника. Моя дочь самостоятельно делала и школьные, и мои задания.

Таким образом, я не только могла контролировать развитие ее способностей, но и была в курсе того, насколько моя дочь понимает тот учебный материал, который проходит в школе. И если она не могла решить какую-то задачку, мы вместе читали учебник и старались понять, по каким правилам и принципам решаются такого типа задачи. Надо сказать, что учебник 5-го класса по математике меня очень сильно расстраивал и приводил в раздражение. Определения сложения и вычитания я не смогла не только выучить даже после третьего прочтения, но и понять, зачем так усложнять эти определения и кому они могут понадобиться в таком виде. В учебнике все темы оказались перемешаны, и никакой ясности не было. Если и я не знала, как решить задачу, я пыталась найти данную тему в учебнике и тщательно изучить принципы и закономерности. Но искать в нашем учебнике по математике что-либо оказалось безнадежной тратой времени. Поэтому многие задачи приходилось решать на чистом и незамутненном здравом смысле. Особенно это касалось задач, решаемых с помощью уравнений. Я долго приучала свою дочь рисовать условие задачи, чтобы в чертеже или рисунке отражалась вся информация. И конечно же, на рисунке должны быть знаки вопроса! Дочь частенько решала почти всю задачу, но, увлекаясь записью ее решения, забывала о главном вопросе задачи. В результате задачу нельзя было считать решенной — ответа не было! С этой проблемой мы долго боролись, правда, уже без слез, что само по себе являлось чудом.

На листочке я нередко делала такую запись: «5 задачек», дальше перечислялись их номера, а затем крупно печатными буквами я писала: «рисунок + решение + ответ». И при проверке выполнения заданий я строго следила, чтобы моя схема реализовывалась полностью. Длительное время я вынуждена была идти на сознательную строгость и требовательность в процессе проверки, а каждый раз по его завершении я меняла, опять-таки сознательно, почти по-сталкерски, свое настроение. И даже если я была расстроена

плохим выполнением моих заданий, как только я добивалась исправлений в задачах и примерах, то обязательно придумывала что-то интересное и увлекательное, чтобы напряженность нашего общения во время проверки не перетекала в напряженность наших отношений после ее завершения. Это было весьма важным для меня. Я чрезвычайно радовалась тому, что моя доченька научилась изменять свое настроение в соответствии с ситуацией. В целом, настроение моей дочери стало очень позитивным и радостным, даже несмотря на уныние от двоек и слезы от невыносимого количества ошибок в русском языке!

Спекуляции

Как я уже отмечала, моя дочь любила халтурно относиться к своим делам. Причем она прекрасно осознавала, что это не чьи-нибудь дела, а именно ее личные дела. Но все равно халтурила со страшной силой. Халтура выражалась то в недоделках, то в выполнении дел спустя рукава, а то и вовсе в забывании своих обязанностей: то делает, то не делает. А почему? Непонятно, в чем была причина такого сбоя. Но непонятно было только для меня. А ей все было понятно. Виноват детский дом.

Например, сапоги после прогулки испачкались. Нужно их привести в порядок. Дочь берет сапоги, идет в ванную комнату, там халтурно их вытирает, оставляя на сапогах разводы грязи. ВСЕ! Готово, сгодится и так! Как у нас в детстве говорили: «Сгодится для сельской местности». Мы с ней идем в гости. Одеваемся, и дочь надевает на свои ноги эти якобы чистые сапоги. Я обращаю внимание на разводы грязи и спрашиваю:

— А что, хорошо сапоги помыть — это проблема?

— Мама, вот если бы меня в детском доме не научили лениться, я бы знаешь как хорошо вымыла сапоги?

— Доченька, но в детском доме у тебя не было настоящих своих сапог. Были любые, которые остались от других. А сейчас у тебя есть три пары сапог. И все они твои! — возмущаюсь я.

— Мама, если бы я не попала в детский дом, я бы очень хорошо следила за своими вещами.

Ну что тут скажешь! Конечно, дочь отчасти говорит то, что думает. А думает она серьезно о том, что детский дом имеет отношение ко всему на свете, что касается ее жизни. Но лишь отчасти. Потому что все упоминания о детском доме превращаются в настоящую спекуляцию.

— Идем в ванную комнату, где ты под моим чутким руководством будешь учиться, как следует ухаживать за своими сапогами.

— Может, потом?

— Потом только суп с котом. Бери сапоги.

Несмотря на то что наша жизнь изобилует всякими мелочами, на которые даже не стоит и внимания обращать, все эти мелочи жизни складываются в определенные черты характера. И трудолюбие в том числе. Мне не нужно было, чтобы дочь выросла перфекционисткой. Во-первых, не в том возрасте я начала ее воспитывать. Во-вторых, сама я не слишком «тянула» на перфекционистский образ жизни. Но чего мне было нужно добиться, так это качественного отношения со стороны моей дочери к своим действиям. Я жаждала того, чтобы она осознавала свои действия как законченные и приносящие если не радость, то хотя бы определенное приятное удовлетворение.

Лично я обожаю чистоту. Мне нравится вымыть посуду или полы и сесть, выпить чашечку кофе в чистоте, с осознанием того, что я навела порядок и получила от этого удовольствие. Поэтому я с легким сердцем приступаю к работе, какой бы она ни была. Я знаю, что мне будет приятно, когда я ее завершу. И мне на самом деле становилось приятно, когда я заканчивала процесс, каким бы ерундовым или навороченным он ни был. Именно такую стратегию ведения дел я и хотела передать своей дочери. Но между мною и дочерью постоянно вставал стеной пресловутый детский дом. И мелочью данная стенка мне не казалась.

— Если бы мне не позволяли в детском доме лениться, я бы не выросла такой неудачницей, — так обсуждала моя дочь свою очередную тройку по географии за ужином.

— В детском доме никому не было до тебя дела. Детей много, воспитателей мало. Как могли, так и заботились. В том числе

и о тебе. Но скажи на милость, как связана сегодняшняя тройка по географии с тем, что более двух лет назад ты была в детском доме?

— Если бы меня научили в детском доме заниматься, я бы училась хорошо! Вот как это связано! Они меня ничему не научили! — с гневом в глазах моя дочь отталкивает свою тарелку, но слез не выдает.

— Я очень сожалею о потерянных для твоего образования четырех годах жизни. Я сожалею вместе с тобой. И мы много слез пролили в бессилии и злобе. Но в настоящее время у тебя есть несколько вариантов. Первый — считать, что ты неудачница и тебе больше ничего не остается делать, как сожалеть о потерянном времени. Второй путь — прекратить жаловаться и искать виноватых, а начать с себя. Найти в себе силы, а ты сильная девочка, и начать относиться к себе требовательно. Возьмем хотя бы географию. Ты же любишь географию! Если бы ты прочитала параграф, который тебе задали на дом, ты бы получила минимум четыре. Разве не так?

— Да, если бы я прочитала его, но я не знала, что нам задали этот параграф! Откуда я знала, что меня спросят по этой теме?

— Молодец, доченька! Наконец-то ты задала вопрос, который касается лично тебя, а не детского дома или прошлогоднего снега! А как ты могла знать в принципе, что тебе задано? Только честно ответить, и не мне, а себе! Как все твои одноклассники в принципе знают, что им задано на дом?

— Записывают в дневник.

— Все записывают в дневник. Тебе что помешало записать в дневник?

— Я думала, что я запомню.

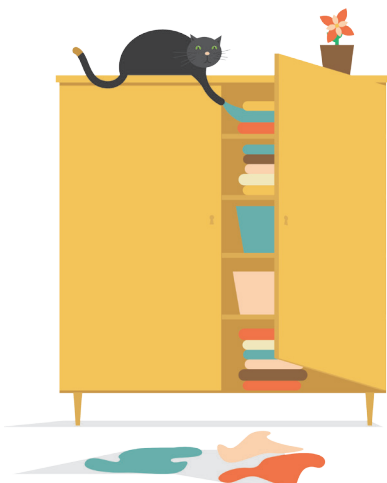
— Значит, ты ошиблась в оценке своей способности запомнить, раз не запомнила. А если ты ошиблась в одном способе, значит, нужно опробовать другой способ.

— Например?

— Ты мне будешь читать на один параграф вперед! И не только по географии, но и по биологии, и по истории. Если у тебя проблема своевременно сделать запись в дневнике, то мы будем впереди на один шаг, и ты будешь знать тему еще до того, как вы начнете

ее изучать в классе. Это будет тренировкой в чтении и избавит тебя от твоих же ошибок.

Быть на один шаг впереди всего класса действительно оказалось интересным и увлекательным делом. Конечно, такая стратегия потребовала от меня дополнительного времени, но мне тоже было интересно. И я стала придумывать практические задания по той или иной теме. То просила дочь поинтересоваться и сравнить, а как тема вулканов раскрыта в ее школьном учебнике и в детской энциклопедии. То мы составляли план нашего двора в масштабе 1:10. То мы рассматривали фикус Бенджамина, чтобы изучить его листья на просвет и заодно узнать, как устроена его корневая система. Короче, читая, мы исследовали все, что нам подворачивалось под руку. Порой наши шаги вперед требовали всей субботы. Я научилась вплетать чтение параграфов и их обсуждение в выполнение любого своего домашнего дела. Я готовлю, а дочь мне вслух читает. Я глажу, дочь читает. Я принимаю ванну, дочь мне рассказывает то, что прочитала. Такая жизнь продержалась не больше двух месяцев. Определенный интерес к новым школьным предметам для моей уже шестиклассницы стратегия «на шаг впереди» вызвала. Оценки заметно поднялись в гору. Но записи домашних заданий в дневнике у дочери так и не появились.

Глава 4.

КРАСНЫЕ ПУНКТИРЫ, ИЛИ ЧТО ЗАДАНО?

*Мне приснилось, что
Дочери двенадцать лет.
Ее портрет рисую.
Лист белый терпит уголек.
И слез рука моя не видит...*

Долговая яма

В результате в конце основной, третьей четверти моя дочь попала в жуткую долговую яму. Как будто бы воронка школьных неуспевающих уволокла ее на самое дно.

Я не помню, чтобы у меня были проблемы с записыванием домашних заданий. Я хорошо помню только то, что на классной доске в верхнем правом углу были чаще всего написаны упражнения, которые следует сделать дома, и что весь класс открывал дневники и учитель отводил какую-то часть своего урока на то, чтобы обсу-

дить задание на дом. У моей же дочери дневник был предназначен скорее не для нее как ученицы, а для учителя, чтобы туда вписывать свои юмористические замечания типа: «Дорогие родители, ваша дочь путает урок английского языка с уроком рисования!» или «Не готова к уроку!». И никаких оценок, никаких конструктивных сообщений, никаких подробностей, которые хотя бы отдаленно помогли этим самым родителям наладить эффективный контроль. В школах Москвы уже давно действовали электронные дневники, куда мог зайти любой родитель и посмотреть оценки своего ребенка, узнать, за что они выставлены, и проконтролировать выполнение домашних заданий.

В нашей школе таких услуг не было и, как потом оказалось, практиковались звонки родителей классному руководителю. Когда классный руководитель сообщила мне по телефону, что моей дочери грозит неаттестация по истории из-за того, что дочь не сдала ни одной домашней работы и у нее нет ни одной оценки в журнале, я окаменела. А когда классный руководитель стала диктовать мне по телефону то, что нужно сдать послезавтра, я попросила ее подождать. Я позвала свою дочь, вручила ей трубку телефона, и она записала свои долги и по истории, и по английскому, и по русскому, и по биологии. После записи я взяла трубку, чтобы поблагодарить учительницу за проявленное милосердие, но в ответ услышала, что я единственная мама, которая ей не звонит каждый вечер и не узнает, что задано на дом. Я думала, что она шутит, и стала шутить в ответ, что неужели она, наш классный руководитель, записывает ежедневно домашние задания на свой автоответчик. Я никак не могла поверить, что взрослые люди могут позволить себе такую неэффективность. Учительница мою шутку по поводу автоответчика не восприняла, а наоборот, еще серьезнее стала меня убеждать в том, что это так принято и она обязательно мне сообщит лично, что задано на дом, если я ей позвоню.

Я поняла, что вести беседы о том, возможно ли сделать так, чтобы ученики самостоятельно записывали свои домашние задания именно на уроках, бессмысленно и наш классный руководитель в порядке героического поступка одиночки хочет взять на себя

эту сумасшедшую обязанность. Героизм — личное дело каждого. Наверное, в нашей стране в государственном учреждении совестливым служащим проще совершить героический поступок и взять на себя не свои обязанности, чем эффективно и взаимовыгодно организовать основной рабочий процесс!

Тоненькие и жирненькие пунктиры

Я уже рассказывала, как нам с дочерью полюбилась постановка музыкальной сказки «Алиса в стране чудес» режиссера Олега Герасимова. Моя дочь сначала переписывала тексты песен на слух, формируя точность аудиального восприятия и стратегию грамотного письма. Затем мы практически все любимые песенки выучили наизусть. Но и этого было мало. После многократного прослушивания двух компакт-дисков она знала наизусть все диалоги и монологи. Особенно обучающей была песенка Алисы про планы и пунктиры.

*«Чтобы не попасть в капкан,
Чтобы в темноте не заблудиться,
Чтобы никогда с пути не сбиться,
Чтобы в нужном месте приземлиться, приводниться,
Начерти на карте план...»*

*Если даже есть талант,
Чтобы не нарушить, не расстроить,
Чтобы не разрушить, а построить,
Чтобы увеличиться, удвоить и утроить,
Нужен очень точный план!»*

Как правило, планы дочери были прорисованы настолько тоненьким пунктиром, что затирались и затаптывались мгновенно. Если речь шла о крупных планах, например удерживании во внутреннем плане действий тренировки по большому теннису, то они удавались без напоминаний. Но вот время тренировки выдержать было сложно. Моя дочь приходила то в половине пятого, то в половине шестого. Она занималась то в своей группе, то не в сво-

ей. И так было часто. День она помнила, а время — как получится! И совершенно вылетали из головы турниры по выходным дням. О том, что проходил турнир, я узнавала уже постфактум. Это меня очень удивляло, поскольку дочь была очень «соревновательным» ребенком и ей было не все равно, выиграет она или проиграет. Как сделать турниры не просто красным пунктиром, но и «жирненьким» пунктиром, который бы мог вплестаться в субботние-воскресные утренние часы, я так и не смогла пока придумать. Но все остальные тренировки у дочери шли в согласии с ее планом. Это было достижение.

Больше всего путаницы было с мелкими заботами. Здесь царила поговорка: «Никогда не откладывай на завтра то, что можно отложить на послезавтра». К великому сожалению, именно мелкие заботы больше всего раздражают, когда они в процессе откладывания толпятся гурьбой и никак не желают выстроиться в очередь. А когда заветная иерархия восстанавливается и перед тобой длиннющая очередь мелких дел, ты понимаешь, что настало время заняться чем-то другим, чем-то большим. Например, генеральной уборкой! Так с помощью масштабных дел и проектов ты легко избавляешься от всего занудного и скучного, но самое главное — ежедневного! Мы с дочерью любили строить грандиозные планы генеральной уборки, которую и проводили с изрядной долей воодушевления, пребывая в приятнейшем самообмане, что эта красотища и чистотища продержится целую вечность! То есть до послезавтра...

Я полагаю, что на свете существуют люди, которые ужаснутся такой генеральной стратегии и в жизни которых ежедневная уборка является очевидным и обязательным явлением. Но нам, кинестетикам и проекторам, это не по плечу, то есть не по душе. Самым главным условием красотищи и чистотищи в комнате дочери я выдвигала тезис «Дорогу мне, дорогу!». Я требовала, чтобы на полу ничего не валялось и чтобы я могла свободно передвигаться по комнате, а не преодолевать баррикады из рюкзаков, ракеток и сумок с лыжными ботинками. Или не думать о том, что в очередной раз расплющишь своей ножкой зарядное устройство или

несчастный фломастер! Но даже это простенькое требование дочь не всегда могла выполнить успешно.

Список дел

Хорошую службу сослужила стратегия записывания предстоящих на день дел, некий своеобразный тайм-менеджер. Обычно я собственноручно делала список и вывешивала его на холодильнике, прижав магнитом. Дочь отмечала галочкой свои сделанные дела, а я обводила кружком свои. Объединенный список дел был нашим добрым товарищем.

Потом я стала просить дочь самостоятельно делать свой список необходимых дел. Она писала слова, дела напозлали друг на друга, в то время как большая часть листочка оставалась пустой и белела на фоне белого холодильника. Я никак не корректировала списки дочери по качеству письма, но сами дела мы обсуждали. Я помогала ей вспомнить некоторые мелочи типа зашить колготки, помыть зеркало или выучить ноты новой пьесы. Постепенно список дел более комфортно стал размещаться на маленьком листочке из разноцветного блока. Дела обрели свой порядковый номер, и между делами даже появились интервалы. Как правило, дочь в своих списках также галочкой отмечала сделанные дела. Но иногда список оставался «бескрылым», т.е. невыполненным.

— Доченька, давай проверим текст песни, — предлагаю я после ужина.

— Ой.

— Что ой? Ты не написала песню?

— Мама, у меня не было времени. Меня в детском садике не приучили к порядку.

— Дочь, в детском садике (так мы с дочерью договорились называть детский дом) были свои порядки, а у нас с тобой существуют свои порядки. Посмотри на холодильник — что ты видишь?

— Ну вот, я же говорю, что в детском садике...

— Дочь, список на розовом листочке ты писала?

— Я писала, но, понимаешь, в детском садике...

— Ты своей рукой писала список. Это твои дела или мои?

— Это мои дела.

— Мы с тобой договорились, что ты самостоятельно делаешь то, что пишешь! Ты обещала?

— Я обещала.

— Тогда почему бы тебе честно не признаться, что заигралась, увлеклась и какие-то дела оказались невыполненными.

— Это детский дом виноват!

— Конечно, детский дом виноват. Если ты хочешь свою вину переложить на плечи других, то у тебя всегда под рукой есть детский дом. Сначала детский дом. Потом найдется еще кто-то, типа плохой подруги, которая виновата будет в твоей ошибке, а потом, возможно, еще. Что, так и будешь искать виноватых? Тебе друзья нужны или виноватые? Конечно, все кругом виноваты в том, что ты не сделала то, что обещала, причем даже не мне, а самой себе! Знаешь, доченька, было бы честно признаться в своих ошибках и сделать все возможное, чтобы их исправить. Я бы очень хотела, чтобы ты выросла честным человеком. Давай так. Сегодня уже поздно. Завтра ты вернешься к своему сегодняшнему списку и честно делаешь все, что недоделала. И поставишь галочки.

— Да, хорошо.

Прошло, наверное, минут пять после этого разговора. Дочь уже сходила в свою комнату, постелила кровать, умылась на ночь. Но потом пришла ко мне и сказала:

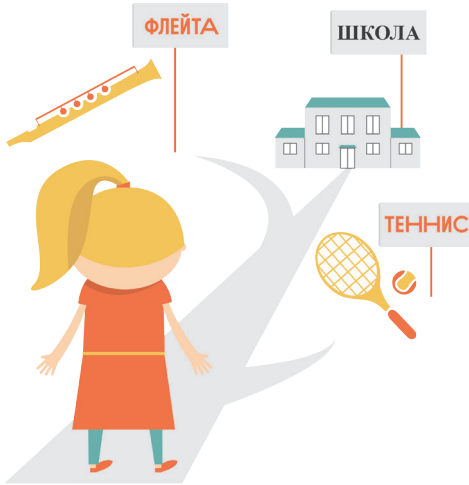
— Мама, я сегодня быстро нашла виноватых. А еще я знаю, на кого я могу свалить свою вину со злости — на родную маму! Ведь это она меня отдала в детский дом!

— Да, доченька, можешь. Потому что легче всего свалить свою вину на кого-то еще. И этот кто-то, поверь мне, найдется всегда. Лучше вали все на нашу кошку Тигру. Так, по крайней мере, смешнее.

Удивительно, что после этого почти ночного разговора моя дочь больше не возвращалась к спекуляциям детским домом. Они куда-то пропали. Пока не знаю, надолго ли? Какое-то время мы играли в то, что Тигра наша виновата в том, что в комнате до-

чери валяются вещи, которые по плану она должна была убрать. Это действительно было смешно. Мы потешались над тем, что представляли себе, как Тигра открывает зеркальный шкаф (а наша кошка и в самом деле научилась его открывать), достает зубами одну за другой вещи и усердно раскладывает их в разных местах и в разных позах. Только вот шкаф был закрыт, а наша кошка Тигра не научилась еще его закрывать. К тому же кошка в принципе не закрывает за собой двери ни в ванную, ни в кухню. Двери она только открывает. Потому что закрытых дверей она не терпит. Вот такая у нас особенная Тигра.

Иногда Тигру, когда она уставала от вины моей дочери, заменял Пушкин. Это было еще смешнее, потому что нам сразу же вспоминался мультфильм «Буревестник» и особенно сцена, в которой Пушкин ехидным голосом дразнил Горького: «Опоздал, опоздал», а потом и вовсе с ним подрался. Вот уж где был беспорядок! По сравнению с их классной комнатой комната моей дочери была в полном порядке!

Глава 5.

РАЗНИЦА ДЛЯ НЕУДАЧНИЦЫ

*Увял одуванчик.
Не дождался рассвета.
Ветер игривый
Знает, куда ему лететь.
Мы все меняем форму!*

Загубленная жизнь

Наш третий год жизни проходил под знаком Неудачницы. Это слово, да и сама удрученность его произношения все больше действовали мне на нервы. Несмотря на то что тема виновности детского дома в огрехах моей дочери сошла на нет, на сцену буквально выползла еще большая гидра — состояние неверия в собственные силы. Причем внешний облик и внутреннее состояние дочери разошлись на какую-то максимальную величину, и тонкость напряженной до предела нити, их соединяющей и подрагивающей, как осиновый лист, меня сильно беспокоила. Новые листья-то

на месте опавших листьев вырастут, а вот стратегия неудачницы может крепко-накрепко привязаться к моей доченьке. И это мне никак не могло понравиться. Чем наглее и вреднее дочь выглядела внешне, тем раннее и неувереннее она была внутри себя. И дело было уже не в возрастном регрессе. Дочь мне каждый год говорила очень рассудительно про себя: «Мама, я чувствую себя на три года младше, чем я есть». Так оно и было на самом деле. В этой позиции я с ней соглашалась и даже тайно радовалась, потому что пусть лучше у нас будут в потенциале еще три года, чем их не будет вовсе. К тому же незрелая душа моей дочурки могла впасть в круговорот любви раньше, чем мы обретем уверенность за счет интеллектуального сдвига, а не гормонального.

Я отчетливо понимала, что, расставшись со своим виновным во всем детском домом, моя дочь со всех сторон «оголила» себя, и ее затаившееся ощущение неудачницы смогло выбраться наружу. В каком-то плане мне стало легче, когда детский дом был удален из наших разговоров, потому что одно дело — бороться с мифами прошлого, и совсем другое дело — формировать у своей дочери стратегию успешного действия, помогать ей выстраивать свои жизнедеятельные принципы. Безусловно, второе дело больше подходило для нашей жизни, хотя и не давало такого накала, жизненного драматизма, демонстративности и невротизма, к каким уже привыкла моя дочь в результате вымышленной героической борьбы с мифами и легендами детского дома.

Когда мы с дочерью вплотную подошли к теме неудачницы, я заметила, что эта тема возникает только в связи со школьным образом жизни и выполнением школьных уроков, заданных на дом. Во всех остальных, достаточно активных и интересных сферах жизни дочери, таких как теннис и музыка, она чувствовала себя комфортно и радостно. Конечно, и в сфере увлечений были свои подъемы и падения, но в целом она легко и непринужденно сама, без лишних напоминаний с моей стороны ходила на тренировки два раза в неделю, на сольфеджио и флейту тоже два раза в неделю. Проблема была только в школе. И я не переставала себя хвалить за то, что действительно вплетала в жизнь моей

дочурки эти увлечения и подпитывала ее интерес к ним. К какой катастрофе могла бы я привести нашу жизнь, если бы у дочки была только учеба в школе! У меня даже мурашки по спине пробежали от одной мысли, что школа может завладеть всей нашей жизнью и давить на нас пораженческими стратегиями отсутствия нормальных дружеских отношений среди одноклассников и нормальных, человеческих, заинтересованных отношений к знаниям. Моя личная внутренняя уверенность держалась именно на профессиональной уверенности в том, что у любого ребенка должны быть устойчивые интересы и увлечения. И наконец-то я убедилась на собственном опыте в своей правоте! Это придавало мне силы для настойчивости и неотступничества. Но никак не приближало меня к разрешению темы неудачницы в школьном образе жизни.

В каком времени мы живем

Мы все живем с тем или иным ощущением времени. Даже если мы о нем не думаем напрямую как о времени, мы мысленно постоянно обращаемся к нему. Но это обращение к времени у каждого свое. Я точно знаю, что есть люди, которые постоянно мыслями занырявают в свое прошлое. Их, как говорится, хлебом не корми, только дай поговорить о том, что с ними произошло в прошлом. Для них важно именно прошлое время. И как правило, профессии они себе выбирают такие же, то есть связанные с прошлым временем. Это очень типично для людей, выбравших осознанно профессию бухгалтера, психолога, археолога, врача, историка, писателя, следователя, методиста, адвоката и т.д. Как будто смысл жизни этих людей находится в прожитом и пережитом и они все время вынуждены возвращаться в прошлое, чтобы настоящая жизнь им не казалась бессмысленной и глупой. Сколько популярных профессий требуют от человека умения интересоваться именно прошлым, жить тем, что уже свершилось, и исследовать то, что было давным-давно — вчера или сотни лет назад.

Конечно, есть люди, которые живут в будущем. Они наслаждаются его проектированием, прожектерством. Такие люди обожа-

ют не только строить свои планы на будущее, но и узнавать, какие планы строят другие люди, их знакомые, потому что для них самих только это и имеет смысл. Если все удачно складывается в их жизни, то и профессия у них будет про их любимое и незабываемое будущее. Планирование, проектирование, фантазирование, исследование, экспериментирование — это их сферы деятельности. Сценаристы, режиссеры, декораторы, архитекторы, дизайнеры, программисты, столяры, физики, конструкторы, токари, фрезеровщики, писатели-фантасты, химики, модельеры станут настоящими профессионалами своего дела, если они с детства умеют жить в будущем, если смысл их жизни лежит как можно дальше от их настоящей жизни. Для жизни в будущем времени нужны определенные способности. Например, хорошо развитое зрительно-пространственное воображение, умение во внутреннем плане представить и создать точный и ясный образ будущей детали, будущего чертежа, будущего фильма, будущего здания, будущего изделия и т.д. А сколько потом нужно уверенности в себе, чтобы иметь смелость воплотить свой придуманный, разработанный, сконструированный образ в реальность, сделать его не виртуальным, а самым настоящим, тем, что можно подержать в руках, тем, что можно увидеть в настоящей жизни, а не только в своем собственном воображении!

«А как же настоящее время? Оно что, никому не интересно?» — спросите меня вы. Я думаю, что все в нашем мире создано божественно и гармонично. И все время — и прошлое, и настоящее, и будущее — проявляется в равных пропорциях. Люди, которые умеют жить настоящим, — это потрясающие люди. Они великие педагоги, актеры, теле- и радиоведущие, спортсмены, музыканты, певцы, кинооператоры, художники и многие другие. Конечно, это не значит, что люди, чей смысл жизни находится не где-нибудь на линии времени, а здесь и сейчас, не думают о своем будущем или не могут вспомнить свое прошлое. Нет. Это значит, что таким людям еще с детства удалось научиться пребывать в настоящем времени тотально — и мозгами, и телом. Они умеют чувствовать настоящий момент и умеют управлять собой в неуловимом потоке времени, который стоит

на грани прошлого и будущего, который в любую минуту может унести человека в любом направлении, если только он сам не удерживает нить настоящего, оттачивая его, насыщая его своей жизнью!

Линия времени

Итак, профессиональное будущее каждого человека во многом зависит от того, в каком времени предпочитает жить сам человек. Да и восприятие времени у каждого настолько субъективно, что линия времени порой представляет собой то железобетонную конструкцию, то сплошную вязкую субстанцию, по которой двигаться невозможно, но барахтаться приятно. И какой бы путь ни выбрал себе человек, его время всегда вместе с ним. Время нас поддерживает, подгоняет, расслабляет, увлекает, ограничивает, сдерживает, убивает. Даже если мы не понимаем, зачем время с нами это делает, оно все равно неумолимо движется и влечет нас за собой. А уж в нашей власти решить, будем ли мы плестись в хвосте своего времени, будем ли мы бежать впереди паровоза или планеты всей, будем ли мы идти с ним в ногу и радоваться своей своевременной и современной жизни.

А теперь давайте все эти рассуждения о восприятии времени обернем на ребенка из детского дома. Например, что я знаю о линии времени своей дочери? Могу ли я точно и определенно сказать, в каком времени предпочитает жить моя дочурка на этапе своего четырнадцатилетия? Ответ отрицательный. Еще в первой части своих дневников приемной матери я писала, что меня удивляла откровенность, с которой моя дочь присваивает себе мои собственные детские воспоминания, истории из прошлого моих друзей. Еще меня удивляли жадность, с которой дочь слушала меня, и скорость, с которой она «делала своим» все, что слышала про мое прошлое. А то, что моя дочь рассказывала о себе, походило на самый обыкновенный вымысел, или безобидное вранье, или фантазии маленькой девочки, которой хочется, чтобы ее заметили и как можно чаще хвалили. Я уже писала, что мне лично было не жаль своих воспоминаний.

Игра «Верю — не верю»

Когда я размышляла о том, как устроена линия времени моей дочурки, я памятью обращалась к одной из своих любимых ролей Аль Пачино. Я точно не помню, но, кажется, этот фильм назывался «Бобби Дирфилд». Аль Пачино играет гонщика, который влюбляется в женщину. Он пытается ее понять, но она для него слишком загадочно живет, слишком непонятно изъясняется и слишком язвительно о нем думает. И эта женщина, которая находится на грани жизни и смерти, начинает играть с гонщиком в игру типа «Верю — не верю». Она рассказывает душещипательные истории про себя, которые Аль Пачино воспринимает как истинные, как реально происходившие. Но каждый раз оказывается, что его в очередной раз разыграли. И это приводило его в бешенство, пока он не осознал, какой в этом заложен смысл. Ему удалось ощутить это, потому что весь образ его жизни также был на грани жизни и смерти — в любой предстоящей гонке он мог покалечиться или разбиться насмерть, и именно это обстоятельство их не только невероятно сблизало, но и потрясающе разъединяло. Так как женщина страдала неизлечимой болезнью и близость смерти была не ее волей, а предчувствие смертельного исхода в гонке было именно его выбором. И несмотря на то что некоторые выходки любимой женщины оставались для Аль Пачино по-прежнему непонятными и безрассудными, он все же продолжал настаивать на близких отношениях и старался со своей стороны тоже ее удивить. Так вот, как-то они катались на лодке, и он стал рассказывать ей о том, как в больнице умирала его мама. И она ему поверила, хотя это была его выдумка. Этот момент в фильме мне больше всего запомнился.

Иногда думаешь, зачем люди про себя и свою жизнь выдумывают невероятные истории, очень проникновенные, очень искренние, очень волнующие и, конечно же, небанальные? И понимаешь, что эти выдумки являются частью самих людей, что они им нужны так же, как воздух, без которого мы бы все умерли от удушья, как вода, без которой мы все превратились бы в обезвоженные и вспухшие массы клеток.

Дублер

Что такое наши воспоминания, к которым у нас нет доступа? Дочь знала, что с ней что-то происходило, хорошее и плохое. Но она так постаралась это не помнить, ей было так страшно, что линия времени ее прошлой жизни превратилась в воронки слез и ненависти, в ямы откровений и рыданий. А над разорванной, забытой, поруганной, но реальной линией времени моя дочь успешно построила вторую, вымышленную, дублирующую линию прошлого времени. И мне казалось, что каждая из этих линий знает о существовании другой, как люди достаточно точно знают, было это или не было. Я думаю, что у детей из детского дома несколько линий времени — реальная и вымышленная. Но как они сами это понимают, остается тайной, завесу которой необходимо открыть.

Итак, прошлое моей дочери наполнялось, с одной стороны, урывками, крупными мазками того, что она выхватывала из чужих жизней и делала своим. С другой стороны, она бесконечно выдумывала события давней прошлой жизни и сама уже не понимала, были они на самом деле или нет. По крайней мере, вымышленные события не имели никакого соответствия с ее реальным возрастом, реальными условиями ее жизни с родной мамой и практически никогда не затрагивали жизнь в детском доме. У меня было такое ощущение, что детский дом она специально выселила на необитаемый остров и накрыла его звуконепроницаемым и прозрачным колпаком, как в сериале «Симпсоны» их родной город Спрингфилд правительство накрыло сферой, чтобы зараза или инфекция не могла распространиться на всю Америку. Это придавало моей дочери уверенности и силы. На третьем году нашей совместной жизни такая стратегия присваивания чужих событий приобрела некую избирательность. Моя дочь включала в свою жизнь теперь не все, что ей нравилось, а только то, что могло ее сделать более значимой и авторитетной в настоящем школьном образе жизни. Почему-то именно школа требовала от нее этих «присвоений», так как дочь была в ней наиболее уязвима.

Глава 6.

ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ

*На моей кружке
Вены вздулись от тоски.
Жажда чистых вод.
Зачерпнуть бы из глубин
Без страха взбаламутить...*

Основания для выбора будущего

Линия времени будущей жизни моей дочери была скрыта густым туманом, сотканным из неясностей и отсутствия предрасположенностей, ярких предпочтений и любимых занятий. Да, моя дочь любила рукоделие. Она с удовольствием занималась бисером, иногда вышивала, плела, вязала. Но результаты были откровенно непригодными: от изделий веяло халтурой и неумелостью. Единственное, что ей удавалось, это сплести приятную фенечку на запястье и сделать фигурку из бумаги типа оригами. На таких слабых результатах выстраивать стратегию профессионального выбора

было нелепо. К тому же все рукотворное творчество имело «болезненный мотивчик», то есть дочь приступала к рукоделию тогда, когда ее физическое самочувствие ухудшалось.

Была еще одна страсть — это управлять, руководить, лидировать. Делала она это чисто по-скорпионски: нагло, напористо и садистски, из-за чего наживала себе кучу ссор и недоброжелателей. У меня возникли мысли, что моей дочери обязательно нужно чем-то управлять, но непременно чем-то неживым, например куклами. Так появилась версия в будущем стать кукловодом, артистом театра кукол.

В принципе, еще на самом первом году нашей жизни мы разыгрывали многочисленные сценки со всеми подарочными зверюшками, которые имелись в комнате моей дочери. Она придумывала бесконечные истории о путешествиях за кладом: все игрушки-зверюшки по ее сценарию, как по мановению волшебной палочки, по очереди находили в укромном месте ее комнаты загадочный клад. При этом дочь лихо озвучивала всех зверей, глотая окончания слов, смело вела свою сюжетную линию и с удовольствием показывала свои спектакли нашим гостям. Декорации к своим спектаклям мы придумывали вместе и старались создать ощущение настоящего домашнего кукольного театра.

Такая тирания кукол чем-то отдавала карабасностью-барабасностью. Но я думала, что пусть уж лучше будут страдать игрушки, чем живые существа типа нашей кошки Тигры, дрессировка которой у моей дочери заканчивалась кровавыми следами от когтей и зубов сами знаете кого. Тирания над Тигрой продолжалась как ни в чем не бывало, лишь только заживали раны прежних дрессировок. Представляете, как она обрадовалась выходу в свет «Истории игрушек»! Мы смотрели все три части, и дочь знала наизусть большинство сцен этого великого оскароносного мультипликационного фильма. Так закрепилась в нашей жизни единственная идея, способная построить линию времени на два года вперед.

Правда, еще была жива тема кинологической работы. Моя дочь обожала всех собак, но дальше их прижимания к себе и целования

в нос общение не углублялось. Никаких задач перед собой она в отношении собак не ставила. Тема будущей работы кинологом время от времени оживала, например с появлением в нашей жизни Джека Лондона и его «Белого клыка». Мы читали про белое безмолвие, и перед нашим взором возникали разные видения Севера, которые и мне, и моей дочери были хорошо известны из собственного опыта — жизни в Республике Коми. Описания были настолько глубокие, с одной стороны, и непонятные, с другой стороны, что мы читали «Белый клык» по три часа кряду, и я только и делала, что отвечала на вопросы дочери: а что такое постромки, а что такое полозья, а что такое береста, а что такое преграда, а что такое стенания, а что значит «тщетно», а как это «взъерошенная шерсть», а что такое погребение, а что такое угрюмая ярость, а что такое оцепенение, а как это «круг сомкнулся», а что такое очертания, а что такое эпитафия, а что такое полог. Бесконечные объяснения прерывали напряженность первых глав «Белого клыка». Мы попали в незнакомый, но интуитивно близкий нам мир и не могли с ним расстаться. Мы жались друг к другу, а когда дочь уставала читать, продолжать приходилось мне. И вот тут-то нам уже было действительно страшно, потому что я знала, что Генри спасут, а дочь еще этого не знала и очень переживала за него: ее глаза были полны слез из гремучей смеси ужаса и восторга. И любая моя попытка остановить бег путников и перенести их судьбу на завтра натыкалась на мольбу этого не делать ни за что на свете. Я понимала, что придется дочитать мне, по крайней мере до спасения Генри, ибо дочка не сможет заснуть и ее будут тревожить ночные волки похлеще самых страшных фильмов о вампирах. Так или иначе, я очень надеялась на Джека Лондона. Я мечтала о том, что его талант изменит отношение моей дочери к живым существам и произойдет внутренняя переоценка ценностей.

Моя девочка уже училась в седьмом классе, а выбор занятий по душе оставался непонятным. Я думаю, что дети, лишённые родительского внимания, брошенные на произвол судьбы, попавшие в детский дом или приют, вряд ли способны самостоятельно выстроить свое будущее. А уж тем более выстроить его конструктивно, содержательно, гармонично. Мне очень интересно, какие существуют представления о личном и профессиональном будущем

у детей из детского дома в подростковом возрасте. Есть ли у них в принципе понимание того, какие их способности могли бы стать незыблемой опорой в выборе профессии.

Я искала ответы в различных источниках, но нашла лишь яркие примеры. На самом деле их очень немного. Например, известный врач Валентин Дикуль, который, будучи воспитанником детского дома, увлекся цирковым искусством и постоянно сбегал в цирк к воздушным гимнастам. Вот как вспоминает сам Валентин Дикуль: «Я детдомовец. А детдомовцы всегда развивались быстрее обычных детей, потому что были отпущены на выживание. Из детского дома многие дети выходили отпетыми хулиганами. Меня не пустил по плохой дорожке цирк. Это была мечта, которая помогла мне выжить. Когда я попал в среду артистов, то увидел одну целую семью, увидел, как они друг другу помогают».

Как Дикуль пишет дальше, его не сразу приняли в цирковую «семью», а это очень правильное понимание того, что происходит с ребенком, который остался без попечения родителей. Для Дикуля увлечение цирком было сродни обретению своей семьи, обретению той атмосферы творчества, поддержки и развития своих способностей, о которых он не мог не мечтать! Его увлечение было настолько серьезным, что в цирке ему поверили и, как я понимаю, приняли в свою семью. Но случилась трагедия — в пятнадцатилетнем возрасте он упал с тринадцатиметровой высоты и повредил позвоночник, что надолго приковало его к постели. Но даже в таком состоянии он работал над собой, совершая запредельные усилия на уровне личного подвига, — настолько яростным и мощным было его стремление встать, поднять себя и продолжить работу в цирке. И он поднялся ценой невероятных усилий и собственными мозгами дошел до своих личных знаний об анатомии, о природе костей, мышц, связок и всего того, о чем нормальные люди даже не задумываются. Валентин Дикуль стал известным врачом — и честь ему и хвала. На его примере можно понять, насколько важна в жизни ребенка из детского дома мечта как смысл настоящей и будущей жизни, а также насколько важно не предавать свою мечту, а двигаться по линии времени в намерении осуще-

ствить эту мечту, реализовать свой талант, развить свои способности. Меня лично очень вдохновляет то, что Дикуль пишет о выборе профессии: «Человек должен соответствовать своей профессии. Неважно, кем вы работаете. Вы должны делать это уникально!».

Но я также понимаю, что пример из жизни Валентина Дикуля является скорее исключением из правил, потому что весь мой опыт общения с детьми из детского дома не позволяет мне быть уверенной даже по поводу того, что у воспитанников детских домов есть хоть какое-то конструктивное представление о себе в будущем. И я понимаю, почему это так, а не иначе. Потому что у детей из детского дома нет настоящего настоящего. Это не опечатка, это очень серьезный аргумент: жизнь в детском доме не настоящая. Это понимает каждый. Это понимает не только сам ребенок. Потому что прожить в детском доме до 18 лет — это приговор. Это диагноз беспомощности государства, это приговор равнодушному и жестокому обществу. Это вердикт, который, к великому сожалению, никем не оглашен и никому не предъявлен! И пока у нас в стране есть детские дома, нельзя считать нашу страну гуманной, успешной, развитой, прогрессивной. Страна, которая делает вид, что у нее нет маленьких детишек, позволяет раздавать детские сады коммерческим структурам. Страна, которая делает вид, что у нее нет подростков, позволяет себе соблазнять их сексом, пивом и ничегонеделанием. Страна, которая делает вид, что у нее нет молодежи, позволяет себе погружать молодежь в разгульное денежное изобилие, ибо получать ежемесячную заработную плату в размере годовой пенсии порочно по самой сути.

*Проснувшись утром,
Дочь примеряет роли.
То змеи-гадюки,
То труженицы-белки.
Еще не доросла до себя!*

Нелады

Учебная деятельность моей дочери никак не выстраивалась во что-то позитивное и приносящее хотя бы небольшое удовлет-

ворение, я уже не говорю о радости познания, творения. Меня бесило многое в ее школьной жизни. Во-первых, легкость, с которой моя дочь получала двойки. Я вспоминала себя. И меня мучил вопрос: «Как же ей совесть позволяет в школу идти без единого выполненного домашнего задания?» Если у меня не хватало времени на какой-то устный предмет, то я утром пораньше вставала и его делала. И ложась спать, я, уже засыпая, все думала о том, что у меня есть хвост, от которого я всем телом и душой старалась поскорее избавиться. Моя дочь имела по каждому предмету столько хвостов, что совестливому человеку в пору было бы ими удавиться. А моя «хвостатая» дочь как ни в чем не бывало с ними ходила и не обращала на них внимания. Они, эти гнусные двойки, ее не тяготили!

Потом я стала понимать, что она хвосты не относит к себе, в принципе не считает их своими, что моя дочь «незлопамятна»: сделала зло и забыла. Моей дочери было вовсе не стыдно за свои двойки. И она даже не собиралась знать и помнить, за что конкретно их ей выставили в журнал. Моя способность мыслить логически в интеграции с интуицией подсказали, что учителя могут ставить двойки в трех случаях. В первом случае виновником было невыполненное домашнее задание. Эти двойки красовались в дневнике моей дочери, если не сказать, что царствовали над приличными четверками и редкими пятерками. Двойки дополнялись едкими комментариями учителей. Читая их, я понимала, что авторы гордятся своим искрометным юмором, но сделать так, чтобы девочка выполняла домашние задания или хотя бы записывала их в дневник, авторы комментариев либо были не в состоянии, либо в принципе не ставили перед собой такой задачи.

Во втором случае виновниками двоек были контрольные работы. Моя дочь по-прежнему писала диктанты на законную двойку, даже несмотря на наши еженедельные занятия. Не лучше дело обстояло и с контрольными по другим предметам, так как на контрольных она волновалась так сильно, что нередко у нее носом шла кровь. Это обстоятельство меня в какой-то мере успокаивало, так как подтверждало тот факт, что моей дочке еще не все «фиолетово»

и что она способна за свои неудачи хотя бы таким образом переживать. Кроме того, ей не хватало времени, отведенного на выполнение одного варианта контрольной работы. Конечно, моя дочь производила впечатление быстрой, ловкой, сообразительной девочки. Может быть, как девочка, вернее уже девушка, она и была быстрой и ловкой. Но вот ученицей она была медлительной и нерасторопной. А ее частые зависания во времени в принципе целиком и полностью аннулировали мою надежду на то, что дочь будет хорошо и быстро работать на контрольных.

В третьем случае виновником были несданные конспекты, домашние сочинения, таблицы, рефераты и тому подобное, которые в изобилии задают учителя, с лихвой восполняя свои не проведенные по причине болезни или повышения педагогической квалификации уроки.

В какой-то степени легкость, с которой моя дочь относилась к двойкам, была отражением или следствием легкости, с которой школьные учителя их ставили. И в этой легкости (не парься, забудь, отдохни и все пройдет, уладится само собой или рассосется со временем) была заложена особая порочность. Я опять-таки вспоминала свою школьную жизнь. В нашем классе получить двойку было позором. Но больше всего я ненавидела тройки. Мы воспринимали оценочный уровень достаточно серьезно: без фанатизма (медальной болезни), но и без профанации. Когда у тебя одна-две двойки, ты стараешься их исправить, дополнительно позаниматься. Но если у тебя их шестнадцать-двадцать за три недели, то возникает ступор: за какую двойку хвататься и над каким предметом «глубоко уснуть»? Двойки лавиной накрывали мою дочь. И она делала все возможное, чтобы от них не пострадать. Она отходила в сторону и делала вид, что двойки летят сами по себе. Это означало, что исправлять эту лавину двоек она не собирается. Или дочь делала вид, что ее не накрыло, хотя накрыло, и еще как — по самую макушку!

«Зачем учителя дают двойками мою дочь, — думала я. — Неужели они не понимают, что она не сможет справиться с таким

потоком? Это все равно, что лечь под танк». Но ученики далеко не герои, по крайней мере моя девочка. Да и школа — не территория военных действий. К чему же такая конфронтация? Как родитель, я могла понять, что моя дочь — не ангел. Но даже там, где она старалась приложить свои усилия для того, чтобы выполнить задание, ее старания не замечались. Так было с изучением английского языка, которым мы занимались дома постоянно. Так было с русским языком. Языки моей дочке не давались, она их не чувствовала, не понимала. Но учила вместе со мной, знала все правила, запоминала словарные слова. Нельзя сказать, чтобы моя дочь была отъявленной двоечницей, бездарью. Напротив, она обладала хорошей слуховой памятью, запоминая музыкальное произведение со второго-третьего раза. Но английские слова превращались в кашу и вспоминались с трудом. Сотни написанных диктантов по русскому и английскому не проходили даром, но и не приводили к какому-то стабильному результату и приличному оценочному уровню.

Во-вторых, в школьной жизни дочери меня ужасно бесило то, что я не могу проконтролировать выполнение домашних заданий. В дневнике была изящная пустота, наполняемая редкими оценками и комментариями про то, что моя дочь перепутала урок английского языка с уроком рисования. Я просила, убеждала, требовала от дочери, чтобы она все домашние задания записывала в дневник. Она клятвенно обещала... И все оставалось по-прежнему. На одном из родительских собраний мама одноклассника попросила классного руководителя выступить на педсовете перед учителями с тем, чтобы они выделяли часть урока для записи домашних заданий в дневник. Я присоединилась к ней, так как поднятая ею тема была и моей проблемой. Классный руководитель выразила сомнение в том, что она сможет правильно донести нашу просьбу до педагогического коллектива.

— Это проблема учеников — они обязаны прийти на урок и выйти с него с записанным домашним заданием! — утверждала она.

— Это проблема не только учеников, которые записывают задание где попало, ничего не помнят и на вопрос родителей: «Что зада-

но по физике?»), как правило, отвечают: «Ничего. Мы лабораторную делали». И как мы дома можем проверить уровень выполнения домашних заданий, если в дневнике пусто? — спрашивали мы.

— А вы скажите, что они обязаны записывать задание в дневник, для этого он и существует! — раздражалась классная руководительница.

— А можно сделать так, чтобы за две минуты до конца урока каждый учитель просил учеников открыть дневник и записать домашнее задание и еще прошел по рядам и посмотрел, все ли записали именно в дневник? — просили мы.

— Это нереально! — отрезала она.

— Почему нереально? — удивлялись мы и наперебой рассказывали, что в нашей школьной жизни так и было.

— Дорогие родители! Ваши дети учатся в 7-м классе! Это же не начальная школа!!! — возмущалась учительница.

— Тем более нужен четкий контроль со стороны родителей! Или тогда не ставьте двойки за невыполненное домашнее задание! — просили мы.

— Ну, если вы так настаиваете, то я поговорю с педагогическим коллективом, но это все равно не даст результатов, — согласилась она.

— Поговорите, пожалуйста! — успокоились мы.

Каждая сторона остается при своих проблемах, а наши милые дети, ученики 7-го класса, так и не записывают домашние задания в дневник! Детский сад! Называется, поговорили!

Дома миллионы минут испорченной жизни ушли на то, чтобы хоть что-то записывалось в дневник. Не слишком ли дорого? А уж как неэффективно... Зато ученики звонят друг другу и спрашивают о том, что задано. Они так общаются. И опять каждый человек остается наедине с проблемой выполнения (вернее, невыполнения) домашних заданий. Ну почему у нас, у людей, такие проблемы с объединением и сотрудничеством?! Все либо за деньги решается, либо вообще никак не решается, и опять-таки каждый сам по себе. В школе по сложной схеме сотовый оператор, выигравший тендер, может присылать тебе как родителю и оценки твоего ре-

бенка, и информацию о том, в каком часу твое великовозрастное дитяtko вошло в школу и покинуло ее, но не может выделить пары минут на то, чтобы по-человечески записать домашнее задание в дневник! За деньги тебе пришлют сообщение о твоём чаде, а по просьбе — никогда! Вот такой школьно-кооперативный капитализм... Идиотизм!

В-третьих, меня бесило, что моя дочь делала все для того, чтобы уверить меня, что в ее школьных делах царит полный порядок. Такая наивность дочери меня жутко раздражала. Фарс и обман были ее постоянными спутниками. Фарс и обман отбирали у меня возможность убедить дочь в том, что реальность лучше выдуманного мира. В очередной раз за ужином она рассказывает о своих «успехах» в школе и даже не ленится сбегать в свою комнату за дневником, чтобы продемонстрировать мне «высокий уровень достижений». Я смотрю, что по геометрии учитель выставил моей дочери красным цветом «2», а потом синим цветом стоят две оценки. Естественно, «5»! Я спрашиваю, за что поставили такие замечательные оценки. Оказывается, придумать нарисовать себе пятерочки дочь догадалась, а придумать, за какие школьные знания ей их выставили, — нет. Она сникает, опускает голову и что-то мямлит в ответ. Я смотрю дочери прямо в глаза и говорю, что если бы ей действительно преподаватель — добрый дядечка — поставил пять по геометрии, она бы точно знала, за что! И была бы уверена в своих знаниях! Дочь молчит, смотрит на меня зло и с обидой, что ее очередное вранье «не прокатило». Я прошу ее забрать дневник и замазать все оценки, выставленные ею самой, как несправедливые. Дочь вздыхает, но забирает дневник и убегает в свою комнату. Через пять минут она приносит дневник уже без пятерок.

Дальше мы начинаем обсуждать, какой материал они проходят по геометрии, за что ей вклеили двойку и как мы ее будем исправлять. Я стараюсь обсуждать с дочерью, как в принципе может она учиться, чтобы не получать двоек. Но силенок у дочурки не хватает на все предметы школы, да еще флейта, да еще фортепьяно, да хор, да чистота и порядок в комнате, да рукоделие, да гулянье, да все, что является жизнью. Маловато силенок! А растрчивать их по-

пусту мы научились легко. Выдумывать фальшивую жизнь — за просто. Нарисовать себе пятерки — раз плюнуть! Делов-то... «Нарисуем, будем жить» — так говорили еще наши родители, когда мы были маленькими и хотели, например, новые лыжи или санки. Иногда сбываются не мечты, а шутки. И шутки ради мы рисуем веселую, разухабистую жизнь, полную смешных и забавных историй, которые с нами никогда не произойдут, в которых мы реально никогда не приняли бы участия. Но хочется казаться кем-то! Моей дочери хотелось думать, что у нее все окей! Даже там, где совсем и близко не было «гуд». Из-за этого пропадает все хорошее, существующее на самом деле. И это хорошее перестает быть ценностью! Как сам труд, как личные усилия, как милосердие и вежливость, как воспитанность и благородство. Я часто вспоминаю сцену с Вициным, Никулиным и Моргуновым, когда они пили то ли квас, то ли пиво из бочки и смешно передавали друг другу стаканы. «Хорошо! — смачно вдохновлялся Никулин. — И жизнь хороша, и жить хорошо!». «А хорошо жить еще лучше!» — мудро заметил Моргунов. Вицин, как всегда, промолчал. Но мог бы и добавить: «Лучшее — враг хорошего!». Но его бы никто не послушал. Потому что только дураки не хотят жить лучше! Вот и моя дочь очень хотела получить оценки лучше, чем имела в реальности. И путь для этого выбрала простенький. Она их себе нарисовала. А кто-то постарше тоже тяжелых путей не искал и присвоил себе то, что ему не принадлежало. И так далее. А где в этой схеме «хорошо»? Где в этой схеме качество жизни? Где соответствие способностей и потребностей?

Единственное, что мне помогало держаться на плаву школьного миража, выдуманного дочерью, так это моя собственная уверенность в ее способностях. Если бы я знала, что требую нереального, невозможного, я бы снизила свои требования. Я бы сбавила обороты и заставила себя не вмешиваться в школьную жизнь. Я бы перестала заниматься с дочерью языками, алгеброй, геометрией, я бы перестала настаивать на изложениях и сочинениях по выходным дням. Я бы... Столько всего перестала бы делать, что у нас бы нашлось время на что-то другое, возможно, поинтереснее для нас обеих, чем ее школьные предметы. Но я знала, я была уверена, что

моя дочь — способная девочка! И я не могла позволить ей делать вид, что у нее все прекрасно с учебой. И пусть моя дочь «туманила» себя и, конечно же, меня фальшивыми четверками и пятерками, которые она якобы получала, я понимала, что реальность школьной жизни важнее. И важнее она не из-за оценок, а из-за мировоззрения, которое закладывалось полным ходом в ее 14 — 15 лет.

Глава 7.

ПРАВДИВОЕ ОТНОШЕНИЕ

*Лживая девочка
Выгораживает свое
Незнание себя.
И врет опять бессмысленно,
Позабыв о весне и вере.*

Замазанная жизнь

Седьмой класс близился к завершению. Все самое страшное — двойки в третьей четверти по алгебре и геометрии — остались лишь в неприятных воспоминаниях. В четвертой четверти моя дочь стряхнула с себя оцепенение и стала заниматься. Что ни говори, а словесные угрозы на наших современных детей не то чтобы не действуют вовсе, а еще хуже: приобретают юмористический оттенок. Словесным угрозам преподавателя по алгебре и геометрии никто не верил. Его очень любили и уважали, но считали добрым дядечкой. И вот этот добрый дядечка правды ради вы-

ставил всем лодырям двойки в четверти. И моя дочь, достаточно легко решающая алгебраические уравнения, но делающая ошибки по невнимательности в переписывании длинных выражений из учебника в тетрадь, тоже попала в обойму этих самых лоботрясов. Даже классный руководитель крайне удивилась этому факту! Как ни странно, но именно эти двойки в четверти были самыми успешными по воздействию на мою дочь. Она не была в шоке от них. Но и не оказалась к ним равнодушной! Можно даже сказать, что какое-то короткое время она переживала за то, что ей влили эти двойки. Ведь это были не просто двойки. Это были двойки от доброго дядечки!

Естественно, на каникулах мы вместе с дочерью ходили на дополнительные консультации, которые назначил всем двоечникам преподаватель. И, сидя в классе, я смотрела, как моя дочь у доски раскладывает многочлен, упрощает выражение. Глядя на ее унылый вид, я понимала, что она совершенно ничего не может сказать у доски, прокомментировать свои действия. Она элементарно не знала этого птичьего, т.е. математического, языка, поскольку параграфы не учила, учебник не изучала, а пыталась механически понять принципы действия. И несмотря на то что у доски действовала она правильно, никакой уверенности не ощущала и на вопросы учителя отвечала сбивчиво и очень тихо, себе под нос.

Дома мы обсуждали действия дочери и смеялись от того, что алгебра оказалась противоположной русскому. В русском языке дочка знала все правила, но писала неграмотно. А в алгебре она не могла произнести ни одного правила, но решала все правильно и логично, хотя и страдала от невнимательности, которая влияла на конечный результат. Мы на каникулах взяли за алгебраический язык всерьез. Я просила дочь учить правила как скороговорки: «Чтобы умножить одночлен на многочлен, надо каждый член многочлена умножить на одночлен и все произведения сложить». Мы вместе декламировали эти не по-детски смешные правила умножения и деления, пока у дочери не закрепился опыт говорения на алгебраическом языке. Практически то же самое мы стали делать и с геометрическим языком. Только в геометрии получалось

еще смешнее, так как мы сначала правила показывали жестами, чтобы было интересно их запоминать. Как в детстве с колпаком: «Колпак мой треугольный». Я рассказала дочери про эту игру, и мы все теоремы про треугольники перевели на язык жестов, который ей было легче ухватить, чем выговорить. И только потом мы переводили язык жестов в слова.

Конечно, я понимала, что нельзя всю школьную жизнь превратить в веселье и забавы и что серьезное отношение к учебной деятельности так не воспитаешь. Но другого способа поднять себе настроение я не видела: сидеть и плакать над двойками дочь в принципе не собиралась, а уж мне и подавно было бы неприлично рыдать. И если у моей дочери с самого начала были проблемы с артикуляцией и проговариванием, то наши забавные игры с переводом жестов в слова и алгебраическими скороговорками помогли справиться со скованной речью, неуверенной и нечеткой артикуляцией. И пусть выходы к доске для нее и не перестали быть настоящей проблемой, но знание нужных слов помогало принимать участие в работе класса на уроке.

Однако проблема серьезного, правдивого отношения к своей школьной жизни, тем не менее, осталась нерешенной. В конце четвертой четверти моя дочь приносит дневник с выставленными за четвертую четверть и год оценками. Мы садимся на диван, чтобы увидеть результат наших усилий. И дочь, протягивая мне дневник, говорит:

— Мам, все не так уж и плохо. Конечно, годовые оценки я не вытянула, но вот в четверти я явно преуспела!

Я смотрю на цифры и пытаюсь сообразить, в каком именно предмете моя дочь преуспела. Я вижу, что в двух местах корректором замазаны одни оценки и сверху написаны другие, причем явно шариковая ручка в первом случае отличается по цвету от шариковой ручки в другом случае.

— Дочь, а кто это замазал оценки? И вообще как-то странно, чтобы в дневнике такое в принципе могло произойти.

— А, это? Наша классная дала поручение десятиклассницам, чтобы они помогли ей выставить в дневник оценки, и девочки все напутали. А потом им пришлось это исправлять!

— А как ты узнала, что это были девочки из десятого класса?

— А, это просто. Наш классный руководитель сказала.

— Значит, ты в четверти получила по геометрии и английскому языку «4»? До сих пор не верится, что тебе это удалось!

— Да, мама. Видишь, как я постаралась!

— А по физике тебе поставили «5»? Это что-то из области фантастики!

Присмотревшись внимательно, я понимаю, что пятерку по физике дочь вряд ли в принципе могла получить. Даже не смотря на то что опыты мы проводили регулярно и по учебнику, и по другим интереснейшим книжкам. Как экспериментатор-испытатель моя дочь, несомненно, заслуживала хорошей оценки. Но знатоком теоретического материала она не была ни в коем случае. Значит, что-то опять не сходится дебет с кредитом. Я, конечно, поздравила свою девочку с окончанием седьмого класса, но сомнения в обмане уже закрались в мое сознание. Конечно, моя дочь очень хотела получить хорошие оценки и по геометрии, и по английскому. Но вот по физике поставить себе «5» — это перебор! Да и в историю с десятиклассницами я не поверила: с какой стати классному руководителю так позориться. Поэтому я решила на звонок. И по телефону классный руководитель мне сообщила, что по физике только два ученика из всего класса имеют в четвертой четверти пятерку, и, конечно, моя дочь — не одна из них. Мы обсудили с ней, что моя девочка очень хочет учиться на хорошо и отлично и что, видимо, банальные тройки ей самой надоели до жути и она решила себе выставить улучшенные оценки, замазав истинные.

Вечером мы отправились в гости, как и планировали, а на следующий день, в субботу, я решила все-таки попросить дочку написать сочинение на тему обмана. Вот что написала моя дочь:

«Почему я выставила сама себе оценки и тем самым обманула самого близкого мне человека, то есть маму, и саму себя!

В городе Н на улице К в доме №24 жила очень нехорошая девочка, то есть я. И я закончила четверть с не очень хорошими оценками и замазала их в дневнике. Потому что я побоялась, что мама начнет меня ругать. И, не подумав о последствиях, я показала свои оценки маме. Но когда я подумала потом, уже было поздно. Я хотела признаться, но мне не хватило смелости. Я подумала, что когда моя ложь будет раскрыта, то мне достанется еще больше. И меня до сих пор мучает совесть за то, что я наврала. Поскольку все тайное, как говорит мама, становится явным. И со мной так и получилось».

В конце сочинения дочь решила добавить еще и про ложь. Она написала так:

«Почему я лгу?»

Почему я лгу своим дорогим людям?

Может, потому, что хочу скрыть правду?

Может, потому, что мне это нравится?

Может, потому, что я, когда начинаю лгать, то уже не могу остановиться!»

За сочинение я похвалила свою дочь. Во-первых, за то, что она начала думать. Зачатки критического мышления нам очень важно было развивать! Во-вторых, я похвалила дочь за появление такого слова, как последствия, и за то, что это слово она связала со словом «действие», то есть какие последствия будут иметь ее действия. В-третьих, за то, что она призналась, что ей нравится лгать, и за то, что она понимает, насколько бывает сложно остановиться! Еще я честно сказала дочери, что начало ее сочинения меня расстроило, так как она стала писать сказочку про нехорошую девочку, и все это мне напоминает попытку «сыграть в маленькую девочку», которая скоро получит паспорт! Дочь согласилась, что звучит это смешно и грустно одновременно. Конечно, как маленькая девочка она может замазать свои тройки. Как хитрая девочка она может придумать историю с десятиклассниками, перепутавшими оценки. И как думающая девочка она может понимать, что обман вскрыется в любом случае и отравит нам настроение. И что я хочу, чтобы критическое отношение к своим хитрым действиям помогло ей вырастить в себе девушку, думающую о себе и сво-

их близких людях. И что от «обманутости» остается неприятный горький осадок, который забудется через какое-то время, но который обязательно еще проявится в нашей жизни... И что лично я хочу жить интересной, полнокровной жизнью, а не замазанной и откорректированной.

Ценность ощущений

Наверное, многим хотелось бы представить себя успешными, богатыми, красивыми — и такими тут же и стать! Как все просто: сказала себе вслух перед зеркалом: «Какая я успешная! Какая я умная!». И сразу, в этот же день, тебе учителя по всем предметам поставили пятерки. Вот с каким мировоззрением я боролась. Вот с какими иллюзиями и миражами я сражалась. И если у кого-то возникло ощущение, что я все это придумала ради красного словца или ради драматизации сюжетной линии, то спешу уверить вас в серьезности происходящего. Ведь за каждой устойчивой моделью поведения, за каждой стереотипной реакцией стоит определенное мировоззрение, которое впоследствии будет играть важную роль и в поисках своей идентичности, и в профессиональном и личностном самоопределении. А на базе ценностей детства возникнут подростковые мировоззрения, которые в дальнейшем превратятся во взрослые убеждения. И не мифические, а самые настоящие, простые или сложные, но обязательно настоящие. Конечно, мне не очень хотелось ввязываться в борьбу за жизненно важные ценности, но другого пути я не видела. Какое убеждение сформируется у девушки, если она нарисует себе пятерочку, да не одну, и будет думать, что все обошлось?! Какое мироощущение лежит в основе преимущества вымысла над реальностью? Почему девушке легче и проще подделать желаемый результат, чем добиться его своими силами? Какая разница в ощущениях между незаконным присвоением результата и приложением своих усилий для достижения результата? Если всю свою лень и халтуру можно исправить «легким движением руки» в дневнике, то зачем трудиться? «Нажми на кнопку — получишь результат, и твоя мечта осуществится», — так поется в песне. И моя дочь жала на кнопки — это она делать умела. Может быть, это и был ее ориентир на выживание. Но только не мой!

Я сохранила дневник 7-го класса. Летом дочь пару раз спрашивала, зачем я это делаю. Она даже просила меня его выкинуть или уничтожить. Но я уверенной рукой отбирала у дочери ее дневник и приговаривала: «Он нам еще пригодится воды напиться» или «Твой дневник еще не все отслужил». Дочь только плечами пожала в ответ, но выкрасть из недр моего открытого шкафчика свой дневник остереглась. И правильно сделала!

Почувствуй разницу

Лето пролетело потрясающе. Крым, Алтай и, конечно, Украина — все было полным впечатлений. Учебу мы продолжали: прошли еще раз весь учебник по английскому и перерешали опять всю алгебру. А свою первую контрольную работу по алгебре в 8-м классе моя дочь написала на «5». За ужином она мне с упоением рассказывала, что учитель (помните доброго дядечку?) несколько раз проверил ее контрольную — подумал, что он ее ошибку пропустил. Он ей так и сказал, что хочет еще раз посмотреть на ее решение. И посмотрел. И увидел, что в контрольной работе дочь решила все правильно. Я очень хвалила дочку, так как наши старания принесли нам успех. Однако я не могла не напомнить ей, что контрольная работа была на повторение пройденного в 7-м классе материала, который мы все лето как раз и прорабатывали.

Пятерка по алгебре мою дочь еще долго будоражила. Она несколько раз мне рассказывала эту историю, желая продлить свое короткое счастье. Однако за сентябрь моя девочка пару раз подхватила вирус гриппа и пропустила школу. Нам пришлось опять догонять, все выходные напролет заниматься. И вот дочь получила в дневнике 8-го класса первые выписанные за весь месяц оценки. Эта практика меня тоже бесила, поскольку ты смотришь в книгу (читай — дневник), а видишь... Вы когда-нибудь видели маленький белый листочек, вклеенный в дневник? На нем напечатаны в столбик изучаемые предметы, а напротив каждого предмета от руки выписаны из журнала все оценки, которые получил ваш ребенок за месяц. Я как родитель не могу понять, за что выставлена эта черед простых чисел по каждому предмету! Что можно сделать с эти-

ми стройными рядами оценок? Посчитать среднеарифметическое? Достойное действие, очень поучительное и обнадеживающее! И тут, из «широких штанин дубликатом бесценного груза» я достаю прошлогодний дневник... И мы с дочерью, как две вороны, сидящие на ветке одного дерева, начинаем одновременно вертеть головами туда-сюда, туда-сюда. В смысле сравнивать ряды простых чисел. И представьте себе, мы находим это занятие увлекательным и захватывающим, так как оторваться не можем от каждого нового ряда. И только когда вереницы чисел нами изучены досконально, мы начинаем с легкостью их обсуждать. Когда первое сильное напряжение прошло, мы расслабились, налили себе сока, и мир вокруг нас показался нам уже не таким занудным и сложным. Числа простые, и мысли наши тоже были им под стать. Моя дочь еще долго радовалась моей предусмотрительности. Она не ожидала, что обыкновенный сравнительный анализ оценок 7-го и 8-го классов приведет ее в такое волнение. Сам факт, что ее оценки в 8-м классе на порядок лучше ее оценок в 7-м классе, оказался внушительнее, чем все слова. Вот он, мир символов и знаков, расстеленный перед нами, такой простой и ясный, как чистая вода. Смотришь в нее, и да пребудет с тобой сила!

И получилось забавно с географией. В 7-м классе произошло ЧП — моя дочь не сдала конспект по океанам. Хотя мы с ней их много раз рассматривали в нашем огромном атласе Земли. Для начала учитель географии, она же классный руководитель, позвонила нам домой и предупредила, что если моя дочь не сдаст этот самый конспект, то ей грозит в четверти «3». А это значит, что за год у дочери тоже выйдет тройка!

— Надо постараться и сдать конспект, что тут сложного? — сказала я.

— Конечно, мамочка, я его сдам на этой неделе, — согласилась она.

Через несколько дней я поинтересовалась, сдала ли дочь конспект по географии. И она уверенно ответила, что за океаны ей поставили «4». До окончания четвертой четверти 7-го класса осталась одна неделя. Я прихожу на родительское собрание,

и в конце учитель называет фамилию моей дочери как единственной, кто не сдал конспект по океанам! Мы разводим руками,жимаем плечами, так как вовсе не понимаем, что в этом действии такого сложного, чтобы его не совершить. Дома я еще раз уточнила, правда ли дочь сдала конспект и правда ли то, что ей поставили за океаны «4»? Моя дочь как ни в чем не бывало подтвердила, что все хорошо и она сказала мне правду. Я вздохнула тяжело и только покачала головой. Дальше я попросила ее сдать этот хвост, так как мне надоело на него постоянно наткаться. Она и тут быстро согласилась, глядя мне прямо в глаза.

На выходных я потребовала, чтобы дочь показала мне конспект по океанам. И она показала мне этот конспект, где красивым почерком цветными ручками выписала все океаны и все моря. Я опять вздохнула и спросила, когда дочь его сдаст. Она уверенно сказала, что в четверг. «После дождичка в четверг», — подумала я. Так оно и вышло. Потому что дочь не сдала конспект, преподаватель сдержала свое слово и выставила ей в четвертой четверти международную троечку, и за год в 7-м классе моя дочь получила по географии «3». Мы смотрели на эту тройку в дневнике, и у меня не было никакого желания даже комментировать свое состояние. Я до сих пор не могу понять, почему она не сдала уже сделанный конспект. Наверное, просто забыла!

И так было во всем, что касалось ее интересов, ее дел. Все поставленные цели и осознанно спланированные действия растворялись в ее светливой и вместе с тем замирающей жизни. Я смотрела на то, как моя дочь оставляет на потом даже самое малое действие, забыв о нашем геометрическом правиле порядка, и понимала, что ей не хватает элементарных силенок, чтобы растянуть свое внимательное сознание на весь день. И один день дробился на кучу дел, удержать которые было не просто. И чем больше осколков дня получалось у моей девочки, тем сложнее ей было справиться с ними. Как в замедленной съемке, эти осколки астероидным поясом летали вокруг моей замершей в центре дочери, а в линию осознанных дел не выстраивались. И мне приходилось лишь ждать, когда в ее жизни появятся новые возможности и образуют свою Вселенную

под именем моей дочери, в которой именно она будет заботливой и умелой хозяйкой. Я терпеливо ждала, пока осколки астероидов хлестали нас по щекам, решетили наши планы, кружили нам головы своим верчением, вводили нас в заблуждение, гипнотизировали и интриговали.

Но на этом история с географией не закончилась. Иначе что бы в ней было забавного? В 8-м классе моя дочь полюбила географию и химию. Химию за то, что она была новенькая, «неизвестная». А все новое дочка любила. А географию за то, что учитель интересно рассказывает. Что помешало моей дочери полюбить географию в 7-м классе — загадка. Итак, в 8-м классе моя дочь пишет контрольную по географии и за ужином мне рассказывает, что, скорее всего, за контрольную получит 5. Я поддерживаю ее интерес к оценке за любимую географию (должно же быть хоть что-то в статусе любимого в школе!). И мне тоже интересно, какую оценку получит моя дочь и с какой стати она стала переживать за оценки. Неужели сравнительный анализ оценок 7-го и 8-го классов привел в действие скрытый механизм мотивации к успеху? Ну-ну, думаю я и потираю руки от разворачивающейся интриги.

Чем эта интрига завершилась, я узнала, к сожалению, не от дочери. Ее опередила классный руководитель — как вы помните, учитель географии. Она позвонила мне, чтобы узнать определенную информацию, и я, пользуясь случаем, спросила ее о том, как у дочки с ее любимой географией. Учитель сказала, что весь класс аплодировал ей, т.е. моей дочери. Оказывается, дочь попросилась переписать контрольную работу по географии, так как была не уверена, что написала ее на «5». Конечно, она думала, что написала на «5», но хотела быть уверенной в этом настолько, что решила еще раз выполнить все задания контрольной работы. Учитель, как она сказала сама, не помнила, на какую оценку моя дочь выполнила свою контрольную работу, но пошла навстречу и после уроков позволила ей переписать контрольную. А на следующем уроке обнаружилось, что моя дочь и первую контрольную работу написала на «5», и вторую — на «5». Учитель об этом рассказала в классе, и все ученики зааплодировали! Я смотрела на дочку

все время, пока по телефону слушала рассказ учителя по географии. Моя дочь тоже прислушивалась к голосу, звучащему в трубке, и хитро улыбалась. На ее лице было столько удовольствия, что мне стало немного страшно. Полнейшее равнодушие сменилось чрезвычайным удовольствием.

После ужина мы с дочерью чаевничали и обсуждали, насколько различны ощущения от нарисованных пятерок по геометрии и полученных на самом деле пятерок по географии. Мне было важно подчеркнуть разницу. А ей было важно поверить в свои способности.

Электронный дневник

Вторую четверть 8-го класса мы закончили неожиданно хорошо. Особенно меня радовали «5» по химии и информатике, а также «4» по физике. И я подумала, что мы поймали волну и на ней бодро и радостно будем катиться по школьной жизни. Новый год дал нам дополнительный заряд веселья и доблести, и третью четверть моя дочь начала с того, что практически каждый день мне рассказывала, как она активно выходила к доске и как легко справлялась с заданиями. Я, естественно, ее хвалила, поддерживала стремление работать активно на уроках, за ужином вела разговоры о том, что раз контрольные работы нам не удастся писать на «4» и «5», то между контрольными надо стараться получать эти самые «4» и «5». Дочка кивала головой, настроение у нас было зимнее и почти сказочное. За весь январь моя дочь пропустила только один день учебы из-за температуры. Она быстро разобралась с простудой, которую мы изгнали горчичниками и доброй порцией жирного молока с маслом и медом вприкуску. Меня в принципе радовало то, что в течение месяца моя дочь болела гриппом или простудой уже не раз в неделю и даже не два раза в месяц, а всего лишь разочек. Этот разочек был по-прежнему сильным, с высокой температурой, но он так же быстро и растворялся в повзрослевшем организме моей дочери. Все-таки девушке уже было 15 лет! Мы не применяли серьезных медикаментов (антибиотиков) при болезни, а практика укрепления иммунной системы и повышения психологической уверенности в укреплении своего тела дала положительные результаты и позво-

лила постепенно снизить уровень заболеваемости. И это было очень важно для того, чтобы не происходило постоянных, еженедельных пропусков школьных занятий.

Моя дочь стала регулярно посещать школу, и я предполагала, что радость от приличных оценок во второй четверти и укрепление физического тела приведут ее к определенной гармонии между духом и телом, которая будет ощущаться и в школьном образе жизни, и в домашнем. И на какой-то момент я даже почувствовала себя очень хорошо и спокойно. Это внутреннее умиротворение было, конечно же, связано именно с моей дочерью, с ее школьными делами. Но может быть, я просто нуждалась в доверии? И мне надоело сомневаться и размышлять, правду ли сказала моя дочь, и как я могу это проверить, и главное, хочу ли я на это тратить свои душевные силы? Вот чего мне хотелось больше всего на свете — жить без хитростей и пакостей. И на какое-то время я разрешила себе так жить. Мы играли в шашки и китайские уголки по воскресеньям во время завтрака, ходили на теннис, я воспринимала все рассказы своей дочери о школе за ужином как реально происходящие события. И у меня не было никакого желания испортить себе настроение «подозрительными мыслями». Ведь как хорошо жить, улыбаться друг другу, смело, без всякой амбивалентности смотреть друг другу в глаза и верить, что твоя искренность и открытость предоставляет равные шансы быть такой же искренней и открытой твоей дочери и что мы эмоционально близки друг другу и за четыре года, что мы вместе живем, я испытываю к своей дочери такое душевное чувство привязанности, в котором нуждалась всю свою бездетную жизнь. Что мы живем вместе не столько и не только потому, что я взяла на себя груз ответственности за воспитание приемной дочери, девочки, лишенной родительской заботы, жившей тяжелых и долгих 4 года в детском доме, и не только ради того, чтобы сделать в своей жизни что-то нужное и хорошее для кого-нибудь. Совсем нет. Вернее, и все это имеет смысл, но самым важным было именно это материнское чувство привязанности к ребенку, которого у меня никогда не было и отсутствие которого меня делало пустой и бессмысленной женщиной. Возможно, именно за эти 4 года, равные ее 4 годам детского дома, мы смог-

ли привыкнуть друг к другу по-настоящему. Мы и раньше не были врагами. Мы и раньше не были союзниками. Мы были людьми, которые в своей жизни приняли решение жить под одной крышей и еще не знали, что из этого получится. Ни я, ни моя дочь до сих пор ничего определенного, конкретного не обещали друг другу и не обсуждали наше будущее. Мы боролись за наше настоящее. То я была уверена в том, что наше настоящее принадлежит нам и что мы крепко ухватились на его мягкие края и уже не выпустим наше настоящее из своих ладоней. То я была шокирована пониманием того, что наше настоящее от нас ускользало как живое, и все мои усилия не могли остановить неизбежное превращение настоящего в обман, зрительную иллюзию, кинестетический мираж.

А пока я жила и верила, моя дочь побила все рекорды по количеству двоек на каждый день ее пребывания в школе. Принесенная моей дочерью из школы маленькая бумажка с кодом регистрации на сайте «Дневник.ru» стала теми граблями, на которые я опять наступила. Конечно же, на следующий день я зарегистрировалась на сайте и распечатала текущие оценки дочери. Там были сплошные двойки. Да не по одной, а по паре-тройке на каждый предмет. Особенно отличилась моя дочь в алгебре: там красовались четыре двойки. Я смотрела на экран монитора, и все мое хорошее состояние улетучивалось из каждой клеточки моего организма. Я смотрела и таяла. Но таяла не от удовольствия, а от беспомощности. Я ощущала себя таким куском мороженого, который находится под палящим жаром монитора и всеми силами старается сохранить изначальную форму. Но все усилия мороженого никак не могли изменить ситуацию таяния в целом. Это как каждый отдельно взятый человек ничего не может поделать с глобальным таянием ледников и потеплением. Я смотрела на двойки, и меня от них начинало тошнить. Я ощущала себя абсолютно беспомощным мороженым, которое все равно рано или поздно, но растает: края его формы вначале станут нечеткими, потом начнут расползаться, проседать, пока не достигнут бесформенной массы, в которой будут только угадываться изначальные формы. Таким образом я проверила на своем опыте феномен «выученной беспомощности», который присущ детям из детского дома.

Глава 8.

ВЫУЧЕННАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ

*У доченьки моей
Любимое чувство пятое.
И фильм любимый
«Пятый элемент».
Но в школе любимого так мало!*

Тем, кто не знаком с таким понятием, как выученная беспомощность, я могу поведать то, что знаю сама:

Это явление было открыто М. Селигманом в 1975 году в следующем эксперименте. Крыс, помещенных в клетку, обучали условному рефлексу: после гудка на пол клетки подавался электрический ток. Крысы легко обучались, и через некоторое время каждая крыса *приемлемым для нее способом пыталась избежать удара током*. Кто-то подпрыгивал как можно выше на время действия тока, кто-то держался за боковые стенки клетки. Если

крысам было позволено избежать таким способом болезненных ощущений от удара током, то поведение их вне эксперимента не менялось.

Но затем были внесены новые условия проведения эксперимента. Когда крыса, услышав гудок, подпрыгивала, чтобы избежать удара током, ток не подавался. Но как только крыса приземлялась на пол, она получала удар током. То же самое происходило и в случаях цепляния за боковые стенки клетки. Экспериментаторы делали все, чтобы **никакое действие крыс не приводило к избеганию боли от удара током**. Такие условия были названы *неизбегаемым негативным подкреплением*. Оказалось, что через некоторое время (для каждой крысы оно было разным) животные *перестали предпринимать усилия, направленные на то, чтобы избежать боль от удара током*. Но самое поразительное, что после перемещения крыс в новые условия **их измененное поведение сохранялось**: крысы остались пассивными, не обучались в новых ситуациях, утрачивали любопытство, свойственное данным животным. Таким образом у них формировалась выученная беспомощность: крысы обучались тому, что их действия не ведут к изменению ситуации в сторону благоприятного для них исхода.

Дети в детских домах неизбежно *«обучаются» выученной беспомощности*, потому что поведение окружающих по отношению к ним не определяется их собственными действиями. Ребенок, во-первых, не может повлиять на решение органов опеки и попечительства отобрать его у кровной семьи или оставить его с родными. Во-вторых, ребенок не может изменить решение о помещении его в тот или иной детский дом. В-третьих, ни протест, ни плач, ни другие действия ребенка, помещенного в детский дом, не могут привести к изменению порядков в государственном учреждении. Практически никакие действия «ничьих» детей не могут повлиять на установленные в детском доме правила. Именно поэтому у детей, пребывающих годами в детском доме, формируется инфантильное поведение, отсутствуют инициатива и самостоятельное стремление к изменению окружающей среды. У детей, воспитывающихся в детских домах, преобладает либо зависимое, реактивное

поведение, даже несмотря на агрессивность и злобность, либо эпатажно-демонстративное.

И при видимой и очевидной всем взрослым людям благоприятно измененной ситуации — помещении ребенка в приемную семью — для ребенка внутренне может совершенно ничего не меняться, так как он уже *обучился выученной беспомощности*. И в приемной семье ребенок будет так же зависим и безынициативен, как и в детском доме.

Итак, как мне кажется, именно двойки стали проводником выученной беспомощности моей дочери в нашей жизни. Конечно, убеждала себя я, не в школе счастье. Дома моя дочь более или менее приладилась наводить порядок в своей комнате, ибо никогда не была и не будет аккуратной и опрятной девушкой. Но в домашнем образе жизни сохранились наши традиции: наши совместные генеральные уборки, игры, болтовня, выпекание блинов, чтение и все то, что зовется жизнью. Дома мы были вместе, и именно этот факт позволял моей дочери не опуститься до состояния «выученной беспомощности», а точнее «жуткой засранки!» Я была уверена в том, что стоило мне ее оставить дома одну на неделю, как наш дом превратился бы в хламовник и помойку. Дочь не желала доводить свои дела до определенного состояния: фантики от конфет, яблочные огрызки, ветки винограда, корки мандаринов валялись по всем уголкам ее комнаты. Я уже молчу о вещах и школьных принадлежностях. И для нее это было нормальным положением вещей. Моя дочь очень трудно привыкала к тому, что нужно заботиться о себе. Но она постепенно привыкала. И я это внимательно наблюдала, помогала, поддерживала в ней малейшее стремление к чистоте и опрятности. «Помойка на столе — лишь отражение бардака в мозгах!» — напоминала я дочери и старалась тактично обратить ее внимание на «лишние предметы» на рабочем столе, на небоскребы учебников и пизанские башни тетрадок вперемешку с пеналом, флейтой и нотами. Порой мне было неприятно даже входить в ее комнату, настолько все валялось на полу. Я стояла на пороге и комментировала вслух, что я сейчас могу наступить на телефон, раздавить зарядное устройство, споткнуться об лыж-

ные ботинки и упасть на гору энциклопедий, выросшую прямо посередине комнаты. Или я просила дочь встать рядом со мной на пороге и взглянуть внимательно на пространство своей комнаты. Я просила ее озвучить все, что она видит, и сформировать план действий по изменению вида комнаты в более благоприятном направлении. И эти просьбы были достаточно эффективны и действенны.

А в школе моя дочь была без меня. Она в школе была один на один со своей выученной беспомощностью. Слава Богу, что она хоть ходила туда, а не пыталась избегать этой муки. И поскольку именно двойки стали символом школьной беспомощности, а мое единственное требование к дочери — учиться без двоек — не выполнялось, я стала искать новые образы, способные повлиять на мою дочь, способные открыть возможность изменения самой ситуации беспомощности в целом.

Говно

После ужина я показала дочери распечатанный лист с ее текущими оценками. Она смотрела на свои оценки, и я не понимала, что она чувствует. Я внимательно наблюдала за ее мимикой: ее лицо каменело, и лишь правая сторона верхней губы слегка подрагивала, а нос морщился. Дочь посмотрела на меня потемневшими глазами. Сначала я думала, что она разозлилась, озлобилась. Я попросила дочь сказать, что она собирается делать с потоком двоек. Дочь молчала и кривилась, а потом надела на свое лицо маску равнодушия и молчания. Помню, что я задала ей еще какие-то сущностные вопросы, которые канули в тину ее масочного состояния, и даже эха от моего голоса не осталось. Гробовая тишина. И тут на меня напал запах растревоженного говна. Вонь была невыносимой, наверное, как и двойки моей дочери. Я не знаю как, но они связались в моем мозгу молниеносно. Я спросила у дочери, умеет ли она пользоваться туалетом. Дочь встряхнулась и внимательно посмотрела на меня. Помню, что я крепко ухватила ее взгляд и стала рассказывать, что каждый день, получая в школе двойку, она обкакивается в штанишки, как маленькая. И приходит домой

со своей кучей говна, а потом мы вместе отстирываем ее трусишки от дерьма, то есть занимаемся исправлением ее двойки. Тем не менее она на следующий день опять идет в школу и опять, вместо того чтобы приготовиться к урокам, она опять накладывает кучу своего говна в трусы.

— Я хочу, чтобы ты поняла, что помимо твоей собственной воли в твоей жизни не происходит ничего!!! Все, что случается в твоей жизни, случается потому, что ты так к этому привыкла, что ты так к этому подготовилась, что ты так этого захотела. Ты можешь пользоваться унитазом так же, как ты можешь выполнять домашние задания, читать параграфы, учить правила, но ты сама решаешь не делать того, что умеешь, — учиться без двоек. Это ты решаешь сама, что ты сегодня обгадишься в школе и притащишь говно домой!!!

Дочь сидела и переваривала мой образ «сортирных двоек». Я сама не ожидала от себя такой «мощной и емкой метафоры», с одной стороны, очень детской и наивной, а с другой стороны, такой выразительной и понятной. Глядя на дочь, я видела, что от маски не осталось и следа: она была в недоумении. Я сказала, что теперь она знает, как лично я отношусь к ее двойкам — как к говну. И что в ее воле, в ее силах выполнять задания и готовиться к каждому школьному дню, к каждому предмету хорошо, и что в ее воле решить, куда ходить в туалет — гадить в трусы или воспользоваться унитазом!

Равенство 4=4

Надо сказать, что я очень чувствительна к запахам в принципе. Каждый сезон года дарит свой запах и радуется своим цветом. Даже гаммой цветов и волнами ароматов. Именно из-за этого я обожаю весну. Какие бесподобные цвета: фиалки, гиацинты, сирень, тюльпаны. Какие восхитительные запахи: нарциссы, гиацинты, ландыши, сирень, жасмин. Эта невероятная роскошь окружает нас, людей. От одного этого понимания я становлюсь счастливой. Я смотрю на цветы у себя под окном и радуюсь: плантация

ландышей и фиалок, которые я пересадила из нашего леса в свой цветник, разрослась и укрыла землю нежным цветом и тонким ароматом. Мир наполнен птичьими трелями, буйной зеленью лип и берез, и хочется, чтобы в красоте наших двухэтажных старинных домиков мы обитали всю свою долгую и прекрасную жизнь.

Но в нашей жизни мало соответствия нашим естественным желаниям. Ибо огромная школа в тысячу детей, многоэтажные дома с убогими дворами и грудями железа по обочинам дырявого асфальта создают совершенно другое пространство жизни, отличное от того, что гармонично и естественно для людей. Ценности смещаются, сама жизнь становится техногенной средой с запахами бензина и мусоропровода, гулом автострад и бесконечной погоней за деньгами. Потому что деньги стали определяющим фактором жизни. Но могу ли я купить уверенность своей дочери в себе? Могу ли я купить ее честное и правдивое отношение к своей жизни? Может ли мать на все свои сбережения купить себе свою материнскую радость от того, что дочь ее любит? И может быть, кому-то из людей и неважно, что этого купить нельзя ни за какие коврижки, потому что можно купить всего другого, да побольше. И люди перестают размышлять над тем, чего купить нельзя. И чтобы не расстраиваться по пустякам, они начинают размышлять над тем, что они могут купить и сколько еще нужно всего заработать, чтобы всего этого накопить. Да побольше. А как же быть с говном? Говно ведь не капуста. Съедят — не жалко, и подать — не стыдно. Говно ведь оно сильное, привязчивое и имеет тенденцию к накоплению. Так же, как и деньги. В этом говно и деньги очень похожи друг на друга.

Я лежала ночью и размышляла о говне, деньгах и двойках. Я вспомнила Геракла и один из его подвигов — как он чистил Авгиевы конюшни. Кажется, Геракл сразу понял, что вручную говно не расчистить — это век трудиться, а воз и ныне будет там. Геракл не пожелал стать Сизифом и учинил наводнение, которое и вынесло все говно из царских конюшен. А я остаюсь Сизифом. Борюсь с выученной беспомощностью моей дочери, а воз говна и ныне там. Я лезу на гору, пытаюсь свою ношу поднять на высоту

и какое-то время пребываю в надежде, что еще чуть-чуть — и моя дочь почувствует вкус к учебной деятельности, познает и обретет силу личного действия. А через какое-то время мы бежим вприпрыжку с горы, и нас, или, скорее всего, только меня накрывает тот самый воз с говном. Сегодня я поделилась с дочерью тем, что от ее двоек у меня устойчивый запах дерьма. Но поверила ли моя дочь в то, что меня каждый раз накрывает школьный воз говна? С этим вопросом я и заснула. Признаться, сон мой был поверхностным и беспокойным. Как говешка в проруби, я крутилась на поверхности сна и не могла глубоко уснуть.

Наутро я твердо решила стать Гераклом. Никакой достойной идеи на уровне подвига Геракла у меня не было, но вырваться из Сизифова образа говно мне помогло. По сути, выученная беспомощность моей дочери была равна моим Сизифовым мукам. Эдакое равенство $4=4$!

Интрига

Весна забыла, что обещала прийти. Везде была зима. Люди недоумевали: «А март знает, что он весенний месяц?». Но если бы только март! А то и апрель устраивал метели и закатывал сугробную жизнь всей Москве и ее области. Метеорологи твердили, что весны не будет. Будет сразу лето. Но как же без весны? Так же, как и без двоек!

Невозможное оказалось возможным. И пусть бушевали за окном метели, а дома я каждый раз употребляла вместо слова «двойка» слово «говно», мы твердо были убеждены, что скоро наступит конец всему этому безобразию: зиме и двойкам! Я не знаю как, но моя метафора, вылепленная из говна, действовала на дочь эффективнейшим образом. Потому что в четвертой четверти она стала отслеживать свои школьные дела, со вниманием выполнять школьные требования и практически не иметь хвостов. За одну неделю в дневнике у дочери красовались одни четверки и пятерки!!! Она даже хвасталась успехами, показывала свой дневник подругам. Это было впервые за всю ее жизнь, так же как и отсутствие весны.

Учительницы мне напоминали снежных королев. Настолько они не были готовы поверить в то, что моя дочь может знать их предмет на хорошо или отлично. Но всех превзошла английская королева. Мы с дочерью, как обычно, учили английские тексты, читали, переводили, писали диктанты. На уроке английского была контрольная работа. Дочь пришла домой и за ужином рассказала такую историю. После контрольной, на следующем уроке (они идут два дня подряд), учительница посадила ее за отдельную парту и предупредила, что если мою дочь сейчас напишет диктант на «5», то она поставит две пятерки. А если моя дочь сейчас напишет диктант на «2», то она ей поставит две двойки и, следовательно, двойку в четверти! Дочь сделала одну ошибку. Всего лишь одну. Она прямо на ее глазах написала все предложения правильно. Английской королеве ничего не оставалось, как выполнить свое обещание и поставить дочери две пятерки.

Возможно, на мою дочь повлияла не столько сама метафора «говно», сколько интрига, которую мы с ней выстроили по отношению к учителям. Интрига состояла в том, чтобы доказать «снежным королям и королевам» свою способность учиться хорошо и знать учебный материал. Причем в 7-м классе с контрольной по географии у дочки получилось написать работу дважды на отлично, но интрига не была так обставлена со стороны учительницы — девочка сама с испугу предложила переписать контрольную работу. Что касается английской королевы, то дочь сильно задел сам вызов, брошенный ей и ее подготовленности к диктанту. Дочь разозлило именно отношение к ней английской снежной королевы и манера, с которой королева выразила свое недоверие и подозрение. А со скорпионами такие шутки не проходят даром!!! Вот дочь и была вынуждена этот вызов принять с максимальным напряжением своих способностей. И ей удалось использовать свои знания на благо: она победила в этом раунте. Дочь почувствовала вкус победы — ощущение успеха позволило ей бросить вызов другим снежным королям и королевам. Моя дочь отплатила им той же монетой.

Больше всего меня удивило ее решение поспорить с добрым дядечкой, королем алгебры и геометрии, что у нее в четверти бу-

дет «4»! Король принял этот вызов, он включился в игру, которую затеяла моя дочь, чем невероятно ее порадовал. Интрига нарастала с каждым уроком. Дочь за ужином рассказывала, как ей удалось поговорить со снежным королем алгебры. Он высказывал свои сомнения в том, что ученица победит в споре с ним. Средний балл достиг 3,80. Это уже была почти четверка. Дочь была уверена, что король алгебры округлит число до 4 в ее пользу. Я в каком-то смысле соглашалась с дочерью, но настаивала на том, что необходимо хорошо подготовиться к четвертной и годовой контрольным работам, чтобы, во-первых, удержаться около четверки, а во-вторых, подтвердить свои знания, доказать, что они не случайны, что они не подсмотрены, не списаны у других.

Я понимала, что, со своей стороны, многие учителя страдают от того, что их ученики предпочитают списывать, а не учить, анализировать, разбираться в учебном материале. Отсюда и так много снежности, в смысле неверия в способности учеников, которые постоянно предают своих учителей, оскорбляют саму сущность предмета, игнорируя погружение в него. Конечно, в каждом классе есть ученики, которым легко дается тот или иной предмет. Они и являются опорой и поддержкой учителя. Но ни один учитель не может быть удовлетворен на 100% результатом своего труда, ибо он понимает, что легкость восприятия учебного материала, его освоения не является результатом только их усилий. Каждый учитель в глубине своей души понимает, что эти ученики и без него бы могли освоить предмет, например за несколько месяцев сдать экстерном весь учебный материал, пройдя его по учебнику, вместо того чтобы целый год изо дня в день ходить в школу. И в этом тоже кроется корень недоверия учителя к ученикам.

Так что интрига, которую затеяла моя дочь с некоторыми учителями, во-первых, позволила ей установить личные отношения с педагогами, т.е. наладить контакт, не бояться заговорить с ними, иметь возможность уточнить информацию, а во-вторых, интрига, затеянная дочерью, подливала, в полном смысле, масла в огонь ее интереса к школьной жизни как таковой. Именно интрига стала тем самым наводнением, которое устроил Геракл в Авгиевых

конюшнях. Именно интрига затянула мою дочь на высоту холма, на которую я, как Сизиф, безуспешно пыталась ее заманить.

Вот такие они, скорпионы. В простоте душевной ничего не выгучат, ничего не скажут. А вот если с подвывертом, да вприсядку, так споют и диктант напишут!

Глава 9.

ПЕРВЫЕ ЧЕТВЕРКИ В ЧЕТВЕРТИ

День выгорает.

Сдается сумеречно.

Из тени липы

Вышел кот, лениво сел.

Дождался ночи и пошел....

Любовь моей дочери к интригам со снежным королем алгебры и геометрии и снежной королевой английской развивалась на протяжении всей четвертой четверти 8-го класса со всей скорпионской мощностью. В какой-то степени именно эти учителя поддались и приняли вызов дочери. Я как могла поддерживала интригу в рамках «докажи, что ты способная ученица» и не позволяла дочери отступать от заданного ею вектора приложения личных усилий к подготовке к урокам. Конечно, я понимала, что дочь ходит по краю и что ее может легко занести в общении со снежными королем и королевой так, что она полетит в сугроб вверх тормашками. Поэто-

му мне было важно настроить ее эмоциональность на сдержанную наблюдательность: я просила, неустанно предлагала своей дочери сконцентрировать внимание на проверке ее домашних тетрадей и контрольных работ, а также наблюдать за реакциями учителей. Я сравнивала ее настройку внимания и восприятия с настройкой человека, который знает не только то, что происходит, но и то, что произойдет. Я объясняла дочери, что в ее задачу входит не только демонстрация своих способностей, но и формирование нового образа себя как ученицы. «Все ученики и учителя привыкли к тому, что ты ничего не знаешь. Даже ты сама привыкла к этому», — говорила я своей дочери, размахивая вилкой и поедая макароны по-флотски. Интрига состоит в том, что ты хочешь и можешь удивить всех. И особенно саму себя. Ты можешь доказать себе, что ты можешь знать!» Такие фразы я нашептывала дочери вечером, не забывая четко контролировать знание учебного материала. Ведь на самом деле мне легко было проверить, знает ли она физику или химию. Достаточно одного вопроса (Папанов в «Бриллиантовой руке» говорил, что достаточно одной таблетки, и он ведь был прав!!!). Нет смысла забрасывать дочь кучей бессмысленных вопросов о том, сделала ли она домашнее задание, или что им задали, или обедала ли она сегодня. Обычно именно родители забрасывают своих детей глупыми и бессмысленными вопросами, которые приучают тех же самых детей уклоняться неопределенными ответами и защищаться враньем. Но есть смысл спросить за ужином о первом законе Ньютона, который проходят в настоящее время по физике в школе. Если родители в курсе содержательной части образования своих детей, то им легко проконтролировать само знание, легко убедиться, подготовлены ли их ребенок к тому или иному предмету. И если дочь мне за ужином начинает рассказывать о первом законе Ньютона, подбирать нужные слова, находить образы, значит, она соображает в этом материале по физике и изучала его. Если дочь «плавает» и не может четко и ясно связать несколько предложений, значит, она не знает, не учила параграф, и ей надо разобраться с первым законом Ньютона. Или со вторым, но тоже законом!

Таким образом, построенный фундамент из говна и интриги с учителями плюс содержательная проверка знаний моей дочери

в совокупности привели к тому, что она впервые в своей жизни получила заслуженную четверку по геометрии и английскому в четверти. Сдвиг от тройки к четверке произошел именно по тем предметам, с учителями которых моя дочь интриговала. К сожалению, по алгебре дочь годовую контрольную работу написала на «3», и учитель считал возможным не поддерживать стремление моей дочери получить за четверть «4». Но в геометрии и английском мы победили!!!

Предрасположенности (продолжение)

Все лето мы с дочерью обсуждали ее предрасположенности, на которые можно было бы опереться в выборе специальности. Впереди маячил 9-й класс, и я считала, что он должен стать последним классом в школе — т.е. выпускным. Практически весь 8-й класс я как родитель только и слышала от учителей, что нам не потянуть старше 10-й и 11-й классы, потому что в классе много учеников, которые завалят ЕГЭ, и что все силы родители должны бросить на подготовку своих чад к ГИА. Я была уверена, что паранойя с ГИА (Государственная итоговая аттестация) и с ЕГЭ (Единый государственный экзамен) в 8-м классе продолжится с нарастающим итогом в 9-м классе. И вообще, нервная обстановка вокруг экзаменов мне лично была непонятна. Ученики учатся в школе. Что же противоестественного в том, что ученики должны сдавать экзамены? Можно сколько угодно волноваться, тревожиться, переживать за то, как ученики будут сдавать экзамены. Но зачем впадать в панику и отчаяние, когда многое зависит от самой организации подготовки к экзаменам. То, что нам с дочерью нужно будет готовиться к ГИА, лично у меня не вызывало никаких сомнений. Я к этому была готова так же, как обычно ко всему, что предстоит в жизни. Вопрос был в том, какие предметы сдавать. Два обязательных экзамена были русский язык и математика (алгебра и геометрия). А два других предмета были по выбору самого ученика. А выбор предмета зависел, на мой взгляд, от того, в каком направлении профессионального самоопределения двигался ученик.

Так, летом мы с дочерью задумались над ориентирами в выборе учебного заведения и предрасположенностями к тем или иным

характерным действиям. Дочери за 4 года нашей жизни понравилось несколько вариантов профессионального самоопределения. Одно направление было озвучено при просмотре документального фильма о том, как в Канаде спасают белых медведей, которые из-за нарушения человеком среды их обитания начинают шастать по человеческим помойкам, как крысы (не в обиду крысам). Медведи привыкают к человеческим поселениям на севере Канады и, следовательно, становятся зависимыми от людей, вернее от их мусора и отбросов. Это и вправду отвратительное зрелище: белый медведь (красавец по определению) роется в помойке, разрывая своими когтищами кучу отбросов. Так они целыми медвежьими толпами живут на свалке отходов и ожидают чего-нибудь вкусенького, как коты или бомжи на нашей дворовой помойке. Канадцы, как нам показали в фильме, отлавливают «мусорных» жителей и на вертолетах доставляют их в привычную для белых медведей среду обитания, то есть туда, где нет людей и их помоек. Моей дочери понравился канадский проект по спасению этих белых задир. Но особенно ей понравился вертолет и действия вертолетчика. Дочь заметила, что очень хочет научиться летать на вертолете и работать в Канаде по спасению белых медведей. Этот фильм затронул наши души, и мы часто о нем вспоминаем и по сей день.

Если первая предрасположенность была связана с управлением вертолетом, то вторая предрасположенность была связана с любовью дочери к экспериментам. Дочь отыскивала в магазинах коробочки с опытами по химии и физике, книги по занимательной геометрии, разнообразные головоломки и просила ей это купить. И я все это покупала. Потому что это было интересно. И потому что это было связано с ее личным развитием. И потому что дочь просила не что-то дурацкое и глупое типа чипсов, а просила купить ей книги и инструменты. Я считала ее просьбы достойными осуществления. Как только очередная книга или коробочка доставлялась домой, дочь немедленно приступала к экспериментам. Она легко производила нужные манипуляции и с невероятным воодушевлением и терпением наблюдала за превращениями. В том, что она делала, была заложена и интрига, и требовательность к точ-

ности выполнения инструкций, и проявление внимательности, наблюдательности, и «растяжка» по времени. Все испытания привлекали мою дочь, и мы с ней обсуждали, что вот бы всю жизнь заниматься любимым делом, т.е. «химичить»!

Была и еще одна предрасположенность. Наверное, самая сложная — и самая значимая в нашей дальнейшей жизни. Как-то за ужином ни с того ни с сего дочь заявила, что хотела бы служить в армии. Когда я стала уточнять, что она имеет в виду, дочь выразилась на удивление предельно точно и быстро. Она сказала, что любит уставать, что ей приятно ощущать физическую усталость, что ей хотелось бы выбиваться из сил. Я задумалась. Несколько раз мы с дочерью обсуждали тему мазохизма, и я рассказывала, что некоторые ее действия можно квалифицировать как мазохистские. Например, дочь часто сидела в кресле, зажав себя перекрестьем рук. Выглядело это так, как будто она намеренно загнала себя в клетку настолько тесную, что поменять положение тела было невозможно, как будто она сама себя насильно приковала к креслу. А в первые годы нашей жизни дочь постоянно провоцировала меня на игру «свяжи меня». С плохо скрываемым наслаждением она предлагала мне заклеить ей рот скотчем и говорила, что не будет против, если я ей свяжу руки на запястьях и ноги на лодыжках. Подругам она предлагала сыграть в эту же игру, которую я была вынуждена прекращать срочным чаепитием на кухне. У меня волосы становились дыбом, когда я начинала думать о том, в какие игры может сыграть дочь во время моего отсутствия дома. Я объясняла дочери, что совершенно не склонна к проявлениям садизма, т.е. что я не собираюсь мучить ее и, более того, считаю такие садомазохистские наклонности неприемлемыми для нашей семьи. Однако учитывая стабильность ее провокаций, я устраивала регулярные походы по лесам, изматывающие прогулки в любое время года. Мы ходили по лесу, собирая грибы, по 3 — 4 часа. Мы возвращались до предела измотанные и счастливые. Зимой мы до одурения катались с горки и изматывали себя хождением по глубокому снегу. Летом мы каждый вечер ходили на плотину и долго плавали, кувыркались в воде. Физические испытания заняли прочное место в нашей жизни, компенсируя глубокую извращенность мазохистских устремлений

моей дочери. По мере ее физического и духовного развития мазохистские игры предлагались все реже и реже. Но, несмотря на компенсаторные механизмы наших походов, удовольствие от физической боли, физического предельного утомления осталось. Дочь не стеснялась демонстрировать свои многочисленные шрамы на теле, появившиеся еще во времена ее лихого и беспризорного детства. С таким же наслаждением она продолжала издеваться над своими руками и ногами, намеренно затевая в гостях игры с котами таким образом, чтобы царапины были максимально глубокими и длинными. В сочетании с нанесенными в школе татуировками ее руки представляли собой иссушенную беспощадным солнцем землю, покрытую трещинами и бороздками. Кожа была настолько сухой, что при касании ее возникало ощущение наждачной бумаги. Я сохраняла спокойствие и каждый день просила дочь смыть со своих рук татуировки и разукраски, а также постоянно умащивала ее пальцы, ладони и локти маслами и кремами.

При всем моем понимании предрасположенности дочери к изнурению и мучению себя я была против армии, я была против участия моей дочери в военных действиях. Я так тогда и ответила дочери: «К черту армию! Я против войны!» И с тех пор у нас появилась серьезная тема для разговоров про отношение к войне. Мы вместе пели «Не стреляй!» Шевчука и про полковника Васина Бориса Гребенщикова, мы вместе смотрели фильмы о войнах, и сами собой возникали разговоры про пушечное мясо, про человеческую глупость, про подвиги 300 спартанцев, про алчность финансовых воротил, зарабатывающих миллиарды на смерти людей. Я говорила дочери о том, что не хочу, чтобы она становилась пешкой в чужой игре, и что уж если рисковать своей жизнью, то рисковать осмысленно, ради чего-то более ценного, чем приказ. Я говорила, что совершенно не понимаю людей, которые тратят миллиарды долларов на строительство танков, бомб и других средств массового поражения в то время, как сама природа страдает от чудовищного загрязнения. Я говорила дочери, что любая война является результатом политических амбиций и экономического перепроизводства, в том числе и оружия, что история развития человечества и есть история войн и технического прогресса средств массового

поражения, потому что в результате изменяется сама психология людей, наций. Мы смотрели «Последний самурай» и «Стену», «Храброе сердце» и «Сталинград», «Сволочи» и «Звезду» и еще много другого. И все наши смыслы с оттенком смертельной битвы туго сплелись в аббревиатуру из трех букв — МЧС.

Защита в чрезвычайных ситуациях оказалась настоящим вместилищем всех предрасположенностей моей дочери к профессиональному самоопределению. И спасение людей, животных, и риск, и изнурительный труд, и эмоциональный накал, и выносливость, и самопожертвование, и освоение техники, управление ею, и командный дух — все это было каким-то близким, настоящим, хлестким и нужным именно нам. И мы с дочерью поняли, что у нас есть перспектива построить себе настоящую интересную жизнь!

Были еще две предрасположенности. Не такие явные, не такие интригующие и захватывающие дух, но все-таки предрасположенности. Первая была связана с дизайном. Дочь могла часами сидеть и создавать какие-то лабиринты цветочных орнаментов, непостижимых и ясных только ей одной цветочных решений, структурных композиций. Я поддерживала ее увлечение, потому что знала, насколько важно для нее развитие мелкой моторики. В этих же рамках происходили все другие рукотворные дела: плетение фенечек, бисероплетение, макраме и т. п. С одной стороны, вырабатывалась усидчивость, с другой стороны, девушка в принципе должна уметь плести, вязать, вышивать. Я рассказывала дочери о своих увлечениях вязанием и шитьем, показывала свои «изделия»: накидку типа пончо, драповый костюм из кардигана и шорт, вязаные костюмы. Все это уже не носилось, но и не выкидывалось, хотя я сама с легкостью расстанусь с любой купленной вещью, которая мне понравилась. В «самиздате» есть невероятная прочность, как будто невидимые нити их удерживают в твоём пространстве. Я хорошо понимала, что вся эта девичья рукодельная возня вряд ли обернется профессиональной предрасположенностью, но в рамках воспитания девичьих качеств аккуратности и усидчивости, которых нам сильно не доставало, всему этому творчеству в нашей жизни был дан зеленый свет. А куда приведет эта дорога, уже не имело осо-

бого значения. Главное, что рукоделие и творчество стали частью нашего домашнего образа жизни, и я о нем тоже думала как о некоторой, пусть незначительной, но возможности развития, возможности относиться к нему как к ориентиру на получение специального образования.

Вторая предрасположенность была связана с маленькими детишками. Где бы мы с дочерью ни находились, в поезде ли, в гостях ли, в парке ли, она с удовольствием возилась, играла с маленькими, заботилась о них, придумывала для них занятия. Им вместе было весело, и в их совместных играх было что-то очень естественное, непосредственное. Мне нравилось наблюдать за дочерью в такие моменты: никакого намека на усталость, раздражительность, неприятие. И я подумала, что именно такими качествами и должна обладать воспитатель детского сада. Я обсуждала с дочерью игру с малышами как предрасположенность в выборе профессии, рассказывала ей о том, что детишки нуждаются в воспитателе, который будет с ними играть и на улице, и в зале, а не стоять руки в боки, как надзиратель, и орать истеричным визгом при каждой мелочи. Дочь соглашалась со мной, что ей интересно возиться с малышней, но весьма скептически отнеслась к тому, что можно поступить в педагогический колледж и получить специальность «воспитатель детского сада». Ей хотелось чего-нибудь героического, МЧС-ного!

Глава 10.

ТРУСЛИВЫЕ РЕШЕНИЯ

*Душа томится,
Вздыхает часто, глубже.
Яблони и вишни
Ждут пчел и ветра в свое время.
Перешагни порог и ты!*

Еще ученики 9-го класса, в котором училась моя дочь, не успели погрузиться в освоение учебных предметов, как их родители уже успели напугаться предстоящими экзаменами (ГИА) и впасть в панику. Как я и предполагала, запугивание родителей тем, что их детки плохо сдадут экзамены, оказалось весьма эффективной стратегией выбивания денег из родителей за подготовку к экзаменам. На родительском собрании классный руководитель объявила, что учителя не обязаны готовить своих учеников к сдаче ГИА и что если родители хотят, чтобы их дети сдали экзамены, надо оплачивать подготовку дополнительно и ежемесячно. И что учителя идут

навстречу родителям и формируют группы по подготовке к тому или иному предмету. Мы все (родители и ученики) должны были за предстоящую неделю определиться с двумя дополнительными предметами, по которым ученики будут сдавать экзамены.

Мы с дочерью засели в интернете и просмотрели все сайты колледжей, которые так или иначе приводили нас к профессии «спасатель». В огромной Москве нас устроили только два колледжа — пожарный, в котором было отделение «Защита в ЧС» (специальность техник-спасатель) и полицейский, в котором не было отделения по ЧС, но была возможность получить специальность «правоохранительная деятельность» с присвоением квалификации «юрист».

По химии никаких интересных колледжей мы не нашли, а то, что предлагалось, выглядело и звучало совсем не привлекательно.

И в пожарный, и в полицейский колледжи были практически одинаковые вступительные экзамены по русскому языку, математике и физкультуре. На сайте были выложены нормативы сдачи физических испытаний, которые я тут же скачала, распечатала и передала дочери для того, чтобы она договорилась с учительницей по физкультуре насчет подготовки и тестирования. Я попросила дочь самостоятельно поговорить с учительницей по физической культуре, так как, во-первых, учительница мне очень нравилась — я ей доверяла, во-вторых, я хотела, чтобы дочь убедилась в реальности предстоящего будущего. Ведь физические испытания — это то, к чему стремилась лично она, и кому, как не ей, решать, сможет она уложиться в предъявленные колледжами нормативы отжимания, бега, качания пресса, кросса и т.д. по каждой позиции. Следует отметить, что по физкультуре у моей дочери во всех четвертных оценках были пятерки, что не могло меня не радовать. Но иметь пять по физкультуре в школе и пройти успешно физические испытания при поступлении в колледж — это разные дела. Поэтому я и сказала дочери, чтобы она попросила свою учительницу по физкультуре помочь ей проверить себя. Дочка показала в школе предъявленные на сайте колледжей нормативы, и учитель, по словам дочери, вырази-

ла уверенность в том, что дочь имеет хорошие шансы на успех. Я попросила ее вместе с учительницей по физической культуре провести сравнительный анализ требований в школе и при поступлении в колледж, чтобы найти слабые места моей дочери и за предстоящий год подтянуть физическую форму. Кроме того, я купила методичку по подготовке к теоретическому экзамену по физкультуре, чтобы она постепенно осваивала и теорию.

Итак, с одним ГИА у нас была полная ясность: дочь сдает ГИА по физкультуре, так как именно этот предмет ей надо будет сдавать и при поступлении в колледж. Осталось выбрать еще один предмет. Я предложила сдавать химию. «Ну, каким ты будешь спасателем в чрезвычайной ситуации, если не знаешь химию? А если ты не знаешь, во что может превратиться одно вещество при взаимодействии с другим веществом, то как ты сможешь распознать опасность и защитить людей?» — докапывалась я за ужином. Дочь соглашалась, что химия для эффективного поведения в чрезвычайных ситуациях может помочь правильно и быстро оценить саму ситуацию и предвидеть последствия случившегося. Но несмотря на согласие, ее выдавали глаза: она боялась экзамена по химии. Я видела ее страх и всем телом ощущала ее нерешительность.

Но страх в глазах моей дочки, согласившейся сдавать ГИА по химии, не шел ни в какое сравнение со страхом в глазах учительницы химии, когда она узнала от дочери, что та решила сдавать ГИА по ее предмету! Преподаватель химии была для нашего класса новым учителем, она не знала класс, но знала, что химия в 8-м классе преподавалась через пень колоду, т.е. из рук вон плохо. Уроки химии отменялись и по причине отсутствия учителя, и по причине болезни одного, а знание учебного материала и проведение лабораторных работ и вовсе никем не контролировалось. Конечно, можно понять чувства только что пришедшего учителя, взявшего неподготовленный класс! Поэтому преподаватель сочла оптимальным решением для моей дочери просто отказаться от ГИА по химии. Учительница выразила сомнение в том, что дочь сдаст этот экзамен на положительную оценку и предложила ей выбрать другой предмет.

Вечером за ужином дочь завела разговор о том, что, по словам учительницы, она не сдаст экзамен по химии. Я внимательно смотрела на свою дочь и пыталась понять ее чувства. Насколько глубоки были сомнения дочери в том, что она потянет ГИА по химии? Я смотрела и понимала, что сомнения есть, но есть и азарт. Также я очень точно ощутила, что от нашего с ней разговора, от нашей совместно выработанной позиции зависит если не все, то очень многое. И я решилась высказать дочери идею о том, что ГИА по химии будет личным подвигом дочери, который она совершит ради себя и своего стремления попасть в «защитники-спасатели» в чрезвычайных ситуациях. Я сказала, что если она поддастся своему страху и позволит себе отказаться от экзамена по химии, то это будет самой настоящей трусостью.

— Ты можешь себе позволить трусость, делая выбор стать спасателем людей, зверей? — спросила напрямую я.

— Мама, но у нас почти весь класс выбрал географию, а химию никто не выбрал, — проямлила дочь.

— Ты хочешь сказать, что почти все твои одноклассники решили стать географами и профессиональными путешественниками? И давно они решили это? — издевательским тоном продолжала я.

— Нет, они просто будут сдавать экзамен по географии как самый легкий и безопасный. Они уже все записались в группу к нашей классной.

— Значит, они географию сдают не из-за любви к нашей Земле, не из-за мечты о путешествиях, открытиях?! Значит, они решили сдавать ГИА по географии, потому что считают этот предмет по сравнению с другими предметами самым легким?

— Да, они выбрали географию, потому что наш классный руководитель открыл группу по подготовке к ГИА по географии! И все они в нее вошли!

— И ты тоже хочешь, как все, поддаться этому решению? Если ты не хочешь стать географом, а выбираешь ГИА по географии, то это бессмысленность, навеянная трусостью!

— Но, мама, так решили их родители!

— А их родители и есть первые трусы!!! Именно родители боятся за своих детишек, потому что, во-первых, они им не дове-

ряют, не верят в их способности, а во-вторых, родители не собираются прилагать личные усилия к подготовке своих чад к экзаменам, в-третьих, они рады скинуть ответственность на учителя! А я не буду принимать трусливых решений в угоду своему страху! Я даже собираюсь предпринять личные усилия по подготовке тебя к ГИА по химии! Моя дорогая, я тоже боюсь, но я буду смотреть своему страху в лицо и буду вместе с тобой преодолевать его!

— Хорошо! Я буду сдавать химию, потому что мне ее страшно, но интересно сдавать!

Вызов принят

После этого разговора двух отважных или, скорее, отважившихся нас я пришла на родительское собрание. Не глядя ни на кого из родителей будущих не-географов, подписывавших договор об участии своих детей в географическом клубе в качестве дополнительного образования, я подтвердила наше намерение сдавать физическую культуру и химию в качестве двух предметов по выбору. Я также поговорила с учителем по химии и уверенно заявила, что моя дочь будет приходить по вторникам на ее консультации, так как учитель на родительском собрании сказала о своей готовности по вторникам и четвергам утром, до уроков, помогать ученикам в освоении химии. Учитель была крайне удивлена тем, что я по горячим следам серьезно приняла ее слова. Как говорится, куй железо, пока горячо! Дело учителя — предложить. Дело родителя — принять это предложение. Если учитель не готов к тому, что его предложение будет принято, то слова учителя становятся настоящим фарсом, обманом или, на худой конец, самообманом. Если родитель не готов принять предложение учителя или хотя бы серьезно его воспринять, то он как минимум равнодушен к школьным делам своего ребенка и как максимум уверен в том, что в этом нет необходимости.

Порой складывается такое впечатление, что учителя делают предложения в надежде на то, что никто из родителей даже и не отреагирует на них. Остается загадкой, почему предложения од-

ного учителя принимаются родителями, а другого — игнорируются. Мне было ясно, что нам с дочерью в какой-то степени повезло с тем, что мы вовремя откликнулись на предложение учителя по химии. И даже если ее решение оказывать помощь ученикам в освоении знаний по химии было насквозь неискренним и фальшивым, мне это было неважно, так как я была намерена превратить утро каждого вторника в подготовку к ГИА по химии. С одной стороны, я понимала, что вся программа по химии изложена в двух не слишком толстых учебниках по органической и неорганической химии и что любой ученик со средними способностями, в том числе моя дочь, сможет их самостоятельно изучить за определенное время. С другой стороны, я хорошо осознавала, что нужны конкретные вопросы, которые бы моя дочь могла задавать по вторникам своему учителю химии. Поэтому я взяла на себя проектирование вопросов по учебному материалу. Как говорится в преферансе, «две бубины — не одна пикина», равно как «одна голова — хорошо, а две — лучше!». За две головы я принимала свою голову и голову учителя. Я складывала свои ладони лодочкой и демонстрировала дочери устойчивую конструкцию ее лодки. «Моя правая ладонь — это левый борт твоей лодки, это наши занятия дома, а моя левая ладонь — это поддержка твоей учительницы по химии, — показывала образ лодочки, легко скользящей по волнам подготовки к экзамену по химии. — Если мы с тобой сможем удерживать вместе домашнюю подготовку и школьную, ты сможешь сдать экзамен, и даже хорошо его сдать!» — объясняла я.

Для начала я сделала две вещи. Я скачала пробные варианты ГИА за 2014 год по химии, которые представляли собой 3 уровня заданий различной сложности, и, естественно, правильные ответы к ним. В ближайшее воскресенье мы с дочерью засели за пробный вариант ГИА по химии. Примерно около 2 часов моя дочь пыталась над заданиями. У нее проявилось сильное желание узнать, насколько правильно она ответила, так что мы без перерыва на обед продолжили работу. Письменный экзамен я превратила в устное подтверждение знаний: дочь должна была рассказать, почему она выбрала тот или иной вариант ответа, чтобы исключить угадывание или случайное везение. Списывание ей не грозило в принци-

пе, так как дома у нас не было интернета. Следует отметить, что карандашом дочь все свои мысли и вычисления записала на полях бланка с заданиями, поэтому, опираясь на свои карандашные заметки, она достаточно уверенно мне объясняла, что к чему. Я сверяла результаты ее решений с правильными ответами, скачанными из интернета. Бойким и громким голосом дочь быстро пробежалась по своим решениям и под конец, чем удивила меня, посчитала набранные баллы только за теорию — 25. Ни она, ни я не знали, что это обозначает. Хорошо это или плохо в смысле оценки, мы решили узнать у учителя по химии. Это был первый вопрос, с которым моя дочь должна была прийти на консультацию во вторник. Кроме того, нами была сформирована целая вереница вопросов, состоявшая из неправильно решенных заданий, представлявших собой либо белые пятна, либо черные дыры в учебном материале по химии за 8-й класс.

Вторая вещь, которую я сделала для подготовки к ГИА по химии, была связана с покупкой устаревших билетов по химии. Я внимательно изучила небольшую брошюру и была на седьмом небе от счастья: в брошюре наравне с доступно изложенной теорией (вопрос-ответ) были даны примеры решения задач по химии. Это было то, что нужно! Ну и наплевать, что это устаревшие билеты, подумала я. Это в первую очередь знания и практика, убедила себя я и купила эту нужную нам книжечку. Мы подсчитали с дочерью, что если она будет каждый выходной день делать по билету, то с начала ноября до мая пройдет весь учебный материал. Так мы и договорились. Вызов был принят: ценой нашего усердия и отваги мы преодолели не только собственные страхи, но и стадный инстинкт горе-географов.

Фальшивый борт

Как правило, любое честно и ответственно принятое решение высвобождает в человеческом теле массу сил и энергии, поскольку сомнениям и увиливаниям — основным пожирателям энергии — уже нет места. А душевное равновесие как результат осознанного и принятого выбора становится именно той фунда-

ментальной площадкой, с которой стартует человек, чтобы совершить действие уверенно, с пониманием того, чего он должен достигнуть. Душевное равновесие является главным условием для того, чтобы человек мог выстроить свое намерение, прицелиться. Лично я как взрослый человек, как мама была полна энергии и сил. По выходным мы с дочерью вникали в решение задач, а по вторникам она в 7.30 выходила из дома, чтобы на консультации по химии задать свой вопрос учительнице. А вечером вторника, за ужином, я уже ничего не понимала. Я со своей точки (или кочки) зрения принятого решения про химию задавала дочери очень простой вопрос: «Как прошла консультация?» На мой вопрос она легко и непринужденно рассказывала, что было на консультации. Я пыталась представить, как же именно проходили двадцать минут времени между приходом в школу и началом уроков в половине девятого. И в моем внутреннем плане действия ничего не сходилось ни с чем из того, что легко и непринужденно рассказывала дочь. «Чушь какая-то», — думала я про себя в первые вторники после отважного выбора. Прошел месяц, а я понятия не имела о том, как выстраивается левый (школьный) борт нашей экзаменационной лодки. На третий вторник за ужином я четко поняла, что дочь рассказывает про то, как проходили уроки химии в понедельник и вторник (химия была два раза в неделю — по понедельникам и вторникам). На мое уточнение, что я спрашиваю дочь про то, как прошла утренняя консультация по химии, а не про то, как прошли уроки по химии, дочь, ни на секунду не задержавшись, ответила, что про утро она и рассказывает. Началось неприятное молчание.

— Но как ты могла за двадцать минут написать лабораторную работу? И вообще, лабораторные работы делают на уроке, а не на консультации!

В ответ тишина: дочь уходит в молчание и зло смотрит на меня. Зрачки глаз расширились, нос скривился. Села вполоборота ко мне.

На следующий вторник та же петрушка:

— Доченька, я что-то никак не могу въехать, ты на консультации выходила к доске и решала задачу???

В ответ опять тишина. Глаза отводит в левую сторону. Видно, что она что-то внутри себя переваривает, но наружу выходит только озлобленность. Верхняя губа слегка, едва-едва подрагивает.

«Да что за ерунда!» — твержу себе я и понимаю, что дочь легко и непринужденно умеет только лгать и оправдываться, а правды из нее клещами не вытянешь.

В такой манере прошел месяц: дочка исправно по вторникам выходит из дому за час до начала занятий, а вечером я не могу понять по рассказу, была ли она на консультации и что вообще происходит. В очередной раз едем в такси в поликлинику, чтобы сделать рентген стопы по направлению ортопеда. Я спрашиваю, потому что мне уже интересно, какую ложь дочь придумает в этот раз, но еще надеюсь на чудо, на то, что она прекратит врать и скажет правду. Дочь поет соловьем, что они писали контрольную, которую я не могу посмотреть, так как их работы отправили в Управление образованием. Да, думаю я, что же моя дочь будет делать на необитаемом острове? Ведь там-то врать будет некому! И мне все это зачем?

До чего я не люблю звонить учителям домой вечером, кто бы знал. Но контрольная работа за 15 минут до уроков уже заслуживает того, чтобы быть проверенной. Звоню и выясняю, что за два месяца моя дочь ни разу не пришла на утреннюю консультацию по химии. Я сижу на диване и, как утопленник, жду, когда за мной придет капитан «Летучего голландца» Дэви Джонс. Потому что наша лодка перевернулась и пошла ко дну вместе с нами. Дочь сидит в своей комнате и елозит на стуле. А на меня давит толща воды и не дает вздохнуть, ухватить ртом хоть каплю чистого воздуха. Я задыхаюсь, потому что жизнь закончилась на этом самом «ни разу». Моя жизнь дала трещину, потому что мои идеи не были восприняты моей дочерью, а своих идей у нее нет. Можно, конечно, и дальше делать вид, что твоя лодка как ни в чем не бывало рассекает по волнам. Но горечь пронизывает все тело, потому что ты знаешь, что упала на дно, и якорь неприятия и неверия в тебя приковывает к нему мертвой хваткой. Дэви Джонс выжидает: смотрит на тебя и думает, хватит ли у тебя сил выбраться на берег или

ты — отрезанный ломоть даже со своими распрекрасными идеями по химии. Аш два О!!!

Пребывая на днище своего кухонного дивана, я, наглотавшись Аш два О, даю волю своим чувствам и наполняюсь яростью! Холодной и расчетливой яростью. Моей ярости не нужны ответы. Ярость нуждается в решении. Ярость требует сделать выбор. Вернее, ярость дает возможность сделать выбор. Но после того, как сила наката ярости вернет себе свое. Я встаю, иду в комнату к дочери, хватаю ее за волосы и тащу на кухню. Дочь извивается под моей рукой и буквально вприпрыжку бежит за мной, чтобы было поменьше больно. Я знаю, что она все слышала и осознает мою ярость. Я бросаю тело дочери в ее кресло, а сама сажусь на потопленный диван. Первое желание мое дать дочери трубку телефона и обязать ее позвонить учительнице химии для того, чтобы пообещать, что она в следующий вторник придет утром на консультацию. И пока дочь глотает свою слезливую обиду, я почти дотягиваюсь рукой до висящей на стене телефонной трубки. Но потом я понимаю, что это бессмысленно и приведет опять к очередной порции лжи и обмана. Тогда я поворачиваюсь к дочери и объясняю, что наша лодка перевернулась и мы с ней на дне. Я опять складываю свои ладони лодочкой и показываю, как лодка переворачивается и погружается в толщу воды. Аш два О!

— Что сложного в том, чтобы утром прийти на консультацию по химии?

— Ничего сложного! — бубнит дочь.

— Тогда что тебе помешало выполнить свою часть нашего решения?

— Я не могу сказать... — выдавила дочь.

Слезы затуманили глаза, моя дочь что-то, может, и хотела сказать мне, но она давилась и слезами, и словами, которые застревают в горле и не могли вырваться наружу.

— Запомни этот момент своей жизни, запомни, как ты подавилась правдой! Вспомни, насколько легко из тебя выскакивает ложь

и насколько тяжело тебе сказать правду! Запомни это состояние! Сейчас важно даже не то, почему ты не ходила на консультации и где ты проводила это утреннее время. Сейчас также не важно и то, что ты предательски отнеслась к решению сдавать химию и не смогла честно и открыто признаться мне в том, что ты не будешь заниматься в школе химией. Тебе не хватило смелости признаться, тебе не хватило решимости поверить в то, что моя идея личного подвига тебе необходима как воздух, которым мы дышим. Ты слукавила, ты обманула меня, ты предательница. И именно поэтому я в ярости! Я в ярости от того, что не смогла тебя убедить настолько, насколько это было бы необходимо для принятия решения. Я смогла тебя убедить настолько, чтобы ты смогла сделать вид, что принимаешь мою идею, что принимаешь решение! Это моя беда. Я не смогла найти нужных слов, чтобы ты почувствовала себя смелой внутренне. А твоя внешняя отвага ничем не отличалась от обычного вранья и бла-бла-бла. Мне очень жаль потраченного времени и еще более жаль упущенных возможностей.

Все время моего монолога дочь была где-то глубоко в себе. Я видела, что ее тело откликается на мои слова и что она меня слушает в каком-то глубоком трансе. Я не стала ее выводить из этого состояния. Я оставила ее сидеть там, на кресле. Я встала и сходила за книжкой. «Если моих слов недостаточно, — подумала я, — то я найду слова других людей, более великих и умных». Мне под руку попался Серен Киркегор (Кьеркегор) и его работа 1843 года «Наслаждение и долг». Я взяла книгу, села на диван и стала читать дочери отрывки из книги.

«Если бы человек мог постоянно держаться на крайней точке душевного напряжения, мог быть постоянно готовым к выбору, если бы он мог перестать быть тем, что он есть, т.е. человеком, если бы внутренняя сущность его личности была пустой мечтой, призраком и, принимая участие в различных движениях души, сама оставалась единой и неизменной, если бы все это было так, то было бы нелепо утверждать, что для человека может настать пора, когда выбирать будет уже поздно, потому что тогда не может больше быть и речи о выборе в строгом смысле этого слова. Выбор сам по себе имеет значение для внутреннего содержания лично-

сти: делая выбор, она вся наполняется выбранным, если же не выбирает, то чахнет и гибнет».

Прочитав этот отрывок, я многозначительно посмотрела на дочь. Она сидела на своем кресле, подтянув ноги к груди. Глаза еще были озлобленными, но зрачки пришли в норму.

— Я понимаю, что ты злишься и на себя, и на меня, и на Пушкина Александра Сергеевича, и на всех подряд.... (Пушкин всегда с нами: одно его имя приносит нам радость и растягивает наши лица улыбками). Я знаю, что больше всего ты сейчас злишься на себя. Но если ты слушала то, что я читала тебе, то ты поняла, что, делая выбор, ты наполняешься выбранным. Именно это наполнение и дает нам силы осуществлять задуманное. А ты сделала вид, что выбрала сдавать экзамен по химии, т.е. ты не наполнила свою душу решимостью, ты не дала своей душе наполниться силой своего личного выбора. И ты оказалась в пустоте. Борт нашей лодки оказался фальшбортом. И поскольку фальшивый борт был обманкой, пустышкой, он не смог удержать нашу экзаменационную лодку на плаву. И мы перевернулись. Грохнулись на самое дно!

Я прочитала еще один отрывок, который мне понравился.

«Представь себе корабль в ту минуту, когда он должен сделать тот или другой решительный поворот, может быть, кормчий корабля и скажет себе: «Я могу сделать то-то или то-то», но лишь плохой кормчий забудет, что корабль продолжает в это время нестись своим обычным ходом и что поэтому лишь на одно мгновение может быть безразлично, будет ли сделано то или другое. То же самое и с человеком. Если он забудет принять в расчет обычный ход жизни, то наступит, наконец, минута, когда более и речи быть не может о выборе, не потому, что последний сделан, а потому, что пропущен момент для него, иначе говоря — за человека выбрала сама жизнь, и он потерял себя самого, свое «я»».

— Доча, ты понимаешь, что даже если ты не принимаешь вовремя решение, т.е. не делаешь выбор и, следовательно, не наполня-

ешься силой выбранного тобой решения, в определенный момент времени этот выбор сделает за тебя сама жизнь, помимо твоей воли, помимо твоих интересов, помимо твоих индивидуальных предрасположенностей. Человек сам должен решать, ибо обвинять саму жизнь за то, что она приняла неверное по отношению к нему решение, принципиально глупо. Но еще большей глупостью и самонадеянностью является мысль, что жизнь сделает выбор с учетом твоих условий, твоих интересов. Поэтому настало время тебе самой принять решение. Я готова принять любое решение, лишь бы оно было твоим решением! Иди и думай. Жизнь идет своим чередом, тебе надо делать домашние задания и играть на флейте. Но перед сном или завтра утром я хочу, чтобы на листке бумаги ты написала своей собственной рукой названия предметов, по которым ты намерена сдавать экзамены.

К часу ночи, заваливаясь спать, дочь попросила меня дать ей на размышления еще один день. Как бы последний день. Я пожалала плечами и сказала, что если она хочет отложить на завтра то, что можно сделать и послезавтра, то так дело не пойдет. Я сказала, что у нее есть время только до завтра, поскольку именно завтра мне нужен ее личный ответ, и что я гарантирую, что приму любое ее решение, даже если она выберет экзамен по географии и прижмет к своим горе-географам (пропившим глобус?). На семы и разошлись по спальням.

За ночь мое бушующее душевное море успокоилось. Наступил штиль. Я себя спрашивала, действительно ли я готова к тому, чтобы моя девочка приняла трусливое решение и сдавала географию, и неужели я действительно молча приму ее решение и не буду больше предпринимать никаких действий по убеждению своей дочери в том, что она нуждается в героическом поступке. И каждый раз я отвечала себе кивком головы. Мое тело было согласно с моей душой. Договорившись по всем пунктам данного дела, со спокойной душой и штильным телом я встретила утро нового дня.

Во-первых, я извинилась перед дочерью за вчерашнюю вспышку ярости. Обняв свою дочь, я сказала, что сожалею о том, что по-

зволила себе «выйти из берегов», и что мне было очень больно разочароваться в ее нерешительности. Во-вторых, я еще раз напомнила дочери, что меня устроит любое ее решение, если оно будет настоящим, без фальши и без обмана. В-третьих, я сказала, что готова и дальше помогать во всех ее школьных делах вне зависимости от того, нравится мне ее решение или нет.

Дочь ушла в школу. Завтра, уже завтра я на родительском собрании подпишусь под перечнем экзаменов, которые сегодня вечером или завтра утром выберет моя дочь. И точка! Дальше — дело техники.

Вечером, после ужина, дочь передала мне маленький клочок тетрадного листа в клетку, где были написаны 4 предмета в таком порядке: алгебра, русский язык, обществознание (с физической культурой случился облом — экзамен по этому второстепенному, как считают в управлении и министерстве, предмету был отменен накануне) и химия. Я, так же молча, приняла из рук дочери в свои руки листочек, молча прочитала и кивнула головой.

Но все же ранним утром, пока я варила овсянку на завтрак, я попросила дочь при мне на другой стороне ее клочка в клеточку последний раз написать те предметы, которые мне предстоит сегодня вписать на родительском собрании в ведомость экзаменов. Был декабрь, темень окружала наши домишки. Я смотрела в окно, как на фонарь, как на отдельный объект летели снежинки, как будто именно наш фонарь был единственным маяком света во всей Вселенной. Я почувствовала, что ничего не имеет значения — ни снежинки, ни выбор экзаменов, которые сдавать надо будет через полгода. И точно так же имеет значение все — каждая секунда. Даже сваренная мною на завтрак овсянка была со мной согласна. Дочь уверенной рукой написала предметы в таком порядке: химия, русский язык, математика и общество.

Глава 11.

СЛОЖНОСТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

*Куда несет их
Желтый ветер? Станут ли
Ярким ковром. Или
Сгниют заживо. Осень.
Зеленая печаль Земли...*

Имея, с одной стороны, предрасположенность дочери к работе в силовых структурах (МВД или МЧС), и с другой стороны, жажду творчества и игры (дизайн и воспитатель детского сада), я понимала, что такое раздвоение направлений профессионального самоопределения усложняет нам жизнь. Вот ведь как обстоит дело: родители и дети в поисках надежного варианта хотят подать документы в максимальное количество учебных заведений — по закону их может быть до 5, однако страх того, что одно, самое правильное, самое желаемое направление окажется недостижимым (8 человек на место, небольшое количество бюджетных мест, до-

рогое обучение на платном отделении и т. п.), порождает у родителей и детей не веру в основной вариант, а опору на запасной. Само по себе наличие запасных вариантов, в которые и родители, и будущие абитуриенты уверовали, только отдаляет их от настоящего выбора, от того единственного и неповторимого варианта, который принесет удовлетворение и радость. Насколько эффективнее было бы нам нацелиться на колледж МЧС и более не искать ничего! Ведь речь идет не о выборе туфель на выпускной бал, а о том, чем заниматься ежедневно в течение предстоящей взрослой жизни. А здесь имеет значение лишь то, на что настраивается человек. И настроиться можно только на что-то конкретное, одно! Я еще раз перечитала рассуждения Киркегора о выборе в книге «Наслаждение и долг». Вот что он пишет:

«Личность склоняется в ту или иную сторону еще раньше, чем выбор совершился фактически, и если человек откладывает его, выбор делается сам собою, помимо воли и сознания человека, под влиянием темных сил человеческой природы. Следствием же этого является то, что когда человек решится, наконец, сделать запоздалый выбор, оказывается, что самому выбору должна предшествовать масса переделок и поправок во внутреннем и внешнем образе человека, а это часто сопряжено с большими затруднениями.

В сказках говорится, что сирены очаровывали людей своей демонической музыкой, и для избавления от этих чар очарованный должен был сыграть без ошибки ту же мелодию, но в обратном порядке, т.е. с конца. Способ мудреный, трудно выполнимый, но психологически верный. Ошибочно усвоенное можно удалить лишь подобным же образом — при малейшей ошибке волей-неволей приходится начинать сызнова. Вот отчего так важно сделать выбор, и сделать его вовремя.

Я скажу даже, что не так важно сделать правильный выбор, как сделать его с надлежащей энергией, решимостью, страстью. В таком выборе личность проявляет всю свою силу и укрепляет индивидуальность, и в случае неправильного выбора эта же самая

энергия поможет ей прийти к осознанию своей ошибки. Искренность выбора просветляет все существо человека».

Запасные варианты поступления дочери то преследовали меня своей предательской доступностью, и я, как моряк, очаровывалась демоническими песнями сирен, сладкими и многообещающими. То я вдруг спохватывалась, сбрасывая с себя дрему и онемение, и начинала лихорадочно всплывать на поверхность, возвращаясь в реальность, в которой ярким лучом маячила аббревиатура из трех букв: МЧС. Таким образом, вырисовывался мистический, духовный смысл, контекст профессионального самоопределения дочери между просветлением всего ее существа и влиянием темных сил человеческой природы.

Дни открытых дверей: Колледж полиции

Конечно, мы с дочерью рванули, чтобы стать ближе к своему будущему. Я пишу «к своему», а не к «нашему» по одной простой причине: у каждого из нас будущее свое. У моей дочери одно будущее. У меня, как у приемной мамы, — другое. Но они тесно связаны ниточками выбора. Пока ниточками. Потом, может быть, ниточки станут тросами, сложной системой связанных между собой переходов с настоящими карабинами, «восьмерками» (альпинистский термин) и прочными двойными булинами (узлами). Потому что одно дело, если моя дочь будет учиться на продавщицу, а другое дело, если моя дочь будет заниматься правоохранной деятельностью или будет спасателем в чрезвычайных ситуациях. И будущее торговли помидорами разительно отличается от будущей жизни спасателя. И моя жизнь как приемной матери торговли помидорами будет таким же крутым образом отличаться от жизни приемной матери спасателя, поскольку эти различные жизненные планы будут порождать различные жизненные установки, мироощущения, отношения к себе, к социуму. Я прекрасно осознавала, какая пропасть ляжет между нами, если моя дочь «согласится на торговлю помидорами», и поэтому я очень хотела, чтобы она почувствовала себя более уверенно в своем выборе, более конгруэнтно смогла действовать в отстаивании своих личных предрасположенностей.

А пока мы сидели в огромном зале полицейского колледжа и старались впитать в себя всю информацию, которую только смогли получить. Зал ломился от народа. Яблоку упасть было негде. Постепенно опоздавшие заняли весь балкон, но и его оказалось маловато для всех желающих, которые утрамбовывались вдоль стен целыми семьями. Это был аншлаг!

Еще когда мы проходили на несколько свободных мест в зале в глубине ряда, то оказалось, что моей дочери досталось сломанное кресло, сиденье которого не опускалось. Она практически стояла, сидя на поднятом сиденье. Мне было интересно, как развернется ситуация дальше. Но дочь продолжала упорно молчать: ни звука не слетело с ее языка, лицо было непроницаемым и очень серьезным. Сзади нас сидела группа девушек: они бурно переговаривались и были явно перевозбуждены потоком людей и самой ситуацией. Я вертела головой в поисках других свободных мест, а в это время парень, сидевший рядом с моей дочерью, встал и хотел силой опустить неподдающееся сиденье кресла, на которое присела моя дочь. Но не тут-то было. Моя дочь смотрела на потуги парня, и ее лицо расплылось в снисходительной ухмылке. Она могла сказать, что обладает силой для вышибания этого кресла и с удовольствием бы его «разбомбила» на отдельные кусочки, но она промолчала, поскольку ее ухмылка производила более выразительный эффект. Тогда молодой человек не растерялся и попросил половину ряда подвинуться на одно, а потом поправился и сказал, что на два места дальше. Он во внутреннем плане действия понял, что если он подвинет половину ряда на одно место, то нас с дочерью будет разделять это самое пресловутое кресло, и он сделал так, чтобы мы с ней сидели вместе.

Мы приняли любезность парня, поблагодарили его за «прорыв», уселись на свои места, ничего вслух не обсуждая. Так прошел целый час. Все системы моего восприятия работали на пределе: у меня возникло легкое головокружение от ощущения как в кино-театре с великолепным звуком долби сурраунд. Это было хорошо выстроенное изображение, кадры и мизансцены были глубокими и насыщенными разноплановыми деталями. Начиная с самой

сцены, на которой за столом сидели люди в форме и рассказывали про условия поступления в полицейский колледж, и заканчивая восприятием бурных комментариев, которые отпускали будущие абитуриенты. Все это загружалось в мое сознание не порциями, а сплошным потоком, который мои мозги раскладывали, систематизировали, анализировали, обобщали и выдавали в качестве сухого остатка выводы и рекомендации. Я посматривала на свою дочь, и мне было страшно интересно, что она обо всем этом думает, как она переваривает информацию и с какими мыслями уйдет отсюда. Я видела много заинтересованных молодых лиц, взволнованных лиц их или не их родителей, но я также видела спокойно сидящих молодых людей, которые не отрывались от своих геймерских увлечений и никак не реагировали на происходящее. Геймеры сидели, как правило, группами, и было смешно наблюдать, как четыре парня проходят один и тот же эпизод одной и той же игры. Я представляла, как именно они поступят в полицию и будут сидеть и играть дальше в свои игры, и если мир упадет им на голову, они, израненные, в окровавленных повязках-шапочках, дрожащей рукой будут тянуться к своим айпадам, чтобы загрузить очередную новинку и сразиться с очередными монстрами или вояками. Все эти воображаемые сцены лихо проносились в моем сознании, как документальные кадры в немом кино, озвученном не тапером, играющим серьезную классическую музыку, а сотней голосов, сливающихся в один общий гул. Но даже из гула красной нитью выделялись рефлексивные отзывы активно реагирующих людей, и именно они анализировались моим сознанием с особой тщательностью. Когда все закончилось, одна часть присутствующих рванула к людям в погонах выяснять какие-то свои, подготовленные, но не заданные публично вопросы, а большая часть вереницами «вытекла» из колледжа и растворилась в хмуре декабрьском дне.

Мы шли на маршрутку, и я стала обсуждать с дочерью, на что она обратила свое внимание и какие выводы смогла для себя сделать. Первое, что потрясло наше воображение (и мы обе это отметили), как много собралось в одном пространстве крепких парней. Это было приятным открытием! Парни в зале нам понравились, они заметно отличались от одноклассников дочери в лучшую сто-

рону. И не в красоте лица было дело. Дело было в том, что от них просто веяло взрослостью, уверенностью и каким-то спокойствием. Они не суетились, не стесались, в них уже было ярко выраженное мужское начало. И мы это естественным образом почувствовали.

Дальше меня ждал еще один приятный сюрприз: моя ненаглядная дочь выдала мне практически все существенные информационные блоки, на которые я также обратила внимание. Во-первых, дочери понравились предметы, которые она при поступлении будет изучать в полицейском колледже. Во-вторых, она, так же как и я, расслышала, что нужны в аттестате четверка по истории и пятерка по физкультуре. И если с пятеркой по физкультуре у нее было все в порядке, то с четверкой по истории мы были практически на грани пролета. За вторую четверть ей грозила железная тройка. А за годовую оценку еще можно было бы побороться, что мы с дочерью и отметили. В-третьих, дочь отлично запомнила название всех физических испытаний, которые ей как абитуриенту предстояло сдавать. Испытания в беге, кроссе, комплексе силовых упражнений мою дочь нисколько не пугали, а наоборот, притягивали. Так как еще месяц назад я скачала с сайта нормативы сдачи физических испытаний для девочек и моя дочь их уже знала, она еще раз убедилась: все то, что я скачала из интернета, — правда и этой информации можно доверять. В-четвертых, моя дочь сказала, что больше всего ее пугает конкурс, наплыв желающих поступить в полицейский колледж. Она никак не ожидала, что будет такой аншлаг. Дочь явно не была готова к такой жесткой конкуренции с крепкими парнями из зала. У себя в классе она выгодно отличалась хорошей спортивной формой, силовыми качествами, и в ее представлениях о себе было понимание того, что она справится с испытаниями. Теперь же она была менее уверена в себе. Вернее, дочь была уверена по-прежнему в том, что она пройдет физические испытания и уложится в нормативы для девочек, но теперь у нее появилось понимание того, что она как девушка будет конкурировать с более сильными, более выносливыми парнями за бюджетное место в колледже. Именно за бюджетное. На поток примут не более 120 человек, и ей надо будет вписаться в этот поток, а конкурс составил в прошлом году 8 — 10 человек на место. Мы вместе с доче-

рю посчитали, что если она не поступает на бюджет, то внебюджетное обучение в полицейском колледже мне обойдется почти в миллион: 120 тысяч рублей за семестр, т.е. за полгода, — значит, стоимость одного года обучения будет равна 240 тысячам рублей, а учиться почти 4 года. Всего мне нужно будет выложить за среднее профессиональное образование 960 тысяч рублей. Офигеть!!! Настолько это дорого....

Мы ехали домой, прислонившись друг к другу. Дочь буквально через минуту уже спала у меня на плече, а я проворачивала мысли, как в 3D-тренажере, и под конец тоже вырубилась. Мы обе были довольны тем, что съездили на День открытых дверей. Каждая из нас получила свое представление, и во многом они совпали. Более четкой стала вырисовываться вся структура «летнего периода». И только одна четверка по истории маячила, как мираж в пустыне Сахара.

Врагу не сдается наш гордый «Варяг», или школьное поголовное отступление

Отступников никто не любит. Если человек объявил во всеулышание перед народом, что он совершит поступок, а потом его не только не совершит, но и скажет, опять-таки во всеулышание, что ему это делать не надо, его справедливо будут считать трусом, предателем, отступником! Народная молва из него сделает посмешище, чучело гороховое, обмажет сажей в лучшем случае и отправит восвояси, от себя подальше, т.е. на все четыре стороны. Потому как есть в народе мудрое понимание жизни: сказал — так сделай, как сказал! А не то битым будешь...

Если человек отступил от своих слов, то все с ним понятно. А если целое министерство сначала одно сказала, причем непременно в приказном порядке, а потом сказала в том же приказном порядке, что то, что было сказано им сначала, уже выполнять не будут... Вот как с министерством-то быть? Сколько сажи надо извести на этих людей и куда же их изгонять, когда они насквозь все ложью и отступничеством пропитаны? Вы, возможно, уже до-

гадались, что я имею в виду ситуацию с ГИА. С сентября по декабрь нас, родителей, и детей-девятиклассников мучили подписыванием кучи бумаг якобы разного уровня про названия тех экзаменов, которые мы будем сдавать по выбору. Я со своей дочерью столько вечеров извела на разговоры о выборе двух предметов — химии и обществознания. А в январе, видимо, новогодние и рождественские каникулы так на министерство повлияли, что они то ли с перепугу, то ли «с барского плеча» взяли, да и отменили экзамены по выбору. Ну и кто они после этого?! А народ, конечно же, вздохнул с облегчением. Еще бы: баба с воза — кобыле легче. А как же честь? А как же осознанность выбора? А как же последовательность принятых решений? А как же оплаченные часы подготовки? А как же мотивация на учебу? Ведь на самом деле министерство отменило не экзамены по выбору — оно отменило все ЭТО!!! И если мотивацию, честь, последовательность, осознанность выбора можно взять, как понедельник (бедные папуасы, им бы жить с нашими министрами, не было бы у них ни забот, ни хлопот с их вредными понедельниками), и отменить одним росчерком пера, то бишь приказа, а народ вместо справедливого гнева и требования отставки веселится и ликует, то напрашивается совсем уж печальный вывод: а был ли выбор осознанным? Так это что, большинство родителей и учеников просто так, от балды, написали про выбранные ими предметы? Так это что, нет и не будет у нас в стране никаких физиков, никаких химиков, никаких биологов и так далее, согласно списку школьных предметов? А зачем тогда это самое школьное образование вообще нужно? И его управляющий орган заодно?!

Лично нас с дочерью эта ситуация — пойди туда, не знаю куда, подпиши то, чего не знаешь зачем, сдай то, что не нужно сдавать вообще, — ужасно насмешила. А к ликование народа мы присоединиться никак не могли — выбор либо сделан, и ты получаешь энергию для его воплощения, либо ты идешь по пути отступничества, самообмана и фальши, и никакой энергии в этом нет и не будет. Третьего не дано. Мы обсудили с дочерью и решили, что все остается в силе: и химия, и обществознание, и подготовка, и то, что дочь после 9-го класса уходит из школы. И пусть все поголовно

отступают, это их дело чести и это на их совести. А мы свои жизни не намерены подстраивать под сиюминутные слабости далеких от нас министерств и ведомств. Потому что мы хотим осознанно следовать выбранным курсом, а не шарахаться из стороны в сторону, как от бомбежки. Мы мирные люди... Но врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!

Дни открытых дверей: Пожарно-спасательный колледж

Началось все с изменения места и времени проведения Дня открытых дверей. Место нахождения колледжа МЧС в результате реформы образования отдалилось от нашего места жительства, причем на приличное расстояние. И я не могла не сожалеть о том, что в случае поступления моя любимая дочурка будет преодолевать несколько видов транспорта, да по пробкам, да в суете людской. Многие молодые люди и взрослое поколение из нашего города ездят работать или учиться в Москву и, собственно говоря, находятся в таком же бедственном положении в смысле утренней и вечерней непроходимости наших автомобильных артерий. С одной стороны, жалко тратить на дорогу 4 бесценных часа из каждого дня своей жизни. С другой стороны, ради мечты можно и совершить такой подвиг. И дело только в том, чтобы научиться выработать правильное отношение к этим 4 часам: укрепить внутреннюю дисциплину, занять время в дороге чем-то интересным, например музыкой. В самом деле, мы же не за семь верст едем киселя хлебать — мы едем учиться! Какая может быть жалость?

Я распечатала карту проезда к месту назначения, и, на удивление, мы доехали быстрее, чем предполагали. Выходя из метро, я сразу обратила внимание на высокого мужчину военной выправки с парнем, которые тоже постоянно всматривались в свой мобильный интернет в телефоне и так же, как мы, искали нужное направление. Я сказала дочери, что они, скорее всего, ищут то же самое, что и мы. Мы решили проверить, так как времени было много, и интуитивно двинулись за ними. Когда они останавливались, чтобы свериться со своей картой, мы тоже останавливались и проверяли, правильно ли отец с сыном (мы так их роли определили)

сориентировались в пространстве и не уведут ли они нас в сторону. Генеральное направление вдоль трамвайных путей они выбрали верно, и мы, соблюдая дистанцию и следуя за ними, вошли на оголенную территорию колледжа. Несмотря на ранний приезд, все же мы не были первыми. Еще мама с сыном и несколько ребят, видимо, друзей, стояли около дверей. Признаться, на улице была не та погода, чтобы стоять у дверей и просто ждать. Моя очередная догадка опять оказалась в «десятку». Двери в колледж были закрыты. Отец с сыном их несколько раз дернули, развернулись и быстрыми шагами пошли искать кафе. Все, кто приехал заранее на День открытых дверей, замерзли и пытались хоть как-то согреться, кружа по солнечной стороне двора. Мы с дочерью решили тоже не отходить далеко от колледжа. Не прошло и пяти минут, как появились несколько ребят в форме курсантов колледжа МЧС. Они встретились с еще какими-то парнями и стояли вместе, разговаривали. «Они вышли из колледжа, — вдруг осенило меня, — больше им здесь неоткуда взяться: значит, двери открылись». Я решила подойти и спросить напрямую. Выяснилось, что все приехавшие ломались в закрытую дверь, а рядом была еще одна дверь — открытая. «Men in black какой-то», — подумала я и решила поделиться добытой информацией с ожидающими и дружно мерзнувшими будущими абитуриентами и их родителями.

Мы вошли в колледж, открыв соседнюю дверь. Нас встретили, быстро записали и, ни о чем не расспрашивая, любезно пригласили в зал. До начала Дня открытых дверей оставалось целых 30 минут. В зале было душно. Мы вошли в него и тут же вышли, решив побродить по колледжу. Я спросила, есть ли у колледжа музей или что-то в этом духе. Получив отрицательный ответ, мы стали рассматривать плакаты на стенах и поглядывать на хлопочущих курсантов, занимающихся подготовкой актового зала. Мальчишки были веселы, и чувствовалось, что их связывают тесные узы дружбы или братства. Мне они нравились, я смотрела на свою дочь и пыталась понять ее чувства. Если раньше на ее лице было все написано, а написано там было и пренебрежение, и откровенное раздражение, и неприятие, и это было настоящей проблемой, так как любой внимательный человек мог легко отметить отношение

моей дочери к себе, к ситуации, то с недавнего времени она научилась держать свои эмоции при себе, выставляя напоказ, к сожалению, равнодушную маску. Вот и сейчас моя дочь надела ее перед этими мальчишками, чтобы показать, что ей совсем не интересно, чем они занимаются и как они друг с другом общаются. Наших «форвардов» — отца с сыном — нигде не было видно. Актный зал помаленьку наполнялся родителями и подростками. Мы с дочерью нашли два местечка в золотой середине, т.е. не близко и не далеко, но у самого прохода. Дочь взяла рекламный буклет и молча сунула мне его в руки. Я мягко и настойчиво вернула ей буклет. Дальше бодаться со мной она не стала, просто положила его в свой рюкзак как раз вовремя: нам запустили фильм. Директор колледжа с экрана рассказывал об истории его создания и о некоторых важных программах обучения. Хотя и не был директор мастаком говорить, и запинаясь он частенько, но нам с дочерью импонировала его простота, сердечность: от него исходила мужская уверенность, которая не нуждалась ни в каких прикрасах, ни в каких изысках, ни в каких рекламных трюках. Мы ощутили его как человека, занимающегося своим делом и к тому же понимающего смысл того, чем он и его коллектив педагогов занимаются. Мы с дочерью даже переглянулись и уважительно закивали головами.

Пока мы были увлечены просмотром документального фильма, зал постепенно заполнился на три четверти. Некоторые приехали семьями в полном составе: мама, папа, дочь и сын. Видимо, на роль абитуриента планировался сын. Вероятно, именно сын рассматривался как продолжатель профессии отца: практически все мужчины в зале по внешнему виду были либо бывшие военные, либо бывшие спортсмены. Было также много мам с сыновьями. Эти парни вели себя независимо, пытаясь всем телом показать, что главные в этом выборе все-таки они, а мамы — это так, сбоку-припеку. Мальчишки важно усаживались на стулья, а мамочки их присаживались рядышком, как бы испрашивая у сыновей позволения и говоря: «Ничего, если я тут с тобой посижу?». Конечно, были и такие мальчишки, которых явно пригнали сюда на аркане: они бурно пинали ни в чем не повинные стулья, раздраженным голосом шикали на матерей и так же раздраженно уходили в себя,

кидая в воздух «отстань» или «достала». Приехали на День открытых дверей в колледж МЧС и девушки: их всего было 5 вместе с моей дочерью, т.е. значительно меньше, чем в полицейском колледже. Девушки были разной комплекции и по виду совсем не отличницы и не спортсменки. Аккуратностью они тоже не блистали, поскольку выглядели либо перекрашенными, либо недокрашенными. Короче, были не в своем родном цвете.

Если с экрана перед нами выступали мужчины, то за столом перед нами сидели две женщины, как огонь и лед разные — по комплекции, темпераменту и взглядам на жизнь. Первая выступавшая была завучем по учебной работе. Это была спокойная, худая, строгая женщина лет 35 — 38. Она, как и директор колледжа, очень просто сообщила нам важную информацию о том, где, как и когда будут проходить вступительные экзамены. Поскольку я недавно сама скачала с сайта приказы о проведении экзаменов и вникала во все подробности поступления, многое мне было уже известно. Речь завуча была глубоко содержательной и выдержанной — она говорила без воды и слов-паразитов, без лишних эмоций. Но что самое важное: то, что она хотела донести до нашего сознания, она говорила именно нам: смотрела прямо на нас, не отводила своих глаз, встречаясь с нашими глазами, окидывала своим взором весь зал, грамотно поворачивала голову на правый фланг, затем плавно переводя свой взгляд на левый. Она говорила медленно, четко выговаривая каждый тезис, делала паузы между тезисами, как бы выжидая, пока мы все уложим по своим полочкам. Завуч поразила меня своей невозмутимостью, поскольку ее речь постоянно прерывалась вбегающими в зал опоздавшими. Она спокойно останавливала себя, давая людям возможность занять места в зале, и как ни в чем не бывало продолжала свою мысль с того места, где ее оборвали.

Но первыми, кто остановил речь завуча по учебной работе, были наши старые знакомые. Первым ворвался в зал парень, видимо, обогнав отца на целый корпус. За ним влетел отец. Сын добежал до прохода и буквально рухнул на свободный стул, предусмотрительно оставив место для своего отца. Но тот демонстративно про-

шел мимо сына и сел по другую сторону прохода, в глубине зала. Мне стало интересно, как развернется ситуация воссоединения: кто к кому первый примкнет или в принципе отец и сын будут сидеть по разные стороны «баррикад». Отца мне видно не было: он сидел за моей спиной, и полностью разворачиваться назад мне было неудобно. Но за парнем я могла наблюдать спокойно: он сидел под 45 градусов от меня. Я видела, как он дергался, все время оборачиваясь на отца. Он даже сделал жест рукой, как бы намекая, что он оставил свободный стул для него. Сын был не в своей тарелке, волновался и не мог сосредоточиться на речи завуча, которая продолжала выдавать нам важную и ценную информацию из первых уст. Парень промучился минут пять. За это время я обратила внимание своей дочери на него и даже успела спросить, как она думает, кто к кому примкнет и сможет ли отец уважительно отнестись к выбору своего сына? На мой взгляд, отцу следовало исправить свою ошибку: он с самого начала должен был сесть рядом с сыном. Но он не смог этого позволить себе по неизвестным мне причинам. Отец настолько демонстративно прошел мимо сына и занял стул на противоположной стороне, что мне показалось, будто он тем самым взял какой-то реванш в их личных напряженных отношениях, показывая сыну, кто из них главный, чего не надо было делать ни здесь, ни в принципе. Ни о каком паритете не могло быть и речи: отец своим поступком поставил все точки над «и», закрыв тему равенства и взаимного уважения в данную минуту или навсегда. Я не знаю, что дает право изначально сильному отцу воспитывать сына в таком неуважительном тоне, и я не знаю, что произошло именно с этими людьми, но отец сам утвердился за счет сына, а не за счет проявления своего уважения к выбору сына. Как я уже написала ранее, мальчишка промучился пять минут и перебежал к своему папочке. Моя дочь скривилась в улыбке. Сильный отец в очередной раз доказал своему сынишке, что тот слабак! И это тем более выглядит странно до непристойности, поскольку, скорее всего, отец стремится сделать из сына сильного мужчину, воспитать сильную личность. Но команда «к ноге» вряд ли будет работать на результат. Для этого сам отец должен начать проявлять свою силу воли, а именно позволить сыну отвечать за себя, за свое решение, поддерживать выбор сына, а не про-

тивопоставлять свое решение его решению и упиваться победой... Такая победа — двойное поражение!

Тем временем первая женщина закончила свое выступление и объявила о своей готовности ответить на вопросы родителей. Видимо, она была опытным педагогом и знала, что дети вопросов не задают. И она была права. Вопросы были потрясающими: даже завуч позволила себе улыбнуться. Родители спрашивали то, что первая женщина объяснила подробно несколько минут назад. Ну, такие уж родители: они приходят не для того, чтобы слушать и понимать, а для того, чтобы спрашивать и переспрашивать. Завучу по учебной работе и эта особенность родителей была хорошо известна, поэтому она спокойно, без всякого неудовольствия еще раз сообщила информацию, про которую спрашивали родители. С чувством выполненного долга первая женщина встала из-за стола и покинула зал, попрощавшись с родителями и абитуриентами.

А внимание зала было подхвачено второй женщиной, маленькой, полненькой, улыбчивой душкой — завучем по воспитательной работе. В противовес завучу по учебной работе, вторая женщина переливала из пустого в порожнее. Она радостно рассказывала о том, какой правильный выбор сделан собравшимися в зале и как замечательно учиться в колледже МЧС. Завуч по воспитательной работе немного попугала родителей конкурсом, чисто эмоционально, без конкретного содержания. Она также немного попугала родителей медицинскими справками. Но больше всего меня удивило то, что она по основным пунктам противоречила предыдущему оратору, который, судя по всему, удалился именно из-за того, что имел большой опыт понимания абсурдности присутствия на выступлениях второго оратора. Однако никто из родителей то ли не заметил противоречий, то ли не счел должным это замечать в принципе. И если завуч по учебной работе говорила, что подавать заявление на поступление надо лишь после того, как все документы будут собраны, то завуч по воспитательной работе убеждала родителей уже прямо сейчас написать заявление, а документы, «ну, что документы...», поднесете потом!

Следующее противоречие касалось медицинской формы. Завуч по учебной работе подробно изложила все требования по оформлению медицинской формы и рекомендовала не спешить с ее получением, ибо необходимо сдавать и подлинники результатов анализов, у которых есть определенный срок давности. Первая женщина предлагала родителям сконцентрироваться на сдаче ГИА в школе и только летом спокойно пройти всех врачей, список которых представлен на сайте. Завуч по воспитательной работе сказала родителям, чтобы они не обращали внимания на то, что сказала завуч по учебной работе, и прямо сейчас уже начинали собирать медицинские справки и проходить врачей. Пламенная и эмоционально насыщенная певучая речь завуча по воспитательной работе разбила в пух и прах стройную информационную систему завуча по учебной работе, запутав окончательно родителей и внося в их ряды абсолютную сумятицу. Я спросила свою дочь, хочет ли она прямо сейчас пройти на второй этаж колледжа и написать заявление на поступление или мы приедем сюда в июне, собрав все документы и медицинские справки установленного образца, и сдадим сразу все? Дочь подумала и решила, что сдавать надо все сразу, одним махом, то бишь приездом. И мы вышли из зала, оставив родителей, ажиотажно облепивших завуча по воспитательной работе. Я подумала, что вряд ли эти две женщины — лед и пламень — системно спланировали свои выступления и договорились между собой. Скорее всего, одна точно знала, что будет после выступления другой, и ее это вполне устраивало. А те из родителей, которые ориентированы на получение информации, могли самостоятельно разобраться, что к чему. Поэтому заботиться о них было ни к чему.

По дороге к метро мы вспомнили, как парень пересел к отцу. Дочь сказала, что шансов победить отца у парня нет и ему трудно будет доказать свою готовность к самостоятельным шагам. Я согласилась и добавила, что жизнь внесет свои коррективы и, как настоящий мастер, подкинет им ситуации, в которых и отцу, и сыну придется объединить свои усилия, и возможно, тогда они друг друга поймут... В ответ дочь заявила, что я, как всегда, позитивно смотрю на людей и их жизнь. А я и не возражала.

Но наряду с позитивным настроением на Дне открытых дверей колледжа МЧС мы узнали про две крупные ложки дегтя. Первая заключалась в том, что министерство образования спустило директиву, по которой на бюджетное отделение (читай, бесплатное) следует принимать только москвичей, а остальные, из регионов (а подмосковных ребят в зале было большинство), должны платить за обучение в московском колледже. Вы не подумайте, на самой встрече нам этого не сказали... Разве они враги себе? Мы это разузнали у второй выступающей еще до того, как вошли в зал колледжа. Так получилось, что я и еще одна мама, особо информированные личности в сфере решений министерства образования, специально подошли к завучу и напрямую спросили, получили ли они такую директиву. Она честно призналась, что руководство получило данное постановление и само в шоке! А для нас это было не просто ложкой дегтя, это было громом среди ясного неба. Во-первых, такая финансовая политика подушевого финансирования в учебных заведениях имела свои недостатки. Каждая школа, каждый колледж получал бюджетное финансирование на каждого своего учащегося, студента. Если школа московская, то московский ученик финансировался из московского бюджета. Если школа подмосковная, то ученик Подмосковья, соответственно, финансировался из подмосковного бюджета. Я понимала стремление властей навести некое подобие порядка в финансовых делах страны, по крайней мере в бюджетных. Несправедливость, на мой взгляд, начиналась со среднего специального образования. В нашем подмосковном городе ни полицейского, ни колледжа МЧС и в помине не было! Есть у нас несколько колледжей. И все. Так и хочется сказать министерствам, и московскому, и подмосковному: «Вы сначала создайте развитую сеть профессионального образования, а потом делите бюджет». Естественно, поделить бюджет легче, чем создать приличное профессиональное образование, да еще к нему внедрить систему востребованных рабочих мест на базе современных предприятий с современными технологиями. Но перспективные стратегии не для нашего правительства: им чего попроще, сиюминутнее и выгоднее лично для них.

Во-вторых, на мой взгляд, в неудобное положение были поставлены и школы, и колледжи. Борьба за души учеников и сту-

дентов еще не достигла своего пика и пока только тревожно маячила в светлом (а каком еще?) будущем российского образования, так как данная система была введена только с этого учебного года. Забавная идея — превратить образовательное пространство в рекламный фарс, но лично мы с дочерью не были зависимыми от красивых рекламных агитаций. И несмотря на информацию, которую нам по секрету сказала вторая женщина — завуч по воспитательной работе — о том, что руководство колледжа МЧС написало письмо в министерство с просьбой позволить им набирать подмосковных курсантов на бюджетное отделение, я была обеспокоена таким положением вещей.

Вторая ложка дегтя касалась стоимости обучения на тот случай, если моя дочь либо не поступит на бюджетное отделение, либо не станет срочно москвичкой: 86 000 рублей в год. Причем, как сказала нам завуч по воспитательной работе, сумма постоянно увеличивается, и к тому же стоимость обучения определяется не руководством колледжа, а министерством. И чем ближе к лету, тем дороже оно становится. Я вспомнила стоимость обучения в полицейском колледже — 120 000 рублей за полгода, и мне сразу... полегчало! Какие мы, родители, все-таки придурки... Ведь никогда еще за всю историю России образование не стоило так дорого и не ценилось так дешево! А все обесценивается из-за страха самих родителей, т.е. нас с вами. И кто мы после этого, если готовы платить за то, что никогда не окупится? А если вы думаете, что окупится, то подумайте еще раз.

Глава 12.

ГИА, НАКОНЕЦ!

*Солнца не видно.
Оно рассорилось с летом.
Буйство зеленое
Славит дожди! Кому-то
Награда, кому-то тоска.*

Мне удалось отогнать вредные для себя мысли о том, что, скорее всего, за обучение в колледже МЧС придется платить, и я, как Скарлетт О'Хара, т.е. Вивьен Ли, сыгравшая Скарлетт в «Унесенных ветром», решила «подумать об этом завтра или после экзаменов». А когда наступило завтра, я все силы бросила на подготовку дочери к экзаменам. Прежде всего я набросилась на интернет-сайты и распечатала еще и еще КИМы (контрольно-измерительные материалы) по каждому предмету и, конечно же, ответы к ним. На поиски именно ответов ушло основное время. Но кто ищет, тот всегда найдет! Дочь на удивление спокойно посмотрела на внушительную

стопку бумаги. На ее лице не было ни обреченности, ни злости. Она только поинтересовалась: «Это все мне?», и было видно, что можно не отвечать, ибо все и так очевидно. Первым делом я спрятала все ответы. Все, потому что ответы были и в распечатках, и в больших учебных материалах по подготовке к экзаменам. Из пособий я на глазах у дочери аккуратно вырезала ответы ножницами, прокомментировав данное событие тем, что по-прежнему берегу ее время и что дочь может даром его потратить на поиски палочек-выручалочек. Дочь так же стоически приняла мое действие. Мы договорились, что она будет в день делать по два КИМа. А вечером мы вместе с ней будем их проверять, обсуждать и, если понадобится, решать и доделывать. Именно вечерние посиделки и стали основой основ нашей подготовки. Так все и получилось: утром я выдавала задания, дочь самостоятельно над ними работала, а вечером, после ужина, мы садились с ней на кухонный диван, обкладывались учебниками, а я, как фокусник, из ниоткуда доставала ответы — и мы начинали проверку.

Поскольку все КИМы по разным предметам были устроены одинаково и состояли из двух частей разного уровня сложности, то я просила дочь стараться передать мне ход своих мыслей, т.е. рассказывать мне, как она размышляла и как она поняла, что из 4 предложенных вариантов, например, именно второй ответ является правильным. Такая тактика полностью исключала случайный выбор ответа наудачу и наугад. Кроме того, такой подход требовал от дочери демонстрации своих умений, приобретенных в течение учебного года.

Химия

Например, по химии моя дочь ловко обращалась с периодической таблицей Менделеева, легко рассуждала, тыкая пальцем в тот или иной элемент, и было видно, что это она знает. Как говорится, что хорошо, то хорошо! С первой частью по химии дочь справлялась практически без потерь баллов, т.е. за каждое правильно решенное задание она получала 1 балл и ошибалась от силы 1 – 2 раза. Хуже обстояло дело со второй частью химии, которая напоминала поле

боевых действий под обстрелом вражеской артиллерии. Пришлось заново разбираться в том, что такое реактивы, а что такое реагенты, какие элементы с какими вступают в реакцию, и что из этого у них получается, и как это грамотно записать, чтобы случайно не выпасть в осадок или не превратиться в соль. И если бы у нас под рукой не было ответов, нам бы пришлось туго, так как мои познания по химии были еще меньше, чем у дочери. Но нам нравилось вместе разбираться с химией, и мы даже сожалели о том, что в течение года всего этого не изучали. На 3 — 4-м КИМе по химии моя дочь стала справляться и со вторым уровнем, не так тотально, как хотелось бы, но ошибок становилось все меньше, и нас это не могло не радовать. Так, день за днем, мы в свое удовольствие занимались делом — изучали химические реакции. А когда на консультации перед экзаменом моя дочь получила возможность поработать с настоящими химическими «штучками», провести свой личный химический опыт и получить свой личный «осадок», уверенность в том, что она сможет поэкспериментировать с химическими реакциями и на экзамене, только укрепилась.

Значительным подспорьем оказались примеры решений химических задачек и в ответах, и в старых билетах не в формате современных ГИА. Но именно то, что дочери дали возможность собственными руками «похимичить», принесло радость и удовольствие, о которых дочь взахлеб рассказывала мне вечером. Она буквально ждала экзамена по химии только из-за того, что ей там опять дадут возможность поэкспериментировать. Моя дочь, как рыбак на берегу, ждала, когда море успокоится, уgomонится, чтобы выйти на своей лодке или баркасе в море, ждала, когда улягутся все ее волнения и печали, чтобы прийти на свой первый серьезный экзамен в жизни. Нам повезло, что этим первым экзаменом стала химия! И я долго еще думала, насколько легко сделать подрастающих девчонок и мальчишек компетентными учениками. Секрета никакого нет, об этом знают все педагоги и психологи, работающие с детьми: дайте ученику в школе добиться того, чего он не может сделать в другом месте, например дома. Провести эксперимент, настоящий химический опыт, и не так, чтобы на учительском столе учитель показывал, как горит сера и во что она превра-

щается, а так, чтобы каждый за своим столом почувствовал себя настоящим химиком... Ведь без этого ощущения нет смысла учить химию, становиться химиком. А учебники можно и дома выучить, да и какой от них толк, если нет главного — возможности химичить и самим увидеть результаты своих собственных действий. Мы, русские, как всегда, экономим на мелочах, а недополучаем главное, цельное, осмысленное! И где наши будущие Ломоносовы должны получать так им необходимый опыт, ощущать себя творцами, гениями? Что, опять в Манчестере или Массачусетсе? Или в Хабаровске и Костроме? Это уже не смешно как-то....

Русский

С русским языком нам пришлось туго. Даже в первой, самой легкой части КИМа моя дочь делала много ошибок из-за того, что совершенно не чувствовала русского языка и, соответственно, не могла правильно выполнить анализ того или иного предложения, не могла правильно найти грамматические основы (подлежащее и сказуемое), различить сложноподчиненные и сложносочиненные предложения, увидеть уточняющие обособленные обстоятельства места, времени, образа действия, построить нужные связи, выделить сравнительные обороты, вводные слова, узнать в тексте метафору, эпитет, олицетворение, гиперболу, перифразу, антитезу... И со всеми этими белыми пятнами пришлось разбираться, вносить четкое и ясное представление о каждом, лавировать между ними, причаливать с разных сторон и проливать свет на то или иное значение тогда, когда нагромождение слов никак не выстраивается в одну прямую линию, а словно водоворот, кружит тебя и кружит на одном месте. И когда тебе покажется, что ты уже продвинулся как минимум на пару шагов вперед, ты вдруг понимаешь, что твое продвижение по океану русских текстов было мифом и ты на самом деле бесконечно отстал, причем не по знанию самого материала, а по тому, что тебе не удастся применить знания на собственном опыте. Ах, этот самый «опыт, сын ошибок трудных»! Боже мой, как я любила этот сложный и могучий русский язык! Как я обожала писать сочинения и радовалась каждому нагромождению своих мыслей, претворяющихся в нечто текстовое,

укладывающихся в заданные линейки. То я их выстраивала жестко по прямой, как стрелу, которая должна была, по моему замыслу, пронзить характер литературного героя в самое сердце, убить наповал моим мнением о недостойности его проступка. То я своими мыслями опутывала героя, как морской спрут щупальцами захватывает жертву, чтобы мне самой стало яснее, что за человек передо мной. Я мысленно поворачивала героя разными сторонами, повинаясь секретному коду вскрытия сейфа с ценностями, и не могла наглядеться на все разнообразие реакций моей души на каждом повороте его судьбы, то приближаясь к пониманию сути, то отдаляясь так, чтобы меня никто не заметил. И как я могла бы передать своей дочери все ощущения, которые порождались мыслями, роящимися в моей голове? Я говорила дочери, что русский язык глубок настолько, насколько глубоко ты можешь думать о себе, о своей жизни. Ты можешь быть простой, ты можешь быть сложной. И каждый раз ты совершенно другая от того, что ты решишь, какой тебе быть, какими мыслями размышлять. Если ты включаешь мозги, ты можешь стать глубоко внимательным человеком, и каждое твое действие будет иметь свое предназначение, свой смысл. Если твои мозги выключены, то все приобретает оттенок безразличия, апатии, бессмысленности. И это так происходит везде и всегда, неважно, ты пишешь сказку или делаешь салат, собираешь пазл или варишь мне кофе, пишешь сочинение или решаешь уравнение. Каждое твое действие нуждается в заранее осмысленном образе действия! И только тебе решать, включишь ты мозги или будешь пребывать в выключенном, безразличном состоянии духа...

Стало видно невооруженным взглядом, как напряглась моя дочь. Она уловила легкое дуновение, свежее и новое, неизведанное до сего дня, и... поплыла! С каждым разом все увереннее и увереннее. И вот уже вводные слова мы высекаем в тексте крупными штрихами-запятymi, и сравнительные обороты нам подвластны, и фонетический разбор, оказывается, не такой уж страшный, особенно для девушки, которая, на минуточку, играет на флейте... Так парус нашей ГИАшной лодочки рассекал по волнам нашей памяти, а настоящее знание русского языка не разбивалось о крутые скалы удвоенных букв «н» в причастиях и прилагательных, не застревало

на крутых виражах безударных гласных в корне слова и не тормозилось при виде приставок «при» или «пре»!

Причалив в бухту «изложение», нам пришлось заниматься чисто техническими вопросами. Надо сказать, моя дочь обладала очень хорошей слуховой памятью, которую я тренировала исключительно притчами, короткими, ироничными, глубокими и метафоричными. И вообще, что может быть лучше хорошей притчи, рассказанной вовремя? Я подбирала притчи, которые бы настроили мою дочь «правильно». Я каждое утро читала дочери выбранную мной заранее притчу. А дочь должна была как можно ближе и точнее изложить ее на бумаге, т.е. написать изложение по ней. И дочь писала притчу, которую только что прослушала, практически дословно, верно определяя и расставляя акценты и интонации. Особенно когда главными героями притчи были девочка или мальчик. Это были особенные притчи.

Например, такая.

Мужчина гулял по берегу моря. Ночью был сильный шторм, и весь берег был усеян выброшенными на него морскими звездами, мелкими рыбешками и тоннами морских водорослей. Мужчина издали заметил девочку, которая шла ему навстречу, наклонялась, что-то подбирала на самой кромке береговой линии и швыряла что было силы в море. Подойдя поближе, он увидел, что девочка берет морскую звезду и забрасывает ее в море.

— Зачем ты это делаешь? Ты же не можешь помочь им всем! Их слишком много!

— Может быть, — ответила девочка, бросая как можно дальше в море еще одну морскую звезду. — Но для нее я сделала все, что смогла.

И конечно, я проводила аналогии. А зачем еще нужны притчи? Для того, чтобы человек мог подумать и о себе. И о своей жизни. Провести аналогию очень важно, и сделать это можно и нужно: очень тонко, изящно, без назиданий притча говорит сама с человеком, с человечеством. Так и эта маленькая девочка сказала именно то, что я готова была говорить своей дочери каждый день,

целую вечность: делай все, что можешь в данный момент! Потому что моя дочь позволяла себе небрежность, неаккуратность, неточность, а недоделки так и сыпались, как из рога изобилия. Вместо того чтобы одним точным движением сделать то, что нужно сделать, она «размазывала манную кашу по белому столу». И такая модель поведения оставляла свой отпечаток грязи и фальши на каждом более или менее значимом действии и к тому же несла на себе горечь послевкусия, разочарованность и пресловутые «да ладно» и «ну и что?».

Потом, как знаменитые детективы-колобки с лупами и великолепно «Аналогично», мы проверяли грамотность, потому что по передаче смыслового содержания притчи моя дочь получала исключительно пятерки и даже шестерки. «Мама, — возмущалась дочь с довольным видом, — такой оценки нет», имея в виду шестерку! — «А у меня есть! И к тому же дом — не школа!» Моя душа даже радовалась, что у моей дочери с содержательной частью изложения гораздо лучше, чем с грамотной. Я много раз убеждалась, насколько это здорово! Было бы ужасно, если бы было наоборот. А грамотность — ну что же, над ней мы будем работать и сделаем все возможное, как девочка для морской звезды.

Но в изложении таилась одна проблема. В КИМах по русскому языку тексты были формализованы и неинтересны. Они не были ни притчами, ни интересными рассказами, ни полными приключений новеллами, ни даже сказками. Тексты для КИМов были взяты из... философско-политических и психологических трактатов, в которых не было никакого смысла, но были достаточно сложные для изложения понятия. Было заметно, что над КИМами поработали психологи. Эх, мои братья по оружию! Насколько же вы обожаете формальную логику, формальные понятия. Спасибо, блин, большое (вспомните Машню Олега Куваева), что про СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫЕ отношения текстов не «напихали». А только про ВЛАСТЬ, МОРАЛЬ, ДОЛГ, ПРАВСТВЕННОСТЬ и прочую х... Я долго изучала подборку аудиофайлов, рекомендованных к ГИА. Я сама писала изложения по ним, и меня в буквальном смысле тошнило от этого занудства. Еще и Дейла Карнеги приплели! Я как пред-

ставила, что всех девятиклассников нашей необъятной Родины вывернет наизнанку от аудиофайлов про нравственность, — этот день всем запомнится покруче дня ВДВ.

Но делать было нечего, и как бы мне ни было противно, но и с формализованными текстами можно справиться. А метод предлагался в пособии тоже достаточно техничный, формальный. Пособие по подготовке к ГИА по русскому предлагало разбить формальный текст формально на три части и каждую часть отдельно и по порядку сжать путем исключения из текста второстепенной информации. Метод кастрации каждого абзаца до микротемы приводился в таблице. Первая колонка — абзац в исходном варианте. Вторая колонка — микротема, которую надо было на слух выделить и запомнить, как следует. Третья колонка — сжатый формально изложенный текст. Короче, проще пареной репы. Я тут художественность дочери навязываю, глубину мысли развиваю, а надо-то всего — научиться работать с текстом как с информацией. Хорошо было бы, если бы данные тексты действительно содержали в себе информацию. Но какая, скажите на милость, информация может быть в понятии «нравственность»? Или вы думаете, что в тексте про то, что такое власть, есть информация? Информация для чего? Информации просто так не бывает. Она либо для чего-то — и тогда ты точно знаешь, где и что искать, отбрасывать «воду», читать между строк, улавливать суть по диагонали, выделять главное и не отвлекаться на подробности. Либо она для кого-то — и тогда ты точно знаешь, где эти кто-то, и чем именно они занимаются, и каких именно результатов они достигли, и на каком они уровне в данный момент, и какие прогнозы можно построить на основе данной текущей информации про них. Все остальное — общественное мнение, причем созданное на заказ определенными лицами и для определенных задач, направленное на определенные сегменты, сектора, слои, случаи, ситуации, секреты, ступени, страхи, сущности и еще много слов на букву «С».

Я не знаю, почему моя дочь, закончив 9-й класс, не умела писать изложение методом сжатия. Мне пришлось ее этому научить за два дня. Я читала предлагаемые тексты первый раз, а дочь слу-

шала. На второй раз я читала, а она быстро записывала микротемы по ключевым словам в каждом абзаце. Затем я отводила дочери 15 минут на изложение, и мы проверяли, как ей удалось кастрировать, например, мнение психологов об основных эмоциях человека — таких как страх, печаль, грусть, радость, счастье и т. п. Бессмысленной эту затею я считала потому, что эмоциональное состояние подростка надо расширять, «раскручивать» так, чтобы подросток приблизился к себе, к своему самовыражению, на своем опыте вспомнил свою личную грусть, свой личный страх и написал об этом. То, что нуждается в «проработке», ужимать вредно, а формальный подход к процессу изложения сути вещей не может погрузить подростка в пучину своего опыта, позволить переживать определенные состояния. Метод сжатия хорош, как я уже отмечала, для работы с потоком информации; его, безусловно, надо уметь применять на практике, но поставленные цели не достигались заявленными средствами-текстами и превращали всю работу в фикцию. Например, ужимать Иннокентия Смоктуновского у меня не поднялась рука. Его мы пропустили, а в знак уважения к его таланту посмотрели фильм «Маленькие трагедии», снятый по произведениям Александра Сергеевича Пушкина, в котором играли мои любимые актеры: Юрский, Тараторкин, Смоктуновский, Трофимов, Высоцкий, Куравлев, Калныньш, Золотухин и много других. Действительно, «ужасный век, ужасные сердца». Зато на рецептах Дейла Карнеги мы отвели душу: ужали так, что доехали «одни уши»! Это был очень ценный опыт. Или антиопыт, что тоже хорошо.

Кроме изложения было еще и сочинение. И даже тема сочинения была: фраза известного писателя о чем-то. Например, изречение Константина Георгиевича Паустовского: «Нет ничего такого и в жизни, и в нашем сознании, чего нельзя было бы передать русским словом». И даже к этой теме предлагалось классическое начало: начните с того, что вы согласны с автором! И приведите несколько примеров из текста, а «цитирование вообще поощряется». Я в упор, как научный сотрудник, не понимала, зачем нужно было применять в сочинении из 70 слов цитирование? Наверное, чтобы своих мыслей дети написали поменьше и чтобы, конечно же, приучались

соглашаться с авторитетными высказываниями людей из великого, но все же давнего прошлого. И каким художественным образом моя дочь должна была связать фразу Паустовского про русские слова с рассказом Пановой про мальчика Сережу, который находился на том прекрасном этапе своего развития, когда все новое, все вещи, предметы обретают свое значение через слова, которыми данные вещи и предметы называются? Рассказ очень хороший и написан от лица маленького мальчика. И о нем можно написать славное сочинение, особенно если вспомнить себя в этом возрасте. Но писать о том, что ты согласен с фразой Паустовского! Да кто ты такой, чтобы оценивать Паустовского? Ведь за каждым согласием стоит оценка. А если силен дух противоречия, тогда что, писать о том, как ты не согласен с Паустовским? Или вспомнить пришедший на ум анекдот про то, что быстрее всех на свете? Да простит меня читатель за столь невероятный отход от русского слова и, особенно, фразы Паустовского про это самое русское слово, но, как говорят, из песни слова не выкинешь!.. Так вот, что быстрее всех на свете? Один человек сказал: «Быстрее всех электричество. Ты нажал на выключатель, и свет сию же секунду зажегся». Второй сказал, что быстрее всех слово, произнесенное человеком. А третий просто поделился своим опытом: «На меня вчера напал понос. Так я не успел ни свет включить, ни слова сказать».

А про индекс цитирования мне даже и упоминать не хочется. Будет вам сочинение, господа хорошие!

Математика. Особенно реальная

Как мне надоело простое число 3. Потому что оно погружало нас в бесконечность. Разрезанные пополам два круга, связанные центром. Одной единственной точкой — нашим усилием воли. Эти недоделанные американские горки требовали от нас бесконечных вычислений без надежды на то, что мы из этих полукругов выберемся хоть когда-нибудь. Потому что большинство из среднего уровня сложности задач по математике, которые решала моя дочь, были с неправильным результатом. Вот моя дочь показывает мне свое решение уравнения. Я смотрю на это почти с «древнерусской

тоской», как у БГ. Потому что я вижу, в каком месте дочь ошиблась. Еще недавно в вычислениях значилась 6. А на следующей строчке 6 превратилась в 8. Ну с какой стати? «А, это!» — удивляется моя дочь, когда я тыкаю пальцем на ее ошибку. Дальше — больше: несколько совпадений, доведенных до предела случайностей по теории вероятности, а остальное опять неправильно. Вот система неравенств. Надо решить. Дочь легко начинает решать. Решает, решает, даже график рисует. Отмечает на линии найденные корни, рисует, где больше, где меньше. И путает: с -2 должно быть меньше, а она отмечает, что от -2 больше. И все катится по наклонной в «неверно». «Да проверь же ты себя!» — ору, умоляю, требую я. Но дочь ни в какую. «Мама, я с дробями работать не умею!» И хоть тресни. «Да не с дробями ты работать не умеешь, а проверять себя ты боишься, трусиха!!!» Я начинаю дочери вещать про то, что такое стратегия, причем любая стратегия. Я рисую треугольник и рядом с ним пишу слово «триггер», а потом еще и слово «запуск», чтобы понятнее было. Слово «триггер» моей дочери больше нравится, и поэтому триггер запускает внимательность моей дочери эффективнее, чем слово «запуск». Ну, два слова лучше, чем одно (две пикины — не одна бубина!). Я рассказываю дочери, как она ловко хватается за карандаш перед тем, как начать решать уравнение. И в этом ее ловком и быстром движении и кроется тайна триггера! «Ты знаешь, сколько мальчишек и девчонок застревают на триггере и в самом начале дела никак не могут взять в свои руки карандаш, ручку, молоток, спицы, иголку, пилу, книгу, ракетку, мячик или еще что-нибудь для того, чтобы сделать дело?! — возмущаюсь я. — А сколько усилий требуется для того, чтобы начать что-либо делать, например решить задачу, уравнение, неравенство... И не сосчитать! А у тебя все просто — ты хватаешься сразу за то, чем ты будешь это делать. У тебя великолепный триггер!!!» — сообщаю я. Дальше я рисую длинную колбасу, а поперек, практически перпендикулярно большой колбасе, рисую пять колбасок поменьше. Эдакая колбасочная закусочная. «Любое дело можно разделить на операции. Каждая колбаска — это отдельная операция. Ты хватаешь карандаш и начинаешь оперировать данными. Сначала ты переписываешь уравнение на свой листочек. Это действие и будет твоей первой колбаской. Затем ты смотришь

на уравнение и понимаешь, как его можно решить, и ты даже можешь точно указать способ, который ты собираешься применять к данному уравнению. Это уже вторая колбаска. Дальше ты начинаешь действовать в соответствии с тем, что ты надумала и как ты надумала решить это уравнение. Это третья колбаска, она может содержать в себе несколько операций, несколько действий, потому что это хитрая колбаска, она не простая, а с начинкой, как пирожок. Потому что и методов, и способов решения существует как минимум несколько: упрощение, расстановка, подбор формулы и так далее. Вот твои вычисления привели тебя к результату, и все твои колбаски съедены. Ты, мягко говоря, умяла их быстро и со вкусом. Но то ли ты слопала? Или, проще говоря, правильно ли ты решила уравнение? Вот в чем вопрос!» Я рисую рельсы, самые настоящие железнодорожные рельсы, под колбасной закуской. Это уже третья часть стратегии, причем именно любой стратегии, и каждая ее часть является неотъемлемой частью выполняемого дела. В буквальном смысле, если хоть одна часть стратегии страдает, т.е. либо не выполняется, либо выполняется *халтурно*, то страдает все дело целиком! «Мама, а что это за рельсы?» — тыкает пальцем дочь в бумагу. «А это рельсы, по которым ты еще не умеешь ездить. Ты боишься себя проверять. Или ты забываешь по ним прокатиться, и все катится в тартарары!» — «Это как?» — изумляется дочь. «Сейчас мы вместе сядем в вагончик (дорисовываю вагонетку) и прокатимся с ветерком. Смотри, вот мы по рельсам добрались до самой первой колбаски. Здесь начинается проверка, потому что если проверять, то проверять все, по крайней мере на первых порах, пока ты не обрешь внутреннюю уверенность в том, что ошибки тебе не грозят. А они тебе очень даже грозят, особенно во время поедания первой колбаски. Вспомни, сколько ошибок ты совершила при переписывании длинного выражения из учебника в тетрадь! Доченька, пойми, не ты одна путаешься, не ты одна видишь цифру 6, а пишешь цифру 8. Такое случается на каждом этапе, при каждом совершении действия, на каждой операции. Но внимательные люди умеют кататься на рельсах проверки. Они сами себя умеют проверять, контролировать свои действия, а ты это категорически отказываешься выполнять. И тем самым становишься невнимательным человеком, потому что ты в запале действия

«шарашись» свои решения, лопаешь свои колбаски и так увлекаешься, что даже не замечаешь, что колбаски-то вовсе не те, которые нужно решать. А если ты слопаешь не ту колбаску, то решение будет неверным! Это понятно?» — «Так это что, каждую колбаску надо проверять? — делает исключительно грамотный вывод моя дочь. — Так времени на все не хватит!» — «Логично рассуждаешь. Но знай, о времени беспокоятся люди, которые знают про себя, что они чего-то не сделали. На самом деле проверка занимает от нескольких секунд до нескольких минут, а такое время нам обычно по карману! Мы можем, нет, мы должны позволить себе такую роскошь — использовать время для проверки, потому что именно катание на рельсах делает нас потом счастливыми!» — «А при чем здесь счастье?» — «Хороший вопрос! — многозначительно подмигиваю я и рисую врата радости. — Только проверив себя, ты войдешь во врата радости. Когда ты смотришь на людей, что ты видишь на их лицах? Например, когда человек сделал что-то и у него получилось именно так, как он хотел сделать. Что написано на его лице?» — «Думаю, что он доволен собой», — чешет голову моя дочь, у которой мысли так и бегают по серым клеточкам. «Exactly! — восклицаю я. — Человек радуется своим свершениям, какими бы они ни были — маленькими или великими. Человек доволен результатами своего труда, и это тот случай, когда удовлетворение своим делом, своей жизнью делает человека счастливым. А ты закрываешь себе вход в радость от решения уравнения, и, в принципе, от математики ты не получаешь никакого удовольствия — и все из-за того, что ты не проверяешь себя! И ты не можешь быть уверенной в том, что решила уравнение правильно, потому что ты не убедилась в правильности своих действий. Могу сказать, что чем сложнее дело, тем сложнее его необходимо выстраивать стратегически. А чем сложнее стратегия, тем сложнее оперативные действия, тем точнее необходимо строить рельсы проверки. Или вокруг каждой колбаски нужно сразу строить рельсы для проверки, чтобы потом проверить только в целом. Но чем сложнее стратегия, тем больше награда — радость и счастье от выполненного дела! И кстати сказать, поскольку ты отказываешь себе в катании на рельсах проверки, тем самым ты отказываешь себе в получении удовлетворения от своих личных усилий, и таким образом ты обрекаешь себя либо

на мазохизм — мучительное самобичевание, либо на ощущение вечной неудачницы. А как иначе может думать о себе человек, который из 10 математических заданий правильно решает только 3? И не потому, что ему способности не позволяют решать эффективнее, а потому, что целая часть стратегии им не выполняется намеренно! Смекаешь?»

Сказать, что «смекаешь», проще, чем сделать «смекаешь». Тут уж не до вранья нам было. На носу ГИА, а средний уровень сложности мы преодолевали, как пик Коммунизма (гора такая, если кто не в курсе). Лично мне было тоже сложно решать некоторые задачи, но я, как альпинистка, упиралась руками и ногами, но упорно двигалась к вершине. Моя дочь была в восторге: «Мама, ты легко пройдешь мой ГИА по математике!» — «Возможно. Но главное, чтобы прошла его ты!»

А знаете ли вы общество?

Да, меня очень волнует знание общества. Этот экзамен моя дочь сдавала одна в аудитории. Представляю, как злились учителя, которым нужно было в разгар сдачи ЕГЭ приходить лишний раз в школу ради одной-единственной ученицы, создавать комиссию и сидеть в школе три часа кряду в ожидании, когда она — моя дочь — пройдет свое испытание обществознанием. Если с математикой было сложно при всей легкости, с которой моя дочь бралась за решения, то с обществознанием было сложно по простой причине: социальную компетентность нельзя выучить формально. В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ надо разбираться так, чтобы стало понятно и логично, что если сельский житель не выполнил правил пожарной безопасности или библиотекарь не оплатил проезд в транспорте, то это относится к административному виду юридической ответственности. А если менеджер опоздал на работу, то его ожидает дисциплинарный вид ответственности. Я понятия не имею, как наших учеников учат во всем этом разбираться, но компетентности у моей дочери не прибавилось за целый год. Спроси ее, что она знает о Правительстве РФ, она замигает так часто глазами, отвернется и еще вдогонку пожмет плечами для верности понима-

ния того, что она «не копенгаген» в том, что существует система государственной власти — составные части аппарата государства, наделенные государственно-властными полномочиями и участвующие в осуществлении функций государства. Я уже молчу о том, что про разделение на законодательную и исполнительную власти мой ребенок точно не знал, клянусь! Но я в принципе не уверена, что и взрослые люди знают общество хотя бы на уровне понимания того, где они живут, как устроен их город, район, область, как и зачем разделяется система федеральных и региональных органов государственной власти. И к кому обращаться, если нарушаются права или вы лично не получаете те льготы, на которые вы имеете право. Вот про это ВСЕ мне пришлось дочери долгими майско-летними вечерами рассказывать на пальцах и примерах, чтобы моя дочь хотя бы знала, кто такой Президент РФ и почему он к тому же является Главнокомандующим. И это было очень непросто — рассказать про Суд (самый гуманный суд на свете), Прокуратуру, УВД и т.д. Причем я не уверена, что сейчас, в августе того же года, моя дочь ответит мне что-то вразумительное про то, на какой срок в нашей стране выбирается Президент.

Больше всего нам понравилось находить разницу между фактами и мнениями. Это моя дочь уловила моментально, и в текстах могла правильно указывать ответы. Так же легко дочь восприняла разделение общества на 4 сферы: экономическую, социальную, политическую и духовную. Видимо, это она узнала еще в школе. Сложнее с оплатой труда. Пришлось долго объяснять, что сдельная заработная плата платится только на такой работе, где что-то производят. Например, токарь вытачивает за одну смену 10 болванок, а за месяц — сколько выточит деталей, столько и получит денежек, потому что есть нормы выработки и есть стоимость изготовления одной детали, и все операции, которые совершает токарь, учтены. А у учителя не может быть сдельной заработной платы, потому что он не делает учеников грамотными, компетентными, эффективными, знающими. Учитель ведет уроки, и у него есть почасовая тарифная ставка. Отработал учитель свои часы-уроки, проверил тетрадошки ваши, провел классный час, родительское собрание, дополнительно позанимался — и получил за это денежки, потому

что у него повременная оплата труда. Про стимулирование труда я даже не стала заикаться, поскольку как-то бессмысленно это объяснять 17-летней девчонке. Да и какой смысл тратить драгоценное время на то, что в данный момент не является актуальным.

Мы делали КИМ за КИМом, и результаты лично меня радовали: дочь старалась врубиться и в графики, диаграммы, и в анализ утверждений, и в сравнительный анализ статистических данных разных государств, городов, и даже с видами юридической ответственности не «накосячила». Я была уверена, что она сдаст обществознание на «5», поскольку по баллам она набирала нужное для заветной пятерки количество. Но мои прогнозы не оправдались. И самым горестным был провал в обществознании. Дочь получила американскую недоделанную горку — «3». То ли настолько непривычным и подавляющим было одиночество, когда дочь сидела в аудитории одна-одинешенька, то ли экзаменационные тесты были сложнее, чем те КИМы, которые я скачала в интернете и над которыми мы с ней работали. Но в любом случае мы, как та девочка, которая забрасывала морские звезды подальше в море после шторма, сделали все возможное и для себя, и для общества. Но кроме горечи разочарования от общества мы не получили ничего хорошего! В конце концов, мы просто плюнули на него и радовались тому, что дочь сдала химию на «4», русский язык на «4», а по математике моей дочери не хватило одного балла до заветной четверки. Таким образом, мы сдали все свои заявленные экзамены, не струсил, не сошли с дистанции и гордились своими достижениями 3—3—4—4. А в аттестате у дочери по русскому красовалась ЧЕТВЕРКА! И черт с ним, с этим обществом!

Глава 13.

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Сила убеждений

Не повлияет на грозу.

Но восхитится

Мощью. Ици соперников

Среди людей могучих!

Еще год назад моя дочь никуда без меня не могла ходить: ни в поликлинику, ни в магазин, ни в какое-либо другое государственное учреждение. На нее напал ступор, обездвиживавший все ее тело и душу. Она ходила за мной по пятам, но самой что-либо предпринять, т.е. сказать или сделать что-то, она даже и не пыталась. Потенции не было. Мы каждый год проходили полную диспансеризацию, которая в организационном плане вся висела на мне. А тут надо проходить врачей для поступления в пожарно-спасательный колледж. Моей дочери уже 16 лет, и я подумала, что пора заняться формированием социальной компетентности. Поэтому я решила,

что бразды правления оставлю за собой, но все, что смогу передать под руководство дочери, я передам. Мы с ней сходили в поликлинику, записались к терапевту на прием. На приеме мы выяснили, что лето — знатная отпускная пора не только у большинства работающих людей, но и у медиков в том числе. Почему это нас удивило, я не знаю, но наша собственная наивность чуть не подвела нас. Мы вовремя смогли записаться ко всем доступным на данный момент врачам, но их было не больше половины нужных. Остальные врачи были либо в далекой от нас поликлинике, либо только на платной основе. Наш участковый терапевт, великолепнейшая Марина Львовна, нам все популярно рассказала. Главное, она честно сказала, что лучше делать за деньги, а что — по бесплатной медицинской страховке. Марина Львовна смотрела на скачанный с сайта список врачей и список анализов и минут 15 выписывала нам всевозможные направления. Получив «билетов пачку», мы с дочерью отправились в регистратуру поликлиники записываться на определенные числа, чтобы выданные нам направления обрели место и время — так сказать, стали действующими бумажками.

Придя домой, я вместе с дочерью разложила наши сокровенные талончики и направления по датам, рассортировала их по врачам и опять-таки вместе с дочерью ввела полученные данные в календарь на кухне. Так календарь с середины июня запестрел моими записями: практически через день или каждый день моя дочь должна была ходить по врачам на осмотр, сдавать анализы крови, мочи, кала, делать УЗИ щитовидной железы, брюшной полости, ЭКГ с нагрузкой на длинной ленте. Вереница записей заползла и на июль месяц, и я поняла, что «покой нам только снился». Наведя порядок с бесплатными медицинскими изысканиями, я засела за телефонные переговоры, и в календаре за неделю появились записи до середины июля. Так, например, встретиться с кардиологом, сделать УЗИ сердца можно было только платно. Платными стали для нас и ортопед, и хирург (к нормальному хирургу запись закончилась еще задолго до нашего прихода в далекую от нас поликлинику, а по живой очереди он нас не принял, хотя мы отсидели не менее трех часов в коридоре, ожидая его приема). Отдельными походами

были поездки в детскую стоматологическую клинику и к окулисту с гинекологом.

Мы сидели на кухне, ели вкуснейший торт и с опаской поглядывали на устрашающий наши души календарь. Мало того, что этот календарь назывался «ВОДАПАДЫ» (дизайнер, видимо, был из молодых и неграмотных), мало того, что там не значился день моего рождения — 31 мая не существовало в моем любимом мае, так еще календарь стал прибежищем наших тревог и страхов. Дочь ужасно боялась предстоящих походов к врачам. Боялась она не самих врачей, боялась она учреждений, зданий, в которых чувствовала себя неуверенно, как в песне дурацкой «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой». Приблизительно такие же ощущения накрывали мою дочь, когда она смотрела на испещренный моими записями календарь июня-июля. «Горячий месяц социальной компетентности» — так я назвала этот период нашей жизни. И это вам не экзамен по обществознанию, который после прохождения всех врачей нам покажется проще пареной репы: «Peace of cake».

Никто и ничто не учит человека так эффективно, как обыкновенная необходимость. Конечно, не любая необходимость может научить, так же как и не любая необходимость обыкновенная. Но в нашем случае это была обучающая необходимость, продвигающая, вынуждающая действовать четко, разумно, боевито. Ибо моя дочь не просто ходила по врачам, а действовала в своих интересах, защищала свое право на поступление в очень непростой колледж по специальности «защита в чрезвычайных ситуациях». Именно эта необходимость поднимала мою дочь спозаранку и отправляла натошак сдавать кровь именно в указанный на календаре день, в указанное в талоне время. Именно необходимость заставляла мою дочь помнить, что она должна прийти к 13.30 в кабинет №26 и напомнить врачу, что ей нужно сдать ЭКГ с нагрузкой на длинной ленте, потому что врач не обязан это знать, а она, моя дочь, обязана, и это в ее личных интересах. Именно необходимость заставляла мою дочь забыть о своем страхе перед стоматологом, спрятать свое нежелание ехать в стоматологическую поли-

клинику одной на перекладных. Необходимость напоминала моей дочери о том, как надо действовать: войти в поликлинику, купить бахилы, подойти в регистратуру, предъявить паспорт и медицинский полис, записаться к врачу на прием, взять талончик, пройти в указанный на талоне кабинет, подождать в коридоре своей очереди, войти, когда загорится красная лампочка, сесть в кресло и показать свои зубы. И все эти действия необходимо было четко себе представлять, чтобы получить маленькую бумажку с подписью и печатью врача-стоматолога с вердиктом: здорова, рекомендовано обучение по выбранной специальности! И так восемь раз подряд, самостоятельно, без меня, в течение целого месяца! Настоящий подвиг для девушки 16 лет, которая училась не той выученной беспомощности из детского дома, а той необходимости, которая направляется на защиту ее интересов, позволяет сбываться ее мечтам. Потому что именно необходимость может указать нам тот единственный путь, который мы выбрали, осознали, сделали своим.

Чего боялись, на то и напоролись

Да. Я боялась и имела все основания предполагать, что бюджетное отделение нам не светит никоим образом. Во-первых, достаточно один раз что-то отменить, как даже при условии возвращения оно на самом деле оно уже не вернется либо никогда, либо не сразу даже при самом настойчивом сценарии возврата. Запретить, отменить легче легкого, а вы попробуйте обратно наладить, вернуть на законных основаниях, и чтобы оно еще и работало, а не просто было принято к сведению всеми чиновниками разных мастей! Эх, шашкой махать все горазды. Я имею в виду льготы для сирот на поступление в среднее специальное или высшее учебное заведение. Сначала льготы были, и я лично даже знаю людей, которые воспользовались своим правом на внеконкурсное поступление в МГУ. Несколько лет назад эти льготы отменили. А год назад, т.е. через год отмены, их вернули сиротам обратно. Мы, зная Закон РФ от 29.12.2012 (ну, скажите, пожалуйста, какой серьезный закон может быть принят 29 декабря, в канун нового 2013 года, у нас в России?) «Об обра-

зовании в Российской Федерации», попросили отдел опеки и попечительства по нашему муниципальному району написать ходатайство директору пожарно-спасательного колледжа о том, что поскольку моя дочь, являясь ребенком, оставшимся без попечения родителей, имеет льготу, установленную законодательством для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, то министерство образования Московской области по нашему муниципальному району ходатайствует о внеконкурсном приеме моей несовершеннолетней дочери в данное учебное заведение. Зная о праве на льготу, мы рассчитывали на нее.

Во-вторых, я боялась, что мои рассуждения о разделении бюджета Москвы и Московской области приведут к непоправимой ошибке: подрастающему поколению Подмосковья учиться в принципе негде. Есть неразветвленная сеть нескольких профильных вузов, нескольких открытых филиалов известных вузов Москвы, по несколько колледжей в каждом городе. И ВСЕ! Если старшеклассники выбрали колледж или вуз города Москвы, то родители этих детей должны платить за них.

Когда мы приехали с дочерью с папкой, упакованной нашим героическим прохождением медицинских анализов, справок с печатями и подписями врачей, с оформленной как заявлено на сайте в правилах приема абитуриентов медицинской картой по форме 026-У и с копиями всех остальных документов, мы попали в разгоревшийся скандал. Перед нами было семей 5. Все они ругались и возмущались как раз тем, что вселяло в меня страх. Все семьи были из Подмосковья, ближнего и дальнего. Ребята, надо сказать, были в отличном состоянии духа: они не вмешивались в родительское возмущение, сами не подключались к ору и вели себя достойно, т.е. были спокойны. Но было видно, что их спокойствие им дается немалыми личными усилиями. Было также неизвестно, насколько этого спокойствия им хватит, потому что мы все, погруженные в конфликт, понимали, что заявление о поступлении на бюджетное отделение по специальности «защита в чрезвычайных ситуациях» у нас не принимают и, скорее всего, не примут. Потому что мы живем чуть дальше, чем граница

города Москвы. Потому что мы имеем право подать заявление только на внебюджетное отделение, т.е., читай, платное. Всплыло число 80 000 рублей в год. Как нам сказали, сумма неокончательная, потому что на Дне открытых дверей была сумма другая. Меня почему-то накрыло видение 120 000 рублей. И мне привиделось, что на момент зачисления в колледж будет именно такая сумма. Я была в шоке и от ругани, и от безысходности, и от немалой суммы. А председатель приемной комиссии с легкостью нас убеждала, что все возможно: оформите за несколько оставшихся недель регистрацию по месту пребывания своего ребенка в Москве — и вы таким образом получите желанный доступ к бюджету. А пока мы не москвичи, мы должны довольствоваться и заявлением на внебюджет.

Дело было утром, и ругаться перестали, осознав бесполезность женской суеты (понятно, что мамы горой стоят за своих мальчиков, ведь папы в редких случаях занимаются воспитанием своих сыновей у нас в стране). Семьи (мамы с сыновьями) ушли в надежде, что им удастся пристроить своих детей к кому-то из родственников или друзей, проживающих и прописанных в Москве. Настал наш черед. И оба моих страха были воплощены в жизнь. Первый — только платное обучение (опять всплыли в сознании 120 000 рублей). Второй — никаких льгот. «Вот если бы вы были сиротой московской, — весело и энергично сообщила нам председатель приемной комиссии, — то тогда, может быть, мы бы рассмотрели и приняли к сведению ваше ходатайство. А поскольку вы сирота...» — «Казанская», — подсказала я. «Да хоть какая сирота, нам все равно», — отрезала так же весело и бодро председатель. Но ксерокопию ходатайства она все же сделала, участливо напомнила, что можно легко получить регистрацию в Москве, и взяла у нас только оригинал медицинской справки по форме 086, которую мы сделали еще в начале июня, а на кипу оригиналов сданных анализов никто и взгляда не уронил. Это все оказалось не нужно. И наш геройский поступок стал значимым только для нас. Это мы научились социальной компетентности, смелости, общению с официальными лицами, и как оказалось, никакой необходимости в этом не было. Но опять-таки, мы сделали все,

что смогли, и были удовлетворены результатами своих усилий. Оставалось сдать вступительные экзамены.

Любопытство — не порок

Я умирала от любопытства. Во-первых, мне было страшно интересно, почему отменили традиционные экзамены: диктант по русскому языку и контрольный тест по алгебре и геометрии. Ведь мы столько готовились, учились писать диктанты, решать уравнения и неравенства, задачки и графические функции, вычислять синусы и косинусы. Не то чтобы я была фанатом традиционных вступительных экзаменов. Совсем нет, мне как психологу импонировала ориентация на определение профессиональной пригодности абитуриентов к выполнению необходимых действий в экстремальной ситуации. Я полагала, что выявление устойчивых моделей поведения в чрезвычайной, сложной обстановке не менее важно, чем возможность убедиться в том, что будущие курсанты колледжа умеют грамотно писать и излагать свои мысли и обладают математическим мышлением. Но все же, почему перешли только на психологическое тестирование? Зачем так отдалились от школьной программы? С одной стороны, огромное количество мальчишек, закончивших 9 классов, хотят продолжить обучение не в стенах своей школы. С другой стороны, колледжи отказываются от экзаменов по школьному образцу, формату. Это ли не апогей недоверия старшей школе как со стороны учащихся, так и со стороны колледжа — следующего звена в непрерывной цепочке образования? Возможна ли в таком случае непрерывность образования? Ответ отрицательный. А что мы имеем? Прерывание. Значит, именно старшая школа устроена неправильно, и в этом заложена серьезная ошибка. Но мне было интересно, каким образом эта ошибка привела к сбою в программе непрерывности образования и на каком основании было принято решение блокировать школьный формат экзаменов. У меня было такое ощущение, что все решили откреститься от школы вместе со мной.

Я смотрела на родителей, на их выросших детей и понимала, что школа их сама отпустила, выдавила, выдворила, изгнала, даже

не потрудившись найти им место в своем образовательном пространстве. Прямо на моих глазах у школы выросли куриные ноги, и она превратилась в избушку Бабы-яги, которая никак не желала поворачиваться к ученикам передом. Этот сказочный образ, близкий всем детишкам с детства, ярко и затейливо перекочевал в образовательное учреждение. «Но почему же только школа превратилась в избушку на курьих ножках? — подумала я. — А как же детский садик?» И буквально за секунду две тетечки-воспитательницы, стоявшие подальше от детской площадки, на которой игрались дети из их групп, превратились в бабулечек-ягулечек, потому что они и не собирались играть со своими воспитанниками ни в какие игры. И причем не только они, а практически все воспитательницы за редким исключением. Никакой организационной потенции, никакой профессиональной пригодности к игровой педагогике: сложив руки на груди-животе, они прекрасно болтали сами по себе, отдыхая от работы, будучи на работе. Как говорят, солдат спит — служба идет. Так и эти тетечки из детского садика. Так, может быть, это проблема профессиональной компетентности на всех уровнях?

Кульминацией моих размышлений стал всплывший из недр моей памяти анекдот про пожарного. Встречаются два мужика. Заговорили о работе. Один рассказывает, что работа у него очень интересная: и в картишки играют, и высокоинтеллектуальные разговоры ведут, и дружат, и пиво вместе пьют, и все вообще замечательно. Но как только пожар случается, так ему сразу уволиться хочется.

Вот до чего любопытство меня довело!

Во-вторых, мне было страшно любопытно, какие же психологические тесты будут на экзамене. Я решила, что моя дочь должна в качестве подготовки пройти классику психологических тестов и что в любом случае этот опыт ей сослужит хорошую службу на экзамене. Первым я выбрала тест УСК (на определение уровня субъективного контроля — шкала локус-контроля Дж. Роттера). Ну каким может быть спасатель, если он во всех случившихся с ним

ошибках винит окружающих! Если спасатель будет думать, что люди сами виноваты в том, что их дом попал под землетрясение, то он будет искать причины не помогать людям. Причем причины такой горе-спасатель найдет легко: это не сложнее, чем найти черную кошку в черной комнате, особенно при условии, что ее там нет. И уж, конечно, о профессиональном долге речи быть не может, если человек привык обвинять всех окружающих в том, что это они ему мешают выполнять его профессиональный долг — спасти их! Только человек, умеющий брать на себя ответственность за свои действия, особенно за свои и не только свои ошибки и неудачи, сможет ринуться в пекло и не думать о том, виноваты ли эти люди, что их завалило снегом или еще чем-то. Именно мысли, мировоззрение, выражающее внутреннее отношение человека к самому себе и к другим людям, мешают человеку стать профессионалом своего дела.

С другой стороны, так же неправильно, если спасатель будет излишне скован самобичеванием, самообвинением. Если человек во всех случившихся с ним бедах будет винить только себя самого и не сможет спокойно, как бы со стороны взглянуть на происшедшее, ему будет сложно осознать причины ошибок, научиться их исправлять и не совершать в дальнейшем. На самом деле существуют такие социально-психологические характеристики личности, которые способствуют эффективному обучению. Уровень субъективного контроля очень важен для будущих профессиональных спасателей, которые должны уметь работать как в команде, т.е. подчиняться определенным правилам совместной работы, так и в одиночку, т.е. брать на себя ответственность за свои действия, уметь рассчитывать на свои силы, доверять самому себе, своим рефлексам, своим знаниям и умениям. Будущий спасатель должен иметь уверенность, что от профессионализма его действий во многом зависит успех общего дела. К тому же человек должен быть уверен, что именно он управляет событиями своей жизни, своего дела, что его личные усилия, а не удача, халва, случайность позволили ему добиться хорошего результата. Поэтому впадать в крайности интернальности (направленности во внутрь себя) или экстернальности (направленности

на то, что вне тебя, на внешнее окружение) будущему спасателю никак нельзя: это изначально профессиональная непригодность к данному роду деятельности.

Учитывая «комплекс неудачницы» дочери, мне было очень важно знать результаты прохождения локус-контроля. Но моя дочь действительно уже выросла из детдомовских штанишек. Она показала достаточно высокий показатель по шкале общей интернальности, чем, безусловно, меня порадовала. В течение шести лет я старательно прививала дочери простую мысль, что результат зависит от ее личных усилий, что результат важен не сам по себе, а как следствие грамотно реализованной стратегии операций, действий, совершенных лично ею. Конечно, в какой-то мере моя дочь еще могла уповать на то, что ей повезло и что она не осталась в детском доме «навсегда». И мне было порой до мурашек не по себе, когда на меня накатывала мысль о том, что было бы с моей дочерью, останься она там... Но это была никчемная молния, она вспыхивала и угасала без разрушений моего настроения. Лишь тело какое-то время дрожало изнутри, и создавалось такое ощущение, будто миллиарды клеточек в момент превратились в миллиарды маленьких колокольчиков и что есть мочи били тревогу, беспокоились, суетились, спрашивая себя о том, что же такого случилось. Но все эти миллиарды клеточек быстро понимали, что случилась мысленная молния, а по правде — все в порядке. И они переставали трезвонить и возвращались к своим делам, обязанностям, продолжали жить спокойно и уверенно.

Порой я думала по ночам, зачем я подвергаю свою дочь испытаниям, прошу ее проходить психологические тесты. Ведь я знаю, что она и так предрасположена к героическим действиям, что это у нее, как говорится, в крови, что она действительно мечтает стать спасателем, что ее увлекают все эти механизмы, инструменты, устройства. Одно время я даже предлагала ей освоить профессию жестянщика — у нее бы это получилось однозначно: комар бы носа не подточил. Но жестянщик недостаточно героичен сам по себе, поэтому путь нам только в МЧС. Конечно, я хотела, чтобы моя дочь получила опыт прохождения психологических тестов.

Но не в этом была сермяжная правда затеянного мною подготовительного периода. Правда заключалась в следующем: я хотела обрести объективную уверенность в том, что моя дочь не из-за бравады собирается стать спасателем. Что это в ней говорит не «голое скорпионство», что моей дочери нужен именно такой образ жизни и что она готова к его принятию. Итак, его величество Объективность! Вот в чем была сермяжная правда.

Следующим блоком психологических тестов был мой любимый Айзенк. Причем в двух ипостасях. В качестве теста на определение типа темперамента. И в качестве блока интеллектуальных тестов на определение уровня интеллектуальности (IQ).

С обоймой интеллектуальных тестов моя дочь справлялась с удовольствием. Я уже отмечала, что еще в 12 лет она буквально набрасывалась на головоломки различной сложности, так как испытывала самый настоящий голод в интеллектуальном развитии. С тех пор мы не переставая покупали все новые и новые головоломки, регулярно их собирали и разбирали, ловко и ненасытно их решали, разгадывали и устанавливали личные рекорды по их решению и разгадывания, собиранию и разбиранию.

Общий тест на определение уровня интеллектуальности моя дочь прошла успешнее, чем сама ожидала: за отведенные мною полчаса она из 10 зрительно-пространственных заданий правильно решила 8, из 11 словесно-логических — 9 и из 5 математических — 2. Таким образом, за полчаса моя дочь постаралась решить 26 заданий из 40 предложенных в тесте, из них 19 заданий она решила безусловно — т.е. правильно. Ее результат соответствовал коэффициенту интеллектуальности в 126 баллов при диапазоне от 90 до 140 баллов. Из всего моего опыта работы детским психологом я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь из учеников набрал более 135 баллов. Это было очень редко, и я искренне поздравила свою дочь с очень хорошим результатом. При этом я вовсе не считала ее интеллектуалкой: она проявила упорство в решении заданий, обладала очень хорошим зрительно-пространственным воображением, но с математической частью вычислений

она не справилась, даже несмотря на то что потратила на эти самые вычисления драгоценное время, которое могла бы потратить на более результативные словесные задания. Тем не менее моя дочь показала себя опытным экспериментатором при прохождении интеллектуальных тестов, и в течение недели она каждый день проходила по одному тесту: словесному, зрительно-пространственному или математическому. За этот период она окрепла, убедилась в собственной интеллектуальной состоятельности, а я получила очередную объективную информацию о готовности своей дочери к вступительным испытаниям.

С типом темперамента для меня никаких открытий не произошло, к счастью. Как я и предполагала, моя дочь накрепко зависла между холериком и сангвиником. Нервы ее, расшатанные условиями четырехлетнего проживания в детском доме, не стали железными, но по крайней мере успокоились. Объективно дочь была профессионально пригодна для обучения по специальности «защита в чрезвычайных ситуациях». Потому что именно холерики (вспомним Суворова) и сангвиники (вспомним Нахимова) обладают потенциалом героической личности, лидерскими качествами. И хотя все типы темперамента являются условными, тем не менее тревожные и легко впадающие в ступор меланхолики, а также управляемые, осмотрительные и рассудительные флегматики вряд ли по своей доброй воле в принципе захотят стать спасателями.

Большим событием для дочери стало прохождение ею методики 16-факторного опросника Кеттелла. Впервые она отвечала на большое количество вопросов. Она с нетерпением ждала моих разъяснений, и мы целый вечер с ней обсуждали ее характер. Но самым важным был сравнительный анализ ее субъективных ощущений и объективной картины. Я попросила дочь самостоятельно оценить, насколько выражены основные 16 черт ее характера, найти свое место в психологической картине «какая Я». Зеленым фломастером дочь отметила то, как и что она думает о себе. А синим фломастером я отметила степень выраженности той или иной черты характера по результатам прохождения методики. Так

мы и обсуждали каждую черту характера, сравнивали, старались понять, почему есть расхождения, в чем моя дочь сомневается или ошибается. Особенно много мы говорили о сильных сторонах ее характера и слабостях. На следующий день мы еще больше разговаривали и даже сели за стол, чтобы дочь написала стратегию формирования и развития тех черт характера, над которыми она стремилась работать, чтобы изменить свое отношение к себе.

Ну и, конечно же, моя дочь прошла блок рисуночных тестов ДДЧ (дерево, дом, человек). Нам было очень интересно сравнить рисунки дерева, дома и человека, которые моя дочь делала 4 года назад. Я как смогла популярно и доступно объяснила, на что именно обратить внимание при анализе двух деревьев: первый рисунок дерева вообще не был деревом как таковым, скорее, это был кустарник с хилыми, но очень раскидистыми веточками. На втором рисунке стояло мощное дерево с толстым стволом, сформированной кроной. Главное, что моя дочь получила в руки свои давние рисунки. Она не переставала задавать мне вопросы про каждую свою линию, ей было не только интересно, любопытно, что и как она рисовала «в детстве». Дочь стремилась понять себя — и то, что с ней происходило раньше, и то, что изменилось в ней лично, в ее восприятии мира, жизни.

Из психологических методик еще был Розенцвейг. Мне было любопытно, какие ответы напишет моя дочь в каждой предлагаемой ей ситуации. По поводу анализа ее ответов у меня была целая буря эмоций: она постоянно извинялась и там, где нужно было извиниться, и там, где не нужно было этого делать — на кой черт нужны извинения там, где нужно договориться о действии. Моя дочь хотела занять лидирующее положение в некоторых ситуациях, но делала это не всегда напрямую: она предпочитала оттягивать решение там, где нужно было предлагать его для обсуждения. При этом она часто пользовалась таким успокоительным выражением, как «да ладно». Меня такая ее позиция просто бесила, и я едва сдерживала себя, чтобы не наехать танком на ее «ладненько» и не размазать выражение «да ладно» по стенке. И в ответ я также не могла оставить это «ладно», сказав, что «ладно,

давай оставим это на год, ты повзрослеешь, тогда и будем разбираться с этим».

Короче, попала я в тиски с Розенцвейгом: ни наехать на дочь, ни размазать словечки, ни оттянуть разговор о том, как необходимо уметь работать с информацией. Поскольку потенциала на запрос информации, которую можно в определенной ситуации получить только от партнера по общению в этой же ситуации и больше ни у кого, у моей дочери не угадывалось и не намечалось! И я была вынуждена начать издалека «работу по информационному голоду». Я половину июля и практически весь август делала так, что дочь могла либо спросить у меня, т.е. словесно оформить запрос на информацию, либо догадаться сама, что необходимо сделать и как ситуация может развернуться, если у нее не будет той или иной информации по данной ситуации. Кроме того, я каждый раз фиксировала, в какой именно информации она нуждается в определенной ситуации и где можно взять эту самую информацию. Я говорила дочери, что информация витает в воздухе, как идея, с которой все и начинается, и что если ты знаешь и понимаешь то, что ты будешь делать, с чем тебе предстоит справиться, ты точно и ясно будешь понимать, какого рода информация тебе нужна и где или у кого ее можно получить. Безусловно, не всегда самым важным источником информации является человек, партнер по общению в каждой ситуации. Но от того, как вы между собой договоритесь при обсуждении той или иной информации, будет зависеть успех принятого совместного решения. И не только желательно, но и обязательно, чтобы информация понималась и принималась партнерами по общению дружелюбно, без криво-толков и разночтений. Поэтому так важна информация, которая своей точностью не будет создавать множество интерпретаций и условностей. Обстоятельства времени, места, действия, как правило, точны и понятны, расхождения могут быть в понимании деталей дела, но основные показатели времени и места должны быть четкими, краткими, толковыми. «От тебя зависит то, как тебя будут понимать другие люди: подруги, друзья, родные и, конечно же, я!» — неустанно твердила я дочери и требовала от нее четкости и ясности, а не размазанной манной каши по белому столу.

Я вспоминала одну из психотехник на своих видеотренингах и не могла остановиться от смеха, так мне было смешно об этом вспомнить. А задание состояло в том, что двум группам людей, стоящих друг напротив друга, необходимо договориться о плане побега. Одна шеренга людей представляла себя заключенными в тюрьме. А другая шеренга людей была посетителями, которые пришли показать, какой план побега они придумали и предлагают своему напарнику воплотить в жизнь. Поскольку на встрече нельзя разговаривать, посетители должны были показывать свой план побега, а заключенные должны были как можно точнее понять своего спасителя. Вы знаете, какое это интереснейшее задание! И как вы думаете, сколько заключенных смогли бы убежать из тюрьмы? Думаете, что из 10 участников группы 2 человека точно смогли бы? Вы слишком хорошо думаете о людях. По крайней мере, русских людях. А правильный ответ находится между 0 и 1 — любимыми числами программистов. Каких только планов не придумывали посетители, от банальности с пилкой в хлебе или торте до масштабного захвата власти в данной тюрьме. Но всем этим малым и великим планам не было суждено сбыться из-за неумения людей понимать информацию. И если вы думаете, что если бы можно было пользоваться словами, то все планы бы исполнились, то вы еще больше заблуждаетесь. Потому что слова только еще больше запутали бы людей. Стоял бы дикий ор, нервный шепот, оскорбительные замечания по поводу умственных способностей напарника сыпались бы из любого метра шеренги, и все это сопровождалось бы завистливыми или недоверчивыми взглядами, с опасением, как бы парочка рядом не сперла самый лучший в мире план побега, которым склонен гордиться автор. Не зря есть мудрость, которая гласит: «Если человек не понимает вашего молчания, то вряд ли он способен будет понять ваши слова». Попробуйте, поиграйте со своими друзьями, родственниками, поупражняйтесь в великодушии, терпеливости, креативности. Получите массу удовольствия (при условии, что на 3-й минуте упражнения вы не разругаетесь вдрызг). Впрочем, это тоже результат, наверное, даже более нуждающийся в обсуждении, чем просто веселое времяпрепровождение. А уж видеокамеры в настоящее время встроены в каждый более-менее приличный

фотоаппарат. Снимайте на здоровье, психологическое здоровье, разумеется.

Таким образом, подготовка к вступительным экзаменам превратилась в опорный фундамент для построения будущей жизни, и не только профессиональной. Моя дочь не только хотела, мечтала стать спасателем, но и прикладывала максимум личных усилий, чтобы успешно сдать вступительные экзамены. Вставала она в 8.30 утра и без контроля и напоминаний с моей стороны отправлялась на пробежку, чтобы подготовиться к сдаче кросса длиной в 1000 метров, т.е. 1 км. Бегала она ежедневно, даже в невероятную жару, благо наш район был посажен роскошными липами, соснами, березами и было много дорожек, на которых безопасно можно побегать одинокой девушке. Также дочь ежедневно выполняла комплекс силовых упражнений: подтягивание, отжимание от пола, качание пресса. К этому виду занятий мы решили привлечь в качестве консультанта моего друга. Он показал дочери, как правильно отжиматься, качать пресс, и прочитал целую лекцию о том, почему надо делать именно так, а не иначе. Поблагодарив за ценную информацию и наглядную демонстрацию, мы с дочерью регулярно засекали секундомером, сколько раз за 30 секунд она сможет отжаться, сколько раз сможет выжать пресс. Зная нормативы силового комплекса, которые требовались для поступления в колледж, мы с каждым днем улучшали свой результат. Моя дочь во дворе расчертила дистанцию 5 метров для челночного бега и упорно тренировалась разворачиваться на 180 градусов как можно сбалансированнее. На первых порах получалось смешно, долго, нерасторопно. Все тело, казалось, не удерживалось в заданной плоскости: руки мешали корпусу, ноги путались и сбивались. Никакой красоты в челночном беге не наблюдалось, и дочь старалась сладить с размахистыми руками и запутавшимися ногами. Иногда получалось, иногда нет. Кроме того, были еще прыжки в длину с места. В целом моя девочка была, несмотря на свой невысокий рост, прыгуча и пружиниста. Но до заветной пятерки все равно не хватало много сантиметров. Мы прикинули, что дочь сможет сдать все снаряды на 4 или на 5. Нас это вполне устраивало, и ежедневные тренировки стали нормой нашей жизни.

15 человек на место

Мы приезжали на заявленные колледжем консультации и еще раз убедились в том, что конкуренция среди абитуриентов будет жесткая. Дочь сидела, ошарашенно разглядывая толпу, не вмещающуюся в актовом зале. На сайте колледжа была размещена информация, что подано 684 заявления на 50 бюджетных и 50 внебюджетных мест. На конкурс по среднему баллу аттестата мы надеяться не могли, так как он был невысокий — всего 3,7. То, что мы неплохо сдали ГИА, вообще никак не учитывалось. Нам даже в школе никаких бумажек по поводу результатов экзаменов не выдали. Этот личный подвиг моей дочери остался на уровне секретного документа ДДП — т.е. для домашнего пользования. Как будто мы и не сдавали 4 экзамена. Но мы их сдавали, и поэтому никакой паники перед вступительными экзаменами у нас не было. Мы вместе с дочерью приехали на первый экзамен — психологическое тестирование. Перед тем как нам расстаться, я сказала: «Волнуйся, сколько хочешь, волнение неизбежно, поэтому нет смысла с ним бороться. Как только ты сядешь за прохождение тестов — все твоё внимание включится сразу и на все 100%. Ты спокойно и уверенно выполнишь все тесты. Мы встретимся в кафе, где я буду тебя ждать. Удачи». Я поцеловала дочь, крепко стиснула ее плечи, как бы собирая ее тело в кулак, и пошла пить кофе в кафе, которое мы с ней присмотрели еще после приезда на консультацию. В кафе в этот час никого не было, и я смогла побыть в тишине и уюте.

Вернулась дочь веселая, я бы даже сказала, беззаботная и игривая. Стала рассказывать, какие были тесты и как она с ними справилась. Похоже, в качестве профпригодности были выбраны матрицы Равена. По описаниям дочери, это были они. А может, я ошибаюсь, в мире так много накоплено тестового материала, что и не сосчитать! Как донов Педро... Мы каждый день ходили на сайт колледжа, чтобы узнать результат. Всего три цифры: 1 — не рекомендуется к обучению, 2 — условно рекомендовано, 3 — рекомендовано. Дочь моя была рекомендована к обучению. Оставалось сдать физические испытания. Я присутствовала на этом экзамене, так как, во-первых, к нему были допущены родители, во-вторых,

мне самой было интересно поглядеть и на мальчишек, и на девчонок. Девчонок было три вместе с моей дочерью. Парней было очень много, и все были очень разные по внешнему виду: в зале собралось человек 80, по моим подсчетам. Были явные спортсмены: они держались уверенно и их выступления были наиболее результативными. Кросс бежали по 15 человек под проливным дождем. Моей дочери и остальным девчонкам повезло: они бежали в первой когорте, когда дождь только набирал свою силу. Некоторым парням было трудно бежать, кто-то останавливался, кто-то сходил с дистанции. Так или иначе, вымокшие до нитки абитуриенты продолжили сдавать экзамен в спортивном зале. Мне казалось, что никого из них не волнуют прилипшие к ногам и рукам мокрые вещи, с которых стекала вода ручьем. Все разбились на подгруппы и стали сдавать комплекс силовых упражнений. Потом сдавали прыжки с места. И последним был челночный бег. Поскольку осталось только две девчонки (третья девушка сошла с дистанции, когда бежала кросс), то я предполагала, что сначала сдадут они, а потом возьмутся за мальчишек. Девушки должны бежать 10 раз по 5 метров, а парни — 10 раз по 10 метров. То есть это в принципе должны быть разные забеги. Но когда девушки выстроились на стартовой линии, подошел главный физкультурник колледжа и снял их с дистанции. Указав рукой на скамейку, он сказал, чтобы они ждали. Это было последнее испытание, девчонки волновались, устали не меньше, чем парни, и, конечно, хотели поскорее уйти. Но джентльменство здесь было не в почете. Мы просидели целый час, ожидая, пока 80 парней сдадут челночный бег. Там было на что посмотреть: некоторые настолько красиво и элегантно разворачивались, касаясь рукой пола, что дух захватывало. С одной стороны, было не очень приятно, что к девушкам (всего-то двум) не было проявлено внимание, с другой стороны, я практически всех мальчишек запомнила в лицо, рассматривая их во время челночного бега. Нет худа без добра. Это как раз тот случай.

Физические испытания дочь сдала со стабильным результатом в 57 баллов. Это было гораздо больше, чем 4, но меньше, чем 5. Моя дочь нигде не сбилась, все выдержала, проявив усердие, волю и устойчивость. Она заслуженно поступила на отделение «Защи-

та в чрезвычайных ситуациях» и стала курсантом внебюджетной группы. А стоимость платного обучения в колледже была равна той сумме, которая стала моим наваждением, — 120 000 рублей. Вот и не доверяй интуиции! Когда мы ехали заключать договор, я планировала записаться на прием к директору колледжа, чтобы просить его учесть в расчетах, что моя дочь имеет федеральную льготу на получение образования, но как только до нас дошла очередь, нам сразу же объяснили, что поскольку мы имеем льготу, то платить мы будем не 120 000 рублей, а *всего* 85 000. Аллилуйя!!!

Так славно завершился мой школьный дневник.

*Листва кружится.
Ветер котят веселит.
Тучи льнут к солнцу.
Господи, как хорошо!
Только надолго ли это?*

Серия «В фокусе: ребенок-родитель-специалист»

НАЕДИНЕ СО ШКОЛОЙ

М.: ООО «РПФ НИК», 2015. — 158 стр.

Подписано в печать 10.07.2015

Тираж 1000 экз.

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко

Программа «Семья и дети»

www.timchenkofoundation.org

12125284, Россия, г. Москва,
ул. Беговая, дом 3, стр. 1, этаж 40
БЦ «NordStar Tower»

Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко создан в Москве в 2010 году. Фонд объединил в своем программном портфеле все направления семейной благотворительности. Деятельность Фонда направлена на помощь семье и детям, поддержку активного долголетия, развитие спорта и культуры. Эти стратегические направления нацелены на системное решение социальных проблем в России.

Настоящая книга создана в рамках издательского проекта программы «Семья и дети» фонда. Программа поддерживает развитие семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, профилактику социального сиротства, повышение профессиональных компетенций самих приемных родителей и специалистов, работающих в сфере защиты семьи и детства. Подробнее: www.timchenkofoundation.org

Россия, 125284, Москва, ул. Беговая, дом 3, стр. 1,
бизнес-центр «Нордстар»
Телефон: +7 (495) 660-56-40
Факс: +7 (495) 660-56-41
www.timchenkofoundation.org